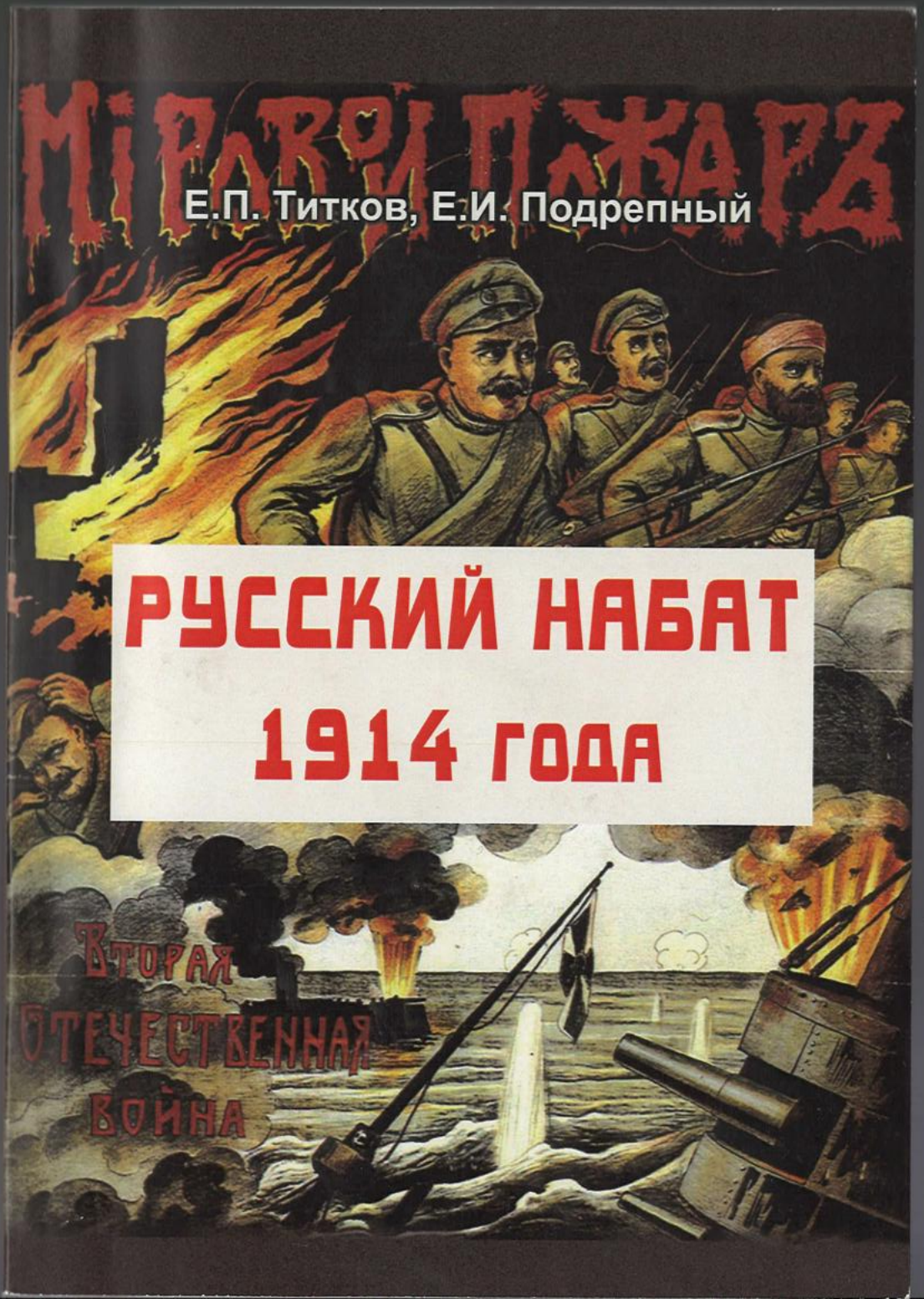

Мировой пожар
Е.П. Титков, Е.И. Подрепный
РУССКИЙ НАБАТ
1914 ГОДА
Вторая
Отечественная
война

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Национальный исследовательский университет

Арзамасский филиал

Е.П. Титков, Е.И. Подрепный

РУССКИЙ НАБАТ 1914 ГОДА

Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2014

УДК 947.083.76
ББК 63.3 (2) 534-68
Т 45

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Арзамасского филиала ННГУ

Рецензент: доктор исторических наук, профессор
Е.В. Кузнецов

Титков Е.П.
Т 45 Русский набат 1914 года. / Е.П. Титков, Е.И. Подрепн
Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: АФ ННГУ, 2
– 269 с.
ISBN 978-5-9905848-9-1

В книге рассматривается международная обстановка
конце XIX–начале XX веков, в которой вызревала Первая ми-
ровая война. Показано состояние России накануне мировой
катастрофы. Анализируются боевые действия русской арми
на всех фронтах 1914 года.

Адресуется ученикам и учителям, преподавателям и сту-
дентам вузов, всем, кто любит Россию.

УДК 947.083.76
ББК 63.3.(2) 534-68

© Титков Е.П., 2014
© Подрепный Е. И., 2014
© Арзамасский филиал ННГУ 2014

ISBN 978-5-9905848-9-1

Содержание

От авторов 5

Глава I. Истоки мировой катастрофы..... 7
Объединенная Германия и Россия: от сотрудничества
конфронтации..... 7
Рождение «Тройственного союза»..... 13
Союз с Францией – «вынужденный ответ» России..... 19
Колониальная экспансия и обострение противоречий 21
Финансовый фактор международных отношений..... 31
Балканы – «пороховой погреб» Европы..... 37

Глава II. Россия накануне Великой войны..... 47
Территория и население России в начале XX века..... 47
Экономическое развитие..... 55
Банковская система страны..... 61
Сельское хозяйство России..... 77
Российское общество накануне войны..... 86

Глава III. Наши противники и союзники. Подго-
товка к войне..... 94
Русские противники..... 94
Союзники России..... 106
Планы войны Тройственного союза..... 110
Планы Антанты..... 114
Военный потенциал России..... 122

Глава IV. Первые победы и поражения 1914 г. .....
Роковой выстрел в Сараево. У России не было поля для маневра……..
Немцы начинают агрессию……
Первые бои русских……
Верховный главнокомандующий……..
Северо-Западный фронт идет в наступление……
Первые победы в Восточной Пруссии……..
Звездный час и катастрофа генерала Самсонова……..
Завершение Восточно-Прусской операции……..

Глава V. Железная поступь Юго-Западного фронта.……..
Битва за Галицию……
Варшавско-Ивангородская операция……
Лодзинская операция……
Операция в Карпатах……

Глава VI. Кавказский фронт……
На Кавказ приходит война……..
Сарыкамышская операция……..

Заключение
Боевые итоги 1914 года ……..……

ОТ АВТОРОВ

В августе 1914 года разразилась Первая мировая война, оторая стала эпохальным рубежом в истории человечества. аша страна была брошена в центр ужасающей схватки импе-алистических правительств, вогнавших народы в неслыхан-ую до тех пор бойню.

До сентября 1939 года во всем мире эту войну называ-и «Великой». Для этого были весьма серьезные основания. ойна 1914-1918 годов имела невиданные доселе катастрофи-еские последствия для всего человечества и особенно для вропы. С полей сражений не вернулись домой более десяти иллионов солдат и офицеров из воевавших стран, еще два-цать миллионов были ранены, отравлены газами и покалече-ы. Мощная артиллерия стерла с лица земли некогда цвету-ие города и села, разрушила целые страны. Более семи мил-ионов ни в чем неповинных мирных жителей погибло за го-ы войны.

Мир отметил 100-летие со дня начала Первой мировой ойны. В начале августа 2014 года в Бельгии и Великобрита-ии состоялись торжества, посвященные 100-летию начала ойны. Здесь присутствовали представители почти всех стран, ринимавших в ней участие. Не были приглашены лишь редставители России, и представители Сербии – двух стран-изгоев», на которых Запад сегодня пытается возложить от-етственность за развязывание одного из крупнейших воен-ых конфликтов в истории человечества. На этих торжествах ицемерно звучала антироссийская риторика, проводились араллели между ситуацией вековой давности и нынешней агрессией России против Украины». Все это свидетельствует том, что определенные круги на Западе готовят новую ми-овую войну, избрав в качестве главной цели своей атаки Рос-ию.

В представляемой на суд читателя книге авторы стара-ись показать, как и кем готовилась Первая мировая война и

какую роль сыграла в ней Россия, вынужденная вступить мировую схватку, спасая своих союзников, защищая сво честь, независимость и суверенитет. Мы ограничились соб тиями 1914 года, в которых русская армия проявила подли ные чудеса мужества и героизма и в то же время потерпе целый ряд обидных поражений. Однако в целом она не прои рала кампанию первого полугодия войны.

Учитывая недостаточные представления читателей основных полководцах русской армии, в примечаниях прив дится информация об их происхождении, военной карьере судьбах.

Многие вопросы, затронутые в данной книге, нос дискуссионный характер. Авторы стремились сформулир вать свою позицию и это придает работе исследовательски характер. В то же время мы стремились изложить историч ский материал в доступной читателю популярной форме. П этому работа носит научно-популярный характер. Насколь удалось решить поставленные задачи – судить взыскательно му читателю.

Е.П. Титков, доктор исторических наук,
Е.И. Подрепный, доктор исторических наук.

Глава I. ИСТОКИ МИРОВОЙ КАТАСТРОФЫ

Объединенная Германия и Россия: от сотрудничества к конфронтации

Первая мировая война является одним из важнейших ру-ежей мировой истории, изменившим мировое развитие в со-иальном, экономическом и военном отношении. Она вызвала онечно революционные преобразования в индустрии, в тех-ологии, в средствах массовой коммуникации, в организации ациональной экономической жизни, в системе социальных тношений. «Первая мировая война стоила европейскому ре-иону места мировой мощи, авангарда мирового развития. Ев-опа поплатилась за бездумное самомнение государственных еятелей»[1].

Как пишет современный российский исследователь Вяче-лав Никонов, «ни одна из стран и ни одна из национальных сториографий не претендовали и не претендуют на сомни-ельную честь назваться инициатором Первой мировой вой-ы. Ее как бы никто не начинал»[2].

В 1920-е годы во всех странах, участвовавших в войне, ышли книги, где вина за начало войны возлагалась на проти-оположную сторону. Победители, создававшие Версальскую истему, однозначно возлагали ответственность на Германию ее союзников. Большевики в Советской России все объясня-и хищническими аппетитами мирового капитализма, всту-ившего в заключительную, империалистическую стадию воего развития. Немцы смотрели на виновников войны со-сем иначе. Германия видела главной виновницей войны Рос-ию, которую всячески подзуживала Франция, а ей помогала нглия. По германской версии, соображения внутренней по-

---

Уткин А.И. Русские войны. Век XX-й. – М.: «Алгоритм», 2008. – С. 43.
Никонов В. Крушение России / Вячеслав Никонов – М.: АСТ; Астрель, 011. - С. 113.

литики и желание пробиться к южным морям толкали Росси на союз с Францией и Англией в войне с Германией.

Всемирная катастрофа 1914-1918 гг. имеет глубокие ист рические корни, которые уходят в последнюю треть XIX ве Происхождение Первой мировой войны, ее причины, итоги последствия невозможно понять, если не изучить и понять п литические события, которые происходили в Европе пос окончания франко-прусской войны 1870-1871 годов.

Происходившие в центре Европы в XIX веке историческ процессы неуклонно вели к тому, что вместо конгломера многочисленных германских государств здесь со времен должна возникнуть единая немецкая держава. Но этому пр цессу всеми силами противилась Франция, предпочитавш видеть к востоку от своих границ слабые, полузависимые нее католические земли Южной Германии, а не единое неме кое государство с центром в Берлине. Дабы не допустить п добного развития событий, 19 июля 1870 года Франция нача войну против Пруссии.

По своему характеру и сути франко-прусская война бы ро превратилась во франко-германскую. Это произошло пос того, как к Берлину присоединились все остальные немецк государства. Для Франции итог этой войны оказался край унизительным: ее войска терпели одно поражение за други пока окончательно не были разгромлены 2 сентября 1870 го в битве под Седаном. Император Наполеон III попал в плен немцам, а 4 сентября в Париже произошла революция и бы провозглашена республика.

18 января 1871 года в резиденции французских королей Версале было провозглашено создание Германской империи Второго рейха. Прусский король Вильгельм I был провозгл шен германским императором. Так на европейской карте по вилась новая империя вместо павшей французской.

Итоги франко-прусской войны были окончательно зафи сированы в мирном договоре между Францией и теперь уж Германией 10 мая 1871 года. По условиям договора Франц

е только признавала факт объединения германских земель од эгидой Пруссии, но и была вынуждена отдать новорож- енной империи две свои провинции – Эльзас и Лотарингию, е было смешанное население, состоявшее из немцев и ранцузов. Помимо этого Франция была обязана заплатить обедителю контрибуцию в 5 миллиардов франков. А глав- ое, победа объединила немецкие княжества в единое госу- арство – Германию.

В ходе франко-прусской войны Россия фактически под- ержала Пруссию, военной демонстрацией не позволив Авст- ии выступить на стороне французов. Только что коронован- ый император Вильгельм I из Версаля телеграфировал царю лександру II: «Пруссия никогда не забудет, что именно бла- одаря Вам война не приобрела большего масштаба»[1]. Петер- ург не забыл французам их недавнее участие в Крымской ойне против России. Русские были в выигрыше от итогов ойны: они разорвали Парижский трактат с запретом иметь ерноморский флот.

Таким образом, в войне один на один против Пруссии ранция сполна расплатилась за поддержку Османской импе- ии в ее притязаниях против России и за Севастополь. Именно осле 1871 года к французским политикам независимо от их олитических взглядов постепенно начало приходить ясное сознание, что без русской помощи в любой последующей ойне против Германии Франция будет неизбежно разгромле- а.

Франко-прусский мир положил конец военным действиям ежду двумя соседними государствами. Но он отнюдь не ре- ил всех стоящих перед ними проблем. Более того, пропасть ежду Парижем и Берлином стала все более и более углуб- яться. Однако эта вражда стала развиваться уже в новых гео- олитических условиях в Европе: теперь в центре континента

Цит. по: Уткин А.И. Первая мировая война / Уткин А.И. – М.: Алгоритм, 001. – С. 21.

появилась созданная канцлером О. Бисмарком «железом и кровью» огромная империя. Причем эта империя, родившаяся под грохот пушек, стала весьма воинственной. Теперь она уже нацеливалась на роль европейского лидера.

Во многих отношениях 1871 год стал переломным в развитии межгосударственных отношений в Европе. Возвышение Берлина и унижение Парижа, казалось, подвело черту под нескончаемой чередой локальных европейских конфликтов. Прежде чем начать борьбу за возвращение утерянных Эльзаса и Лотарингии Франции нужно было время, чтобы прийти в себя, найти новых союзников в борьбе против Второго рейха. «Творца же немецкой внешней политики О. Бисмарка, наоборот, преследовал «кошмар коалиций», и он пытался сделать все возможное, чтобы не допустить сближения Санкт-Петербурга и Парижа, сохранив тем самым завоеванное»[1].

Опасаясь войны на два фронта, Бисмарк стремился улучшить отношения с Россией. По его инициативе в 1873 году между двумя странами была заключена секретная военная конвенция, по которой в случае нападения на одну из них любой другой европейской державы Берлин и Санкт-Петербург обязались немедленно выставить на помощь союзнику армию в 200 тысяч человек. К этому соглашению предполагалось привлечь и Австро-Венгрию. Вскоре между Веной и Санкт-Петербургом была подписана консультативная конвенция, к ней присоединился Берлин и в результате возник союз трех императоров. Три страны – Австро-Венгрия, Россия и Германия – обязались выступать совместно во всех балканских делах.

Однако дружба трех императоров – российского, германского и австро-венгерского – основывалась главным образом на идеологических принципах и быстро стала трещать по швам. Первой ее проверкой стала русско-турецкая война 1877-1878 гг. Победа русского оружия в войне с Турцией привела к повышению авторитета России на Балканах и в Европе в целом. Такой ход событий напугал ряд правителей европейских держав, в том числе и Германии. Против России снова встал объединенный фронт всей Европы. Вооружались Англия, Австрия, к ним примкнула спасенная недавно Франция, Италия и даже союзная Румыния. На первых порах Бисмарк прикинулся, будто поддерживает Россию. Был созван конгресс в Берлине, на котором европейские державы потребовали пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией. Этот договор был весьма благоприятным для нашей страны и славянских государств на Балканах, освобожденных от османского ига.

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России / Вячеслав Шацилло. – М.: Яуза: Эксмо, 2010. – С. 11.

На Берлинском конгрессе в 1878 г. председательствовал Бисмарк, объявивший себя «честным маклером», но реально игравший исключительно в пользу Австро-Венгрии, главного конкурента России на Балканах. В результате Россия в Берлине была лишена значительной части плодов своей победы – на болгарский престол был посажен выходец из немецкой династии Кобургов, а Австро-Венгрия, не принимавшая никакого участия в войне против турок, получила право на оккупацию Боснии и Герцеговины. За Россией оставили занятые ею на Кавказе города Карс, Ардаган, Батум. Но для нашей страны был очень болезненным вопрос о черноморских проливах. Она не стремилась обладать Босфором и Дарданеллами, как нередко изображала это западная пропаганда. Ей требовалось всего лишь право свободного прохода через эти проливы для экспорта русского зерна. Западные страны этого не допустили. Они подтвердили, что султан может закрывать проливы по своему усмотрению, когда захочет.

Таким образом, Союз трех императоров фактически перестал существовать – острая борьба между Россией и Австро-Венгрией за влияние на славянские балканские народы перевесила принципы «монархической солидарности» – краеугольного камня временного союза между династиями Романовых, Габсбургов и Гогенцолнеров.

Двуличие, недружественное поведение немцев во время Берлинского конгресса привело к резкому охлаждению русско-германских отношений. Прямым следствием этого стала шумная антинемецкая кампания, поднятая славянофилами в российской прессе. Мотив о коварстве Бисмарка, столь странным образом отплатившего России за ее поддержку Пруссии в войне против Франции, был поддержан и официальными правительственными кругами. С ответными обвинениями в неблагодарности в германских правительственных газетах выступил и сам канцлер Германии О. Бисмарк. Так в прессе двух стран началась ожесточенная и нашумевшая на всю Европу «газетная война».

Немалую роль в охлаждении отношений между Россией и Германией к концу 1870-х годов стали играть проблемы экономического характера. В те годы Германия оставалась одним из важных экономических партнеров России. Однако противоречия между двумя странами в торговой сфере характеризовались как конкуренцией русского и прусского сырья и хлеба на германском продовольственном рынке, так и не менее острой борьбой быстро растущими русской и германской промышленности на огромном рынке Российской империи. Развернулась таможенная война между двумя странами. Причем инициативу в этом деле проявила германская сторона. Она первой под давлением прусских помещиков ввела почти полный запрет на ввоз из России мяса.

Затем были введены высокие пошлины на хлеб. Это очень больно ударило по отечественному сельскому хозяйству, ибо в те годы Германия поглощала около 30 % русского хлебного экспорта. Вводя запретительные пошлины на российскую сельскохозяйственную продукцию, германское правительство вместе с тем требовало от российского существенно снизить пошлины на высокотехнологичную германскую промышленную продукцию. Если бы Россия уступила в этом вопросе, то на амбициозных проектах модернизации страны, переживавшей в те годы промышленный бум, можно было бы поставить крест.

Рождение «Тройственного союза»

После Берлинского конгресса Бисмарк решил сделать главным союзником Германии Австро-Венгрию. Ему удалось убедить императора Вильгельма I, который до последнего отказывался совершить «предательский поступок» в отношении России, в том, что союз с австро-венгерской династией Габсбургов следует сделать краеугольным камнем германской внешней политики»[1]. После этого в столице Австро-Венгрии Вене начались секретные переговоры между Германией и Австро-Венгрией о заключении союза между двумя странами.

В октябре 1879 г. в Вене был подписан секретный германо-австрийский союзный договор, направленный против России. Уже в первой статье этого документа четко было зафиксировано: «В случае, если бы одна из обеих империй, вопреки ожиданию и искреннему желанию обеих высоких договаривающихся сторон, подверглась нападению со стороны России, то обе высокие договаривающиеся стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всею совокупностью военных сил своих империй и соответственно с этим не заключать мира иначе, как только сообща и по обоюдному согласию»[2].

Вторая же статья договора предусматривала благожелательный нейтралитет по отношению к России, если она подвергнется нападению какой-либо третьей державы.

Отечественные историки почти единодушно считают, что австро-германский договор стал становым хребтом возглавляемого Германией агрессивного милитаристского блока. Он

---

[1] Вильгельм I считал, что для Германии выступить против России будет равнозначно измене. Этот курс соответствовал германской геополитике. Император Вильгельм I, судя по историческим источникам, до своей смерти в марте 1888 г. оставался убежденным сторонником германо-русской дружбы. Он завещал ее и своему наследнику, находившемуся у его одра (см. Уткин А.И. Первая мировая война. С. 21-22).

[2] Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С.7.

стал источником неисчислимых международных осложнений и послужил впоследствии одним из главных дипломатических орудий развязывания Первой мировой войны[1].

Как утверждает авторитетный российский историк В.К. Шацилло, «не подлежит сомнению, что заключение германо-австрийского договора стало рубежом в развитии внешней политики Берлина на рубеже XIX-XX веков. Он оказался самым долговечным из всех договоров, заключенных Бисмарком, а созданный им союз был инициатором развязывания Первой мировой войны»[2].

Поставив перед собой цель добиться изоляции Франции, Бисмарк вскоре после заключения договора сумел удачно использовать конфликт между Парижем и Римом из-за Туниса и привлек на свою сторону Италию. В итоге 20 мая 1882 года в Вене был подписан договор о Тройственном союзе между Германией, Австро-Венгрией и Италией. Целью союза было предохранение Австрии от возможного удара в спину в случае войны с Россией. С другой стороны, новые союзники Италии должны были оказать ей помощь на случай нападения на нее Франции. Однако из-за старой дружбы с Англией и ради собственной безопасности Италия внесла в соглашение особый пункт, в котором устанавливалось, что договор никоим образом не может быть использован против Англии[3].

Договор о создании Тройственного Союза был заключен сроком на пять лет. Но в последующие годы он периодически продлевался и продолжал существовать в неизменном виде вплоть до начала Первой мировой войны, когда Италия отказалась рассматривать в качестве повода для вступления в войну неспровоцированную агрессию Австро-Венгрии против Сербии.

[1] История дипломатии. Т.2. – М., 1963. – С. 142.
[2] Шацилло В.К. Последняя война царской России. С.15.
[3] Лиддел Гарт Генри Басил. Правда о Первой Мировой войне / Генри Басил Лиддел Гарт; (пер. с англ. О. Триэля). – М.: Яуза: Эксмо, 2010. – С. 11.

Образование Тройственного союза положило начало оформлению тех военных коалиций, которые в дальнейшем столкнулись в Первой мировой войне.

Обострение противоречий между Россией и Австро-Венгрией на Балканах и резкое ухудшение отношений с Германией сделали невозможным продление Союза трех императоров, который обеспечивал нейтралитет России в случае возможной войны между Германией и Францией. В этих условиях Бисмарк выдвинул идею заключить так называемый «Перестраховочный договор». Он по-прежнему боялся войны Германии на два фронта и потому не хотел окончательного разрыва с Российской империей. Германский канцлер решил, опираясь на союз с Австро-Венгрией и Италией, «перестраховаться» с помощью заключения с Россией особого соглашения и тем самым воспрепятствовать ее сближению с Францией. С другой стороны, и для России в тот момент, когда обострились ее отношения с Англией, подобное соглашение было выгодным[1].

В итоге 18 июня 1887 года в Берлине был подписан секретный русско-германский договор, получивший неофициальное название «Перестраховочный». По этому договору обе державы соглашались в случае войны каждой из них с третьей страной сохранять нейтралитет по отношению друг к другу. Однако это соглашение теряло силу в случае нападения Германии на Францию или России на Австрию. Этим пунктом Бисмарк предупредил нависшую тогда над Германией опасность союза России и Франции[2].

«Перестраховочный договор» имел и секретный протокол, по которому Германия обязалась соблюдать благожелательный нейтралитет и оказывать моральную поддержку России, если бы она была вынуждена «принять на себя защиту входа в Черное море» в целях ограждения своих интересов. Кроме того, Германия обязалась не давать согласия на восстановление на

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. С.16.
[2] Лиддел Гарт Г.Б. Правда о Первой мировой войне. С. 11.

болгарском троне принца Баттенбергского. Характерно, что Бисмарк предлагал спрятать этот протокол «под двойное дно», т.е. хранить в особой тайне[1]. Договор был заключен сроком на три года.

Как считают некоторые российские историки, «Перестраховочным договором» Бисмарк все же не добился своей цели, которая заключалась в обеспечении безусловного нейтралитета России в случае возможной войны Германии с Францией[2]. Да и сам этот трактат оказался недолгим. В 1888 г. умер кайзер Вильгельм I. Его наследник Фридрих Вильгельм был тяжело болен и властвовал лишь несколько месяцев. Кайзером стал его сын Вильгельм II. «Этому человеку не повезло уже при появлении на свет», - пишет российский исследователь, Валерий Шамбаров. При родах ребенку нанесли серьезную травму, у него не работала рука. Он рос с комплексами, вздорным и неуравновешенным. А детские годы прошли в атмосфере военного угара. Его дед и отец громили австрийцев, французов, и маленький инвалид тоже грезил сражениями.

Корону он получил в возрасте 29 лет и отправился путешествовать. Отличился при европейских дворах скандальным поведением, а в Петербурге познакомился со своим кузеном, наследником престола Николаем Александровичем. Скромный и воспитанный «кузен Ники» в разговорах с экзальтированным «кузеном Вилли» вежливо помалкивал. А кайзеру приятно было чувствовать себя лидером, и он объявил Николая своим другом. Но Александру III не нравились планы Вильгельма перекроить мир и постоянная болтовня об этом. Его права отвергли, и кайзер обиделся.

Он вообще был обидчивым. Бисмарк пробовал поправлять его в политических вопросах, но кайзер счел такую опеку унизительной. В 1890 году пришло время продлять «Договор перестраховки», и русские готовы были расширить его. Бисмарк был с этим согласен, но Вильгельм обвинил его, что он ведет «слишком русофильскую политику», и отправил в отставку. Канцлером он назначил ярого русофоба Каприви, который первым делом расторг «Договор перестраховки». Сотрудничество между «тевтонами и славянами» Каприви называл «исторически неуместным», заявлял об «удовлетворении народно-психологической потребности в войне с Россией»[1].

В конце 80-х годов противоречия между недавними союзниками по Союзу трех императоров продолжали ухудшаться и по линии экономики. Чтобы подорвать русский государственный кредит, на германский фондовый рынок, согласно заявлению германской стороны, «ввиду явно неустойчивого состояния русских финансов» было выброшено большое количество российских ценных бумаг, повышены пошлины на русский хлеб, ввозимый в Германию. Из Германии в массовом порядке высылали сезонных рабочих, прибывших из русской Польши. Все это делалось в оскорбительной форме и демонстративно, буквально за несколько дней до прибытия в Берлин императора Александра III. Эти и другие меры давления на Россию имели обратный эффект: русские бумаги были вполне успешно проданы во Франции, где также было размещено и несколько российских займов.

Однако канцлер Бисмарк, запугивая и демонстративно унижая Россию, продолжал оставаться твердым противником войны с этой великой державой. Он решительно выступал против воинственных планов германского генерального штаба, разрабатывавшего планы войны с Россией. Бисмарк писал в 1888 году за два года до своей отставки: «Даже самый благоприятный исход войны не приведет к разложению основной силы России, которая зиждится на миллионах собственно русских…. Эти последние, даже если их расчленить международными трактатами,

[1] Шацилло В.К. Последняя война старой России. С.17.
[2] Шацилло В.К. Последняя война старой России. С.17-18.

[1] Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века / Валерий Шамбаров. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. – С. 16; Шамбаров В.Е. Последняя битва императоров. Параллельная история Первой мировой войны. – М.: Алгоритм, 2013. – С. 16.

также быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути»[1].

После отставки Бисмарка в марте 1890 года немецкая дипломатия начала формировать «новый курс» в европейской политике. Новый немецкий канцлер Л. Фон Каприви считал, что война на два фронта – против Франции и России – не только возможна, но и неизбежна. Исходя из этой доктрины, германское руководство поставило перед своими дипломатами задачу создать под руководством Берлина такую группировку европейских держав, которая по своей мощи превзошла бы объединенные силы России и Франции.

Решить эту задачу, как считало немецкое руководство, можно было заручившись поддержкой Лондона. Присоединение Британской империи к Тройственному союзу существенно изменило бы геополитический расклад сил в Европе. Основания для германо-английского сближения были. Между давними соперниками – Российской и Британской империями – имелись противоречия на Балканском полуострове и в Персии, в Афганистане и некоторых других частях света.

Летом 1890 года между Германией и Англией был заключен договор, по которому Берлин пошел на значительные территориальные уступки Лондону и передал ему ряд важных территорий в Африке, в том числе в верховьях Нила, а в обмен Лондон передал Берлину стратегически важный остров Гельголанд – ключ к воротам Северного моря, а также некоторые другие территории. Одновременно в Берлине демонстративно отказались возобновить договор о «перестраховке» с Россией.

Однако эта политика потерпела полный крах. Все попытки втянуть их в Тройственный союз англичане в категорической форме отвергли. А в 1894 году и сам канцлер Каприви был отправлен в отставку.

[1] Цит. по: Шацилло В.К. Последняя война царской России. С. 18-19.

Союз с Францией – «вынужденный ответ» России

После злодейского убийства революционерами-террористами Александра II российским императором стал Александр III. Для его внешней политики было характерно выраженное стремление действовать как можно более осторожно, избегать любых внешних конфликтов. Это был единственный за всю многовековую историю России император, при котором страна наша не вела ни одной войны. Не случайно в народе Александра III звали царем-миротворцем.

В первые месяцы своего правления Александр III недвусмысленно демонстрировал готовность России к сближению с Германией и Австро-Венгрией. Эти монархии он считал идеологически близкими династии Романовых. Именно Александр III в 1881 году подписал новый договор о Союзе трех императоров, продленный в 1884 году. Однако в 1882 году этот Союз практически потерял свое значение в связи с созданием Тройственного Союза в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии. Росси здесь места не оказалось. Это вынуждало российского императора, вопреки его личным симпатиям и идеологическим предпочтениям, задумываться о возможности сближения самодержавной России с республиканской Францией.

Переосмысление основ внешней политики России было ускорено, помимо указанных выше причин, и тем, что во второй половине 1880-х годов произошло новое резкое обострение отношений меду Германией и Францией. Это в свою очередь заставило Францию искать пути сближения с Россией. И российское правительство со своей стороны понимало опасность чрезмерного усиления Германии и оказывало Франции дипломатическую поддержку.

Возобновление в 1891 году Тройственного союза и слухи, пусть и беспочвенные, о присоединении к нему Великобритании создали основу для заключения русско-французского политического соглашения. Российская дипломатия справедливо усматривала в отказе Германии возобновить договор о «пере-

страховке» стремление не только укрепить австро-германо-итальянский союз, но и привлечь к нему Англию.

Поэтому в конце 1880-х годов Российская империя встала на путь сближения с Францией. Тем более предпосылки для союза двух держав уже имелись. Французский капитал занимал все более прочные позиции в финансовой и промышленной сферах России. Явно обозначались контуры военного сотрудничества между Францией и Россией, а тесные культурные связи между двумя странами существовали века. Теперь же обе страны приобрели и общие политические интересы, противодействуя общему агрессивному противнику – Германской империи. Общественное же мнение России давно уже было настроено в пользу союза с Францией.

Император Александр III, являясь идейным противником республиканской формы правления, довольно долго колебался, прежде чем кардинально изменить внешнеполитический курс страны. Однако под влиянием профранцузских настроений в обществе и части правящей элиты, а также ввиду новой международной ситуации согласился на заключение русско-французского договора. Соглашение было заключено 27 августа 1891 года в Париже в форме обмена письмами министров иностранных дел двух стран. В соответствии с этим соглашением стороны условились консультироваться по всем вопросам, которые могли «угрожать всеобщему миру», а в случае, если одно из этих государств окажется под угрозой нападения, договориться о принятии совместных мер[1].

Некоторое время спустя Франция предложила расширить соглашение 1891 года, дополнив его четкими военными обязательствами. 17 августа 1892 года представители русского и французского генеральных штабов подписали военную конвенцию. Две страны брали на себя обязательства оказать военную помощь друг другу в случае нападения на них Германии или Италии. Россия обязалась выставить против Германии армию численностью от 700 до 800 тысяч человек и вынудить ее воевать на два фронта. Ни Франция, ни Россия не должны были заключать сепаратного мира[1].

[1] Щацилло В.К. Последняя война царской России. С. 22.

Таким образом, был заключен второй в Европе военно-политический союз. Он окончательно разделил Европу на два враждебных блока. Для России этот союз имел громадное значение: он выводил ее из международной изоляции. Теперь у нашей страны появился серьезный и авторитетный союзник. Причем это был союзник, способный оказать помощь России не только в военной сфере, но и в решении финансово-экономических проблем. В отличие от Тройственного союза, русско-французский союз имел сугубо оборонительный характер и имел силу только в течение того же срока, что и Тройственный союз. «По сути это был вынужденный ответ на недружественные действия Германии и ее союзников. И хотя раскол Европы на два враждебных блока был наиболее зримым предвестником грядущей войны, именно благодаря русско-французскому союзу континент смог два десятилетия прожить в относительном спокойствии», - пишет российский историк В.К. Шацилло[2].

Колониальная экспансия и обострение противоречий

Рассматривая международную ситуацию и противоречия между крупнейшими европейскими державами накануне Первой мировой войны, необходимо отметить, что они вовсе не ограничивались проблемами Европы. Последняя треть XIX века знаменовалась таким важным явлением, как колониальная экспансия. Она оказала огромное влияние на развитие международной ситуации.

[1] Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. – М., 2002. – С. 13.
[2] Шацилло В.К. Последняя война царской России. С. 24.

К 90-м годам XIX века мир оказался окончательно поделен между «старыми» европейскими державами, первыми вступившими на путь активной колониальной экспансии: Англией, Францией, Португалией, Голландией, Бельгией, Испанией. Из других крупных держав Россия была занята освоением своих бескрайних просторов в Сибири, а американцы покоряли Дикий Запад. Не у дел оставалась лишь Германия. Однако такая ситуация существовать долго не могла.

После объединения Германии созданная на берегах Рейна и Шпрее огромная империя начала быстро развиваться. В ней начался экономический подъем. За несколько десятилетий германский экспорт многократно увеличился. Соответственно активизировалась и германская экспансия. В 1883-1885 годах немцам удалось захватить несколько колоний на юго-западе Африки – в Того, Дагомее. Но передел мира к этому времени уже завершался, «свободных» земель здесь оставалось все меньше, да они и не представляли особой ценности. Недовольные таким положением дел немцы стали открыто заявлять о необходимости «справедливого» передела только что поделенного мира. Все это представляло смертельную опасность для Англии как крупнейшей колониальной империи.

В начале XX века Англия, опасаясь усиления кайзеровской Германии и видя в ней главного своего противника, постепенно отходит от традиционной политики «блестящей изоляции» и ищет путей сближения со своим старым колониальным соперником – Францией. Последняя и решающая схватка между англичанами и французами произошла в 1898 году за господство в Африке. Войска французских и английских колониаторов, двигавшиеся с разных направлений к верховьям Нила, столкнулись в местечке Фашида. Однако перед лицом германской опасности правительства двух государств пришли к выводу о необходимости договориться по основным колониальным и другим спорным вопросам, что создало условия для дальнейших переговоров о совместных действиях против Германии. В апреле 1904 года между Англией и Францией

было заключено «сердечное согласие», или Антанта. Этим соглашением между ними были улажены колониальные распри в Египте, Марокко, Сиаме и других районах мира. Египет полностью переходил в сферу влияния Англии, Марокко – Франции. Английские и французские колониаторы сняли свои взаимные претензии с целью объединения для борьбы против Германии. Были начаты переговоры между генеральными штабами по разработке совместных боевых действий французской и английской армий в случае войны с Германией[1].

Создание Антанты вызвало большое беспокойство в Германии. Германская дипломатия принимала меры к срыву англо-французского соглашения, к отрыву от Франции России и включения ее в сферу своего влияния.

Существовал и еще один фактор, который обострил англо-германские отношения в конце XIX-начале XX века. Это обостряющееся с каждым годом соперничество двух держав на море.

В мире заговорили о необходимости создания и обладания сильным флотом. В 1890 году вышла в свет книга американского адмирала А. Мэхэна «Влияние морской силы на историю». Впервые в ней прозвучала мысль о том, что современное государство не может достичь поставленных перед ним историей целей, если не будет иметь превосходства на море. Согласно этой новой теории, военно-морскому флоту принадлежит решающая роль в любой войне, а завоевание господства на море рассматривалось как единственная цель, достижение которой означало победу над противником и мировое лидерство. Из этого делался практический вывод: чтобы не допустить разрыва связей по линии метрополия-колония, нужны большие линейные корабли. Через некоторое время эту точку зрения, казалось, подтвердил и опыт ведения боевых действий на море. К примеру, в битве при Цусиме русская

[1] История дипломатии. Т.2. – М., 1963. – С. 604-605; История Первой мировой войны 1914 -1918 Т.1. – М.: «Наука», 1975. – С. 55-56.

эскадра потерпела поражение и фактически Россия потеряла здесь весь свой флот, что привело к поражению в русско-японской войне. То же самое относится и к испано-американской войне 1898 года, в ходе которой американцы имели подавляющее превосходство на море.

В 1889 году английский парламент в соответствие с теорией «Морской силы» в качестве официальной доктрины принял закон, по которому флот этой страны должен был превосходить по своей мощи флоты двух других наиболее сильных государств. Так началась новая фаза гонки вооружений на море и подготовка к очередному переделу мира.

В конце XIX века Германия громогласно начала заявлять о своем стремлении стать еще одной колониальной державой. В марте 1898 года по инициативе адмирала А. фон Тирпица был принят «Закон о флоте». Он предусматривал строительство целой серии мощных современных боевых кораблей, в том числе 11 эскадренных броненосцев. В 1900, 1906, 1908 и 1912 годах судостроительные программы Германии пересматривались только в сторону увеличения. По последнему закону численность германского флота предполагалось усилить до 41 линейного корабля и 20 броненосных крейсеров, 40 легких крейсеров миноносцев, 144 миноносцев и 72 подводных лодок[1]. Особенно был ускорен темп строительства линейных кораблей. С 1908 по 1912 гг. в Германии закладывались ежегодно 4 линейных корабля.

На этот немецкий вызов англичане ответили своей программой и поставили цель иметь на 60 % больше линейных кораблей, чем у немцев. А в 1909 году было решено на каждый немецкий линкор отвечать двумя британскими[2]. От Англии и Германии старались не отставать и другие страны. К началу XX века увлечение военно-морским делом в Европе и Америке, по сути, не столько обеспечивало обороноспособность страны, сколько поддерживало национальный престиж. Это особенно хорошо видно на примере такой в основном сухопутной страны, как Россия. С 1807 по 1914 гг. она на 174 % увеличила свои расходы на строительство флота[1].

[1] История Первой мировой войны 1914-1918: Т.1. – М.; 1975. – С. 130-131.
[2] История военно-морского искусства. Т.3. – М., 1953. – С. 130.

В дополнение к балканскому узлу противоречий в конце XIX века завязался еще один – армянский. В Османской империи проживало около 2 млн. армян. После русско-турецкой войны 1877-1878 гг. поднимался вопрос об обеспечении их прав, как и других христиан. Султан Абдул-Гамид пообещал провести необходимые реформы, и это было закреплено в решениях Берлинской конференции. Однако никаких реформ не последовало. Армян продолжали теснить. Они жаловались на свои притеснения в Петербург, Париж, Лондон. В некоторых местах стали возникать отряды сопротивления. Султан решил жестоко наказать строптивцев и в 1894 году устроил резню в высокогорном Сасуне. Россия, Франция и Англия заявили совместный протест против геноцида армян. Султан возмутился вмешательством во внутренние дела других стран. Ведь от Османской империи уже отпала западная часть, греки, сербы, болгары, а теперь они боялись, что армяне могут отделиться с восточной частью.

Абдул-Гамид решил ликвидировать проблему как таковую – просто истребить армян или запугать так, чтобы они не смели и пикнуть. Были организованы банды «гамидис» из добровольцев и уголовников, к ним была подключена полиция и войска. Избиение армян развернулось по всей стране. Зверски было уничтожено 300 тыс. человек, 100 тыс. бежали за границу. Разразился мировой скандал, от беженцев, свидетелей-иностранцев в прессу выплеснулись жуткие подробности уничтожения армян. В их защиту выступили русская, британская, французская, американская, итальянская дипломатии.

[1] Шацилло В.К. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906-1914). – М., 1968. – С. 22; Он же. Последняя война царской России. С. 27.

Бойню с трудом, но удалось остановить. Однако западные державы уклонились от решительных мер, на Турцию не было наложено никаких санкций.

Лишь Германия не подержала дипломатических протестов и оказалась «единственным другом» турецкого султана. Абу-Гамид щедро отблагодарил, предоставив немецким фирмам различные концессии и привилегии. В 1898 году Вильгельм отправился в Турцию с визитом. Его пышно приняли в Стамбуле, было подписано соглашение о строительстве Багдадской железной дороги – она должна была протянуться от Берлина и Вены через Балканы, через Малую Азию до Ирака. А в Дамаске кайзер разразился речью, в которой объявил себя покровителем всех мусульман. Он пояснил также, что через дружбу с Турцией возникнет «военная держава, которая может стать угрозой не только для Франции, России и Великобритании, но и для всего мира. А в Петербург было направлено предупреждение, что «если Россия выступит в защиту турецких армян», то и Германия двинет в Турцию свои войска[1].

Поддержка «магометан всего мира» требовалась кайзеру для предстоящей войны, задуманной против России и Франции. С этой целью он попытался наладить отношения и заключить союз с Англией. Но стремление заполучить у последней португальские, бельгийские и некоторые другие британские колонии настораживало англичан. Когда же германские стратеги взвесили все обстоятельства, стало ясно: даже если англичане будут союзниками или останутся нейтральными, они все равно захватят главные плоды побед. Немцам придется сражаться с русскими, французами, бельгийцами, голландцами, а Британия, господствуя на море, приберет к рукам колонии, лишившиеся хозяев. Получалось, что развязывать войну бессмысленно, пока Германия не построит большой флот. «Именно это обстоятельство, - утверждает В. Шамбаров, - отсрочило Первую мировую войну на полтора десятилетия»[1].

[1] Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 18.

В 1896 году умер царь Александр III, и на русский престол взошел Николай II. Он достаточно четко понимал, что приближается большая война. Но, в отличие от своего «кузена Вилли», всячески пытался ее предотвратить. В 1899 году впервые в истории, Николай II предложил провести международную конференцию по сокращению вооружений и мирному урегулированию конфликтов. Это было совершенно неожиданное и новое предложение. «Цивилизованные страны лишь открыли рот от изумления и сочли идею русского императора полным абсурдом. Николая II подняли на смех, зарубежные газеты с издевкой писали, что «российское правительство решило сэкономить на своих военных расходах»[2].

Тем не менее европейские правительства были вынуждены согласиться – на словах все они были сторонниками мира. К конференции, созванной в 1899 году в Гааге, они отнеслись, как к ненужному фарсу. Вильгельм II говорил своим министрам: «Я согласен с этой тупой идеей, только чтобы царь не выглядел дураком перед Европой. Но на практике в будущем я буду полагаться только на Бога, на свой острый меч! И чихал я на все постановления»! Британское военное министерство те же самые мысли выражало более деликатно: «Нежелательно соглашаться на какие-либо ограничения по дальнейшему развитию сил разрушения… Нежелательно соглашаться на изменения международного свода законов и обычаев войны». Гаагская конференция, в которой наряду с Россией участвовали представители 27 государств, в том числе Англия, США, Германия, Франция, Италия и Япония, приняла конвенцию, определившую важные нормы межгосударственного права по вопросам войны и мира, о мирном разрешении военных споров и обычаях сухопутной войны, о неприменении

[1] Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 19.
[2] Шамбаров В. Последняя битва императоров. – С. 19.

наиболее бесчеловечных видов оружия (удушающих газов и пр.), о режиме содержания пленных и др. Для разрешения межгосударственных споров и конфликтов в Гааге был учрежден Международный суд.

В конце XIX века в мировое соперничество включились еще две державы. На Дальнем Востоке усилилась Япония и стала планировать подчинение себе китайцев и корейцев. Набирали вес и Соединенные Штаты Америки (США). Они сумели преодолеть разруху и потери после Гражданской войны, освоили земли до Тихого океана. Определенные силы при русском дворе сделали американцам дорогой подарок, очень дешево продав Аляску. Традицией политики США был изоляционизм. В соответствии с доктриной Монро американцы не допускали европейцев вмешиваться в дела своего континента, но и сами не лезли в дела европейские. Они предпочитали пока грабить своих латиноамериканских соседей. Однако аппетиты Америки усиливались, и она начала активно проявлять себя на мировой арене.

Заботясь об упрочении своих экономических и военно-политических позиций на Дальнем Востоке, Россия проводила здесь активную внешнюю политику. В 1896 году в Москве был заключен русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии и о строительстве восточного участка Транссибирской железной дороги по территории Манчжурии. В 1897-1901 гг. была построена Китайская восточная железная дорога (КВЖД), соединившая кратчайшим образом (через территорию Китая) русские города Читу и Владивосток. Строительством дороги ведал Русско-китайский банк, которому была выдана концессия на 80 лет. В 1897 году русская военная эскадра прибыла к побережью Ляодунского полуострова, который по условиям договора был передан Китаем в аренду России сроком на 25 лет. Там была основана военно-морская база Тихоокеанского флота России – Порт-Артур. По условиям договора к русским портам полуострова – Дальнему (торговый порт) и Порт-Артуру – была проложена южная ветка КВЖД.

Аренда Ляодунского полуострова Россией, ее присутствие в Манчжурии вызвали недовольство Японии. Проблема разделения сфер влияния в Китае привела к ухудшению отношений России с Англией и Германией. Возникшие между крупными державами противоречия на некоторое время были отодвинуты «боксерским» восстанием в Китае в 1899-1901 гг., направленным против иностранного засилья. В его подавлении принимали участие войска Японии, России, Германии, Англии и Франции. Русские войска заняли Пекин и оккупировали Манчжурию. Но затем русское правительство выступило за скорейшее прекращение интервенции, защищало политический суверенитет Китая и протестовало против жестокого наказания участников восстания. Русские войска первыми прекратили участие в карательных действиях войск интервентов.

Переговоры между великими державами о разделе сфер влияния в Китае в 1902-1903 гг. окончились безрезультатно. В 1902 году Англия заключила союз с Японией, направленный против России. По договору Англия обязывалась соблюдать дружественный нейтралитет в случае войны Японии с одной державой и вступить в войну на стороне Японии в случае войны с двумя державами. Англо-японский союз осложнил положение России на Дальнем Востоке. Англия и США предоставили Японии огромные кредиты на военные расходы. Николай II пытался склонить к союзу против Японии Германию и Францию, но Германия ответила отказом, а французское правительство пошло на обнародование совместной с Россией декларации, которая ни к чему ее не обязывала. Стороны обещали друг другу в случае «агрессивных действий третьих держав» или волнений в Китае «применить надлежащие средства»[1].

Российское правительство стремилось утвердить свое господство в Манчжурии, занятой русскими войсками, и в Корее,

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. Под ред. Э.М. Щагина. – М.: «Владос», 2004. – С. 91.

в пограничные с Манчжурией районы которой под предлогом охраны лесных концессий были введены войска. Правящие круги Японии также стремились к этой же цели. Максимальной уступкой с их стороны мог быть отказ от притязаний на Манчжурию, но, когда японское военно-политическое превосходство в регионе стало бесспорным, Япония от компромиссов отказалась. Глава российского кабинета министров С.Ю. Витте посетил в 1902 году Дальний Восток и после изучения создавшейся здесь обстановки пришел к выводу о серьезном провале внешней политики России в этом регионе. Он высказался за «самые крайние уступки» Японии.

Русско-китайское соглашение в 1902 году предоставляло России преобладающие права в Манчжурии, но, под давлением других великих держав, Россия по условиям соглашения объявляла о выводе своих войск из Манчжурии до конца 1903 года. Правда, в 1903 году русское правительство последнее условие пересмотрело. Николай II принял решение готовиться к оборонительной войне с Японией, полагая, что она начнется не ранее 1905-1906 гг. Оккупация Манчжурии была продолжена. В ответ Япония выступила «защитницей» суверенных прав Китая и стала настаивать на выводе русских войск из Манчжурии в указанные сроки, а также против русского присутствия в Корее. В связи с манчжурской проблемой усилилась враждебность Англии в отношении России. Германия в этой ситуации заняла формально нейтральную позицию, но тайно подталкивала Японию к развязыванию войны против России. Франция же разъяснила, что франко-русский союз относится лишь к европейским делам. В этой ситуации Япония приняла решение начать войну и 24 января (6 февраля) 1904 года разорвала дипломатические отношения с Россией. Началась русско-японская война 1904-1905 гг.

Финансовый фактор международных отношений

Из нашего обзора международных отношений конца XIX - начала XX веков нельзя исключать и тех процессов, которые протекали в финансово-экономической сфере. Именно к этому времени сложился так называемый «финансовый интернационал». Крупные банки в разных странах переплелись родственными узами, деловыми связями. Так, в Австро-Венгрии, Франции, Англии финансовыми делами заправляли три ветви банкиров Ротшильдов. Они были связаны с английскими Мильнерами, германскими Варбургами, российскими Бродскими. Варбурги были в родстве с российскими банкирами Гинзбургами. Представителем Ротшильдов в США стал Морган, который выдвинулся на роль ведущего банкира Америки. Еще один сотрудник Ротшильдов, Яков Шифф, возглавил второй по значению банк США. Путем браков его компаньонами стали братья германского банкира Макса Варбурга. Шифф был также связан с Гарриманами, Гульдами, Рокфеллерами, Оппенгеймерами, Гольденбергами, Магнусами, ведущим английским производителем оружия Виккерсом и т.д.

Банкирские круги через подконтрольную им прессу определяли и «общественное мнение» различных государств. Они имели огромное влияние на правительства, ибо победы на выборах определялись прежде всего финансовыми возможностями сторон. Связи между политическими и деловыми кругами даже не скрывались, а сама политика направлялась в зависимости от интересов американских, британских, французских банков и промышленных корпораций. Кроме родственных деловых связей, бизнесмены и политики переплетались другими – закрытыми, через участие в тайных масонских сообществах. Это обеспечивало поддержку, знакомства, координацию действий. В английских и французских органах власти, армиях, спецслужбах для человека, не принадлежащего к тайному обществу, с некоторых пор карьера была вообще невозможна. Причем масонские связи, как и родственные, были

наднациональными, позволяли взаимодействовать структурам в разных странах, объединять усилия в тех или иных направлениях. Рядовой член тайного общества мог быть патриотом, но высшие чины вели собственную линию, и она далеко не всегда совпадала с государственной. Зато она четко соответствовала выгодам финансовых олигархов. Возникла система, которую позднее русский философ Иван Александрович Ильин назовет «мировой закулисой»[1].

События, происходившие за десятки тысяч километров от европейских столиц, также самым непосредственным образом сказывались на изменении расклада сил в Европе. Так, в 1904 году на Дальнем Востоке вспыхнула русско-японская война. Это была борьба двух стран за экономическое и политическое преобладание в Китае и Корее. Однако за спиной России и Японии стояли другие ведущие державы. Американское и английское правительства, недовольные все более активной политикой России на Дальнем Востоке, поддержали Японию. Именно банки этих стран финансировали японское правительство. А на борьбу с Японией русского царя подталкивали немцы, надеявшиеся, что Россия завязнет в Тихоокеанском регионе и еще долгое время будет отстранена от европейских дел. Кроме того, поддержка Германии оказалась далеко не бескорыстной в экономическом плане. За это России был навязан кабальный торговый договор на целых 10 лет. Немцы получили возможность почти беспошлинно ввозить свои товары, получили массу иных привилегий. Вильгельм хотел даже углубить альянс с Россией, надеясь, что лидировать в нем будет Германия. Русского императора он считал недалеким человеком, которого можно подчинить своему влиянию, в чем, конечно, сильно ошибался. 23-24 февраля 1904 года в финляндских шхерах близ острова Бьерке состоялась секретная встреча Вильгельма II и Николая II. Кайзер предложил за-

[1] Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 20-21; он же: Последняя битва императоров. – С. 20-21.

ключить союз «для поддержания мира в Европе». Николай II согласился подписать договор с рядом оговорок – что договор будет более широким и направленным именно на «поддержание мира». В Бьеркском договоре имелось два очень важных пункта. Во-первых, в случае если одно из государств подвергнется нападению европейских держав, второе обязывалось прийти на помощь всеми своими морскими и сухопутными силами. Во-вторых, Россия давала обещание привлечь к русско-германскому союзу Францию[1]. Если бы этот документ вступил в силу, то в Европе под эгидой германского рейха был бы создан континентальный блок против Англии. К этому блоку неизбежно была бы вынуждена присоединиться Франция[2].

Однако грандиозные планы немцев потерпели полный крах. Как только государи вернулись в свои столицы, обе стороны отвергли договор. Большинство германских политиков и военных полагало, что воевать надо в другом союзе – с англичанами против русских. А в России Бьеркский договор был дезавуирован под давлением премьер-министра С.Ю. Витте и министра иностранных дел В.Н. Ламсдорфа. Российский МИД пришел к выводу, что ни о каком «поддержании мира» речь отнюдь не идет, договор означает войну с Францией. Между тем Германия двурушничала. Она стремилась лишь к ослаблению России. Предлагала ей дружбу, а в это время немецкие консульства и торговые представительства на Дальнем Востоке поставляли японцам разведывательную информацию. Начальник генштаба Шлиффен разрабатывал в это время план войны по последовательному сокрушению сначала Франции, а потом и России. Окончательный план Шлиффена был завершен в 1905 году[3].

[1] Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. – С. 18-19.
[2] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 30.
[3] Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 22-23.

Тем временем на Дальнем Востоке пал Порт-Артур, под Цусимой погибла русская эскадра адмирала Рожественского, сухопутной армии Куропаткина пришлось отступать. На полях сражений полегли 37 тысяч наших воинов – Япония потеряла в 5-6 раз больше. Ее вооруженные силы были обескровлены. А русские, изматывая врага в оборонительных боях, перебрасывали на Дальний Восток свежие армии и готовились нанести неприятелю сокрушительный удар. Однако этого западные державы не допустили. Они взорвали тыл России. Здесь вспыхнула Первая русская революция, подпитывавшаяся британскими и американскими банкирами. Спецслужбы Германии и Австро-Венгрии поддерживали переброску в Россию транспортов с оружием и десанты агитаторов. Беспорядки парализовали крупнейшие российские города, пути сообщения. В итоге русским пришлось признать поражение в войне с Японией. Но и японцы, спасенные русской революцией от катастрофы, удовлетворились самыми скромными уступками – получили спорный Ляодунский полуостров, право утвердиться в Корее. Из российских территорий они приобрели лишь Южный Сахалин.

Обидное поражение в русско-японской войне, в которой Англия поддержала Японию, вынудило и царскую дипломатию, и военное руководство задуматься о бесперспективности дальнейшего обострения отношений с Британской империей[1]. Однако исправить ситуацию было весьма непросто, ибо к началу XX века в русско-английских отношениях накопилось много проблем. Интересы России сталкивались с интересами Англии в Афганистане, Персии, Китае, Средней Азии, на Балканах и Ближнем Востоке. Но резкое обострение англо-германских отношений, бурная гонка вооружений на море, начатая Германией, заставили и британские власти задуматься о необходимости нормализации отношений с Россией. Тем

[1] Об этом более подробно можно прочитать в книге Е.Ю. Сергеева «Иная земля, иное небо…». Запад и военная элита России 1900-1914. – М., 2001.

более что дальневосточные проблемы между Россией и Англией были приглушены победой японцев и разгромом российского флота, а на Ближнем Востоке у обеих держав появился общий противник, коим была Германская империя. Целый ряд экономических факторов способствовал сближению России и Англии.

Двухсторонние контакты между Россией и Англией значительно оживились после назначения на должность министра иностранных дел Британии Э. Грея. Он сразу же высказался о своем стремлении немедленно решить все проблемы в русско-английских отношениях, о чем и уведомил своего коллегу в России графа В.Н. Ламсдорфа. В качестве ответного знака из России стало назначение на пост министра иностранных дел сторонника сближения с Англией А.П. Извольского.

Русско-английские переговоры были интенсифицированы с мая 1906 года. На них был подвергнут пересмотру весь комплекс двухсторонних отношений – раздел сфер влияния в Персии, Афганистане, Юго-Западном Тибете, режим мореплавания в черноморских проливах. Обсуждались и другие проблемы, представлявшие взаимный интерес. В результате этих консультаций 31 августа 1907 года было подписано двухстороннее соглашение, которое регламентировало разграничение сфер влияния Англии и России в указанных выше странах. Так были заложены основы союза России, Англии и Франции. Император Николай II был против придания соглашению с Англией антигерманской направленности. Но в 1908 году Россию посетил король Великобритании Эдуард VII. Его переговоры с Николаем II в Ревеле знаменовали собой интеграцию России в состав Антанты, хотя никаких письменных соглашений на этот счет не существовало. Со своей стороны английское правительство ограничилось устным обещанием поддержать требование России об открытии черноморских проливов для русских кораблей. После русско-японской войны Франция вновь подтвердила верность союзническим отношениям с Россией. Это привело к оформлению явочным

порядком «Тройственного согласия» (России, Франции и Англии), хотя российский император Николай II и министр иностранных дел А. Извольский особо подчеркивали желание России сохранить нейтралитет в случае войны Англии с Германией[1].

В итоге Европейский континент окончательно оказался расколот между Антантой в составе России, Франции и Англии и блоком Центральных держав в составе Германской, Австро-Венгерской империй и Италии. Каждая из великих держав сделала свой выбор. Старая, «добрая» Европа XIX века окончательно перестала существовать. Человечество вступило в смутную эпоху глобальных конфликтов и мировых войн.

Следует отметить, что Антанта и Центральный блок (или «Тройственный союз») не были монолитными военно-политическими блоками. Соглашения между государствами, входившими в обе коалиции, содержали много оговорок, которые при желании позволяли отказаться от них. Союз России и Франции не был даже ратифицирован французским парламентом. Англия, как это она часто делала, опять не взяла на себя никаких обязательств, ограничившись лишь обещанием «учитывать интересы» партнеров. А для русского царя гораздо важнее была его прежняя идея мирного урегулирования. К этой идее снова вернулись. В 1906 году в Женеве была принята международная конвенция об обращении с ранеными, больными и пленными. В 1907 году Россия стала одним из инициаторов созыва второй Гаагской мирной конференции, в которой участвовало уже 44 государства. Конференция приняла13 конвенций: «О мирном решении международных столкновений», «Об открытии военных действий», «О законах и обычаях сухопутной войны», «О правах и обязанностях нейтральных держав в случае войны» и др. Эти конвенции ставили целью гуманизацию войны и создание механизма предотвращения военных конфликтов. Однако принципы международного арбитража отвергла Германия. А сокращение вооружений заблокировала Англия, объяснившая, что это подорвет экономику и вызовет массовую безработицу. Конференция выработала нормы ведения войны и создала международный суд для решения спорных вопросов.

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Кн. 1. – С. 100.

Балканы – «пороховой погреб» Европы

В системе европейских международных отношений начала XX века Балканы занимали особое место. Кто-то из видных политических деятелей в свое время образно назвал этот полуостров «пороховым погребом» Европы, и последующие события полностью подтвердили верность этого эпитета. В этой части континента в чрезвычайно острой форме столкнулись интересы слишком многих государств. Причем соперничество между великими державами накладывалось здесь на очень непростые и запутанные отношения между самими балканскими государствами и народами, их населяющими.

Некоторые сложные противоречия на Балканах соперникам удалось урегулировать в конце XIX века. Но, как показали последующие события, это оказалось ненадолго. Так, в мае 1897 года между Россией и Австро-Венгрией было достигнуто секретное соглашение о сохранении на Балканском полуострове статус-кво, которое было оформлено в виде обмена письмами между министрами иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховским и России М.Н. Муравьевым. Согласно этим договоренностям обе стороны обязаны были поддерживать на Балканах статус-кво, а в случае невозможности его сохранения предполагалось заключить позднее специальное соглашение, которое, однако, не должно было касаться вопроса о Константинополе, Босфоре и Дарданеллах с прилегающими территориями.

Но при заключении этого соглашения выявились существенные противоречия между договаривающимися сторонами. Намечая основы будущего соглашения, Голуховский, напри-

мер, прямо потребовал узаконить присоединение территории уже оккупированных после Берлинского конгресса австрийцами Боснии и Герцеговины, а также Нови-Пазарского Санджака к Австро-Венгерской империи. Австро-Венгерское правительство предлагало создать формально независимое, но фактически находящееся от него в вассальной зависимости княжество Албания. Российский министр Муравьев в ответной ноте отклонил это предложение и отметил, что «аннексия этих провинций подняла бы более широкую проблему, которая потребует специального рассмотрения». Министр также подчеркнул и преждевременность постановки вопроса о статусе Албании, поскольку, как считал российский министр, он должен решаться самими балканскими странами. Таким образом, реальное значение этого двухстороннего соглашения свелось лишь к формальному закреплению статус-кво на Балканах[1].

Непомерные амбиции австро-венгерского правительства на Балканах самым активным образом подогревались Берлином. Более того, именно на Балканах немцы еще раз попытались испытать на прочность недавно созданную Антанту.

Официальный Берлин самым удручающим образом воспринял потепление в русско-английских отношениях. Германского кайзера раздражала та подчеркнуто дружественная и сердечная атмосфера, в которой проходила встреча в Ревеле летом 1908 года русского и английского государей Николая II и Эдуарда VII[2]. После этой встречи Вильгельм сделал ставшее широко известным заявление, что если «они» захотят «нас» окружить, то Германия будет обороняться до конца[3].

[1] История Европы. Т.5. – М., 2000. – С. 498; Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 33.

[2] Игнатьев А.В. Внешняя политика России 1907-1914. Тенденции. Люди. События. – М., 2000. – С. 70; Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 34.

[3] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 34.

В высших европейских сферах стали ходить упорные слухи о том, что на тайных совещаниях в Ревеле между министром иностранных дел А. Извольским и английским королем была достигнута договоренность о совместном вмешательстве в турецкие события. Дело в том, что это было время, когда Османскую империю сотрясала младотурецкая революция[1]. Именно на почве балканских дел и решил в этот раз оценить глубину русско-английского сближения, а тем самым и прочность самой Антанты немецкий император. Сами немцы, однако, зачинщиками нового европейского конфликта становиться не хотели, а на роль провокаторов определили своих ближайших союзников – австрийцев.

Поводом для очередной перекройки политической карты Европы стала младотурецкая революция. Сначала болгарский царь Фердинанд Кабургский по договоренности с Австро-Венгрией 5 октября 1908 года провозгласил полную независимость, а через пару дней австро-венгерский император в одностороннем порядке заявил о распространении суверенитета своей империи на Боснию и Герцеговину. Россия дала согласие на аннексию, но обусловила его указанием на европейский характер этого вопроса, то есть она потребовала передать проблему аннексии Боснии и Герцеговины на международное

[1] В Османской империи действовала либеральная партия «Иттихаль» («Единение и прогресс»). Ее организовали купцы, финансисты из Салоник, выходцы с российского Кавказа, офицеры и интеллигенция с европейским образованием. Руководители партии входили в тайную организацию «Молодая Турция», поэтому их называли младотурками. Провозглашалась необходимость конституции, парламентаризма по западному образцу. В Турции партия была запрещена, но за рубежом она нашла себе союзников в лице запрещенных армянских партий «Ганчак» и «Дашнакцутюн». Дашнаки-социалисты участвовали в русской революции, после ее подавления спасались в эмиграции, среди них было немало опытных боевиков. Младотурки нашли с ними общий язык, так как лидеры дашнаков также входили в состав тайных организаций. Провели в Париже конгресс, договорились о совместных действиях. В 1908 г. иттихадисты и армяне подняли восстание (См. Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 25-26).

обсуждение и заявила о необходимости компенсации для целого ряда государств. Однако Австро-Венгрия, получив желаемое, и не подумала выполнить данные ею России обязательства. Более того, там начали разрабатывать план уничтожения своего злейшего врага и исторического союзника России – Сербии. Планировалось разделить эту страну между Австро-Венгрией, Болгарией и Румынией.

Немецкий кайзер Вильгельм активно поддержал австрийского кайзера в его планах. Вдохновленная такой поддержкой Австро-Венгрия 29 марта 1909 года объявила о мобилизации пяти корпусов. В воздухе запахло войной. Не оправившаяся от своих потрясений и поражений в войне с Японией Россия не стала обострять отношения с Австро-Венгрией и стоявшей за ее спиной Германией, признала аннексию Боснии и Герцеговины и отказалась от требований созыва международной конференции[1]. Но Сербия не забыла о своих претензиях на Боснию и Герцеговину и объявила мобилизацию. Австрийцы стали сосредоточивать свои войска против сербов. А Вильгельм вдруг предъявил русскому царю ультиматум. Он требовал безоговорочно выразить согласие на действия Вены, да еще и надавить на Сербию – иначе угрожал выступить «во всеоружии». Стало ясно окончательно, чего на самом деле стоит дружба «кузена Вилли». К России стали относиться как к второсортной стране.

Боснийский кризис до крайности ухудшил отношения между Россией с одной стороны, и Германией и Австро-

[1] Министр иностранных дел России А. Извольский предлагал в качестве ответной меры совместное политическое и даже военное выступление России и Англии на Балканах против Австро-Венгрии. Но военный, морской и другие министры кабинета П.А. Столыпина выступили против втягивания России в войну. Сам премьер резко высказался против «авантюр» и заявил, что внутреннее положение России и революционная опасность не позволяют ей проводить никакой иной военной политики, «кроме строго оборонительной». Царская дипломатия была поставлена перед необходимостью искать только компромиссные решения возникающих конфликтов.

Венгрией – с другой. Именно после него призрак военной опасности стал витать над Европой. Не успевал разрешиться один дипломатический скандал, как тут же возникал другой и третий. Однако стремление Вильгельма показать России, кто хозяин в Европе и что ей не приходится ожидать поддержки от новых союзников, полностью провалилось. В Санкт-Петербурге сделали свои выводы и стали еще более интенсивно укреплять военные и политические связи с Антантой. Действия германского императора Вильгельма не оставляли России выбора. Вернее, выбор был: или безусловно подчиниться воле Германии, причем без всякой надежды на компенсацию, или же, напротив, еще больше укрепить союз с Англией и Францией. В России выбрали второе[1].

Несмотря на то, что в результате аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины России пришлось подчиниться ультимативным требованиям немцев и австрийцев, Вильгельму так и не удалось внести раскол в ряды Антанты.

Авантюра с захватом Боснии и Герцеговины преследовала цель внести раскол в ряды Антанты. Однако в результате безответственных действий Австро-Венгрии стал трещать по швам сам Тройственный союз. Расширяющаяся экспансия Австро-Венгрии на Балканах привела к тому, что наметилась стратегическая переориентация позиций Италии на Европейском континенте. Рим выразил резкое недовольство аннексией Боснии и Герцеговины, чем тут же воспользовалась российская дипломатия.

В октябре 1909 года российский император Николай II нанес визит в Италию. Во время этого визита был сделан важный шаг на пути сближения Италии и России. В местечке Раккониджи около Турина было заключено секретное итало-российское соглашение, по которому обе стороны обязывались стремиться к сохранению статус-кво на Балканах, а в государствах этого региона – придерживаться так называемого

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 35.

«принципа национальности». Это было направлено против Вены. Правда, в соглашении содержалась и оговорка, что совместные действия России и Италии против политики держав будут носить исключительно дипломатический характер. Стороны договорились также не заключать никаких соглашений по Балканам с третьей державой без участия другой стороны. Были также взаимно признаны сферы интересов друг друга: Италия обещала благожелательно относиться к интересам России в вопросе о Черноморских проливах, а Россия – к интересам Италии в Киренаики и Триполитании. Соглашение это стало одним из важнейших шагов отхода Рима от Тройственного союза. В то же время оно подтолкнуло Италию к дальнейшей колониальной экспансии в Северной Африке.

Договорившись с великими державами на признание своих претензий на две оставшиеся у Турции африканские провинции – Триполитанию и Киренаики, 28 сентября 1911 года Италия предъявила Турции жесткий ультиматум с требованием в течение 24 часов дать согласие на оккупацию этих территорий своими войсками. Турецкое правительство ответило примирительной нотой, явно стремясь решить проблему мирным путем. Однако уже 29 сентября Италия объявила туркам войну, а 5 ноября правительство этой страны опубликовало декрет об аннексии Триполитании и Киренаики.

Триполитанская война в Северной Африке продлилась несколько месяцев. Успех в ней сопутствовал итальянской армии, которая была более современной и хорошо технически вооруженной, по сравнению с турецкой. В июле 1912 года в швейцарской Лозанне начались мирные переговоры, а 15 октября был подписан секретный мирный трактат, по которому султан опубликовал особый фирман по дарованию населению Триполи с Киренаики полной автономии. А затем был подписан и сам мирный договор, по которому Турция обязывалась вывести свои войска из Триполитании и Киренаики. Лозаннский договор фактически превратил Триполитанию и Кире-

наики в Итальянскую колонию. Ей было дано новое название – Ливия. Так одна агрессия потянула за собой вторую.

Итало-турецкая война стимулировала ряд балканских государств к созданию союза против Турции. Маленькая горная Черногория 9 октября 1912 года начала боевые действия против турок, а через неделю уже войну Турции объявили Сербия, Болгария и Греция. В этой войне турецкие войска были вскоре разгромлены. Уже в начале ноября болгарская армия стояла у стен древней византийской столицы, а 3 декабря было подписано перемирие. И хотя в феврале 1913 года боевые действия вновь возобновились, поражение Османской империи было безусловным. По Лондонскому договору 1913 года почти вся территория Европейской Турции переходила к союзникам, и таким образом для балканских стран окончательно закончилось многовековое османское иго.

Разгром османской армии объединенными силами славянских государств и Греции нанес сильнейший удар по интересам Центральных держав. Австро-Венгрия с целью расколоть славянский блок приложила максимум усилий, чтобы посеять раздор в стане победителей. А сделать это было не так уж и трудно. Между балканскими странами постоянно вспыхивали споры по поводу проблем, связанных с разделом «наследства» поверженной Османской империи. Австро-Венгрии и Германии довольно быстро удалось привлечь на свою сторону русофобский режим болгарского царя Фердинанда из немецкой династии Кобургов. Русская дипломатия всячески пыталась уладить конфликт на Балканах, предпринимала усилия по сохранению единства славянских государств. Но все эти усилия оказались тщетными. Болгары, польстившись на обещания Австро-Венгрии предоставить им финансовые кредиты и обширные территории за счет соседей, вероломно напали на Сербию и Грецию 29 июня 1913 года. Так началась братоубийственная Вторая балканская война, которая окончательно развеяла миф о солидарности славянских народов. Это была трагедия балканских славян.

Предпринимая агрессию против Сербии и Греции, болгарский режим рассчитывал, что Германия и Австро-Венгрия сумеют убедить Румынию сохранить в этом конфликте нейтралитет. Однако румыны пришли на помощь близким им по православной вере сербам и грекам. 10 июля 1913 года Румыния ввела свои войска в Южную Добруджу. Сложившейся ситуацией тут же воспользовалась Турция: она присоединилась к своим недавним противникам и отбила у Болгарии Андрианополь. Австро-Венгрия в этих условиях отказалась предоставить какую-либо помощь еще недавно так активно подстрекаемым ею болгарам. Разгром Болгарии в такой ситуации стал неизбежен. Одна лишь Россия выступила в поддержку Болгарии, предложив великим державам «провести против Турции военно-морскую демонстрацию». Однако было слишком поздно. 10 августа 1913 года в Бухаресте между балканскими государствами был подписан мир, по которому Болгария потеряла не только недавно завоеванные у Турции территории, но и часть своих исконных земель[1].

Вторая балканская война привела к очень важным геополитическим последствиям. В этом регионе теперь сложилась новая политическая расстановка сил, и вместо единого союза православных государств под эгидой России фактически возникли две группировки: Сербия, Греция и Румыния – с одной стороны, Болгария и Турция – с другой. Центральным державам такая ситуация была крайне выгодной.

Дипломатическая борьба двух главных противоборствующих в Европе группировок после Второй балканской войны обострилась. Одни пытались примирить со своими христианскими соседями Болгарию и тем самым восстановить прежний блок балканских государств, другие, наоборот, желали к болгарско-турецкой коалиции присоединить еще и Румынию. Если к этому еще прибавить проблему черноморских проливов, которыми мечтало овладеть русское правительство, то неуди-

[1] Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 29.

вительно, что «пороховой погреб» Европы, каким считались Балканы, летом 1914 года все-таки громыхнул мировым взрывом и к ноябрю 1918 года под своими обломками похоронил сразу четыре империи.

Русско-германские отношения после Второй балканской войны продолжали ухудшаться. Германский кайзер, принимая в Берлине в ноябре 1913 года председателя кабинета министров России В. Коковцева, заявил ему о неизбежности войны, которая случится независимо от того, «кто начнет ее». Таким образом, Германия дала понять России, что готова начать войну[1].

Русские и германские интересы в 1913 году столкнулись в Турции, где влияние Германии укреплялось. В январе 1913 года в Турции произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришло прогерманское правительство. Осенью 1913 года Германия направила в Турцию большую группу офицеров и генералов, которые получили важнейшие посты в турецкой армии. Каждый из них получил турецкий чин на ступень выше германского. Главой германской миссии был генерал Л. фон Сандерс, назначенный командующим турецкими войсками в Константинополе. Общественное мнение России восприняло это событие как превращение Турции в «протекторат Германии» и установление германского контроля над черноморскими проливами.

Россия выразила резкий протест, направленный министром иностранных дел Сазоновым в Берлин в виде ноты. Она напомнила о продолжающихся притеснениях армян в Турции, потребовала для них реформ. На этот раз Англия и Франция Россию не поддержали. Они не теряли надежды восстановить в «демократической» Турции собственное влияние и не желали с ней ссориться. После протеста Сазонова германское правительство формально отозвало Сандерса с его поста. Глава немецкой миссии был переведен на должность главного инспектора ту-

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга I. – С. 103.

рецкой армии в звании маршала, но более 70 немецких офицеров и генералов остались командирами дивизий и полков, расположенных в том числе в зоне проливов и в столице Турции. Они заняли также ключевые посты в военном министерстве и генеральном штабе турецкой армии.

Николай II принял решение готовиться к войне против Германии и Австро-Венгрии на стороне Антанты и отказался от дальнейших поисков компромисса. Девизом новой политики стало название громкой газетной статьи, опубликованной по инициативе военного министра Сухомлинова незадолго до начала военных событий: «Россия хочет мира, но готова к войне».

В самый канун мировой войны, 7-10 июля 1914 года, Россию посетил президент Франции Р. Пуанкаре. Николай II встретил его в Кронштадте, президент был гостем царской семьи в Петергофе. Царь подтвердил свою верность союзническому долгу, окончательно определив сторону России в назревавшем военном конфликте.

Таким образом, «в начале XX века России удалось сохранить свои позиции в Европе и избежать международной изоляции, реальная опасность которой существовала в годы войны с Японией. Вместе с тем, в результате настойчивых усилий англо-французской дипломатии и резкого ухудшения отношений со странами австро-германского блока Россия постепенно втягивалась в большой европейский конфликт. Несмотря на попытки русского царя сохранить свободу дипломатического маневра, страна была вовлечена в союз с державами Антанты, что сделало практически неизбежным ее участие в назревавшей мировой войне»[1]. Такое заключение делают авторы «Новейшей отечественной истории XX века». Оно логично вытекает из того материала, который воспроизведен нами в настоящем разделе.

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга I. – С. 104.

Глава II. РОССИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Территория и население России в начале XX века

В начале XX века Российская империя была самым крупным государством на планете. Ее площадь превышала 22,43 млн. квадратных километров – от западных пределов царства Польского и Финляндии до Чукотки, от Северного Ледовитого океана до Памира[1]. Протяженность страны с севера на юг составляла 4675,9 километров, с востока на запад – 10732,3 километров. Общая длина границ измерялась в 69245 км, из которых на долю сухопутных границ приходилось 19941,5 км, а на долю океанов и внешних морей – 49360 км[2]. В рамках планеты в целом Россия того времени занимала 1/22 ее долю и около 1/6 части поверхности суши, что позволяло ей и по размерам территории, и по ее местоположению играть видную роль на геополитической арене мира.

В территориально-административном отношении империя была разделена на 99 крупных образований – 78 губерний, 21 область, 2 самостоятельных округа. Губернии и области подразделялись на 777 уездов (в Финляндии на приходы – 51). Уезды и приходы, в свою очередь, делились на станы, отделы и участки, которых насчитывалось 2523 единицы (и 274 ленемаства – в Финляндии).

Наряду с этим существовали Кавказское наместничество, восемь особых административных объединений – генерал-губернаторств (Московское, Варшавское, Киевское, Иркутское, Приамурское, Туркестанское, Финляндское, Кронштадтское военное губернаторство), а в крупных городах (Санкт-Петербург, Москва, Севастополь, Керчь, Одесса, Николаев,

[1] Для сравнения: площадь современной Российской Федерации составляет около 17 млн. квадратных километров.

[2] Юбилейный сборник Центрального Статистического комитета МВД. – СПб., 1913. – Разд. II. – С. 5; Никонов В. Крушение России. 1917. – М.: АСТ, Астрель, 2011. – С. 32.

Ростов-на-Дону, Баку) градоначальства. Кроме того, имело место подразделение страны на ведомственные округа, состоявшие из различного числа губерний и областей: Министерства путей сообщения – 9 округов, военные – 13, судебные – 14, учебные – 15, таможенные – 9 и почтово-телеграфные – 30. По линии духовного ведомства империя делилась на 62 епархии, границы большинства которых совпадали с границами губерний, чьи названия они и носили[1].

По состоянию на 1 января 1914 г. на территории империи размещалось в общей сложности 769 604 населенных пункта, в том числе 931 город, 54 посада, 169 348 сельских обществ и 599 281 других поселений. Начало века характеризовалось ускоренным процессом роста как городов, так и всех остальных населенных пунктов, что было связано с развитием промышленного производства и с хозяйственным освоением окраин, получивших мощный импульс в годы столыпинской аграрной реформы. По переписи 1897 года в империи было зарегистрировано 865 городов, на 1 января 1914 г. их уже насчитывалось 931, то есть наблюдается увеличение на 7,5%. Число остальных населенных пунктов за тот же период возросло с 577 493 в 1896 году до 758 673 – в 1914 году, то есть рост составил 31,2%.

Точная численность населения страны к началу Первой мировой войны неизвестна. Проведенная в 1897 году первая всероссийская перепись населения содержит немало интересных сведений о народах империи. Разработка материалов переписи показала, что население России увеличивалось гораздо интенсивнее, чем в других странах Европы и в США. С 1858 года, когда прошла последняя, десятая по счету подушная ревизия, оно выросло с 68 до 116 миллионов человек в 1897 году, и до 163 миллионов – в 1914 году[2]. После 1897 года насе-

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 8.

[2] Эти данные о населении даются без Польши и Финляндии. С учетом этих частей России численность населения в 1897 г. составляла 128,2 млн. чел. Правительственный справочник за 1914 год приводил цифру в 178,4 млн.

ление стремительно росло. Если в первой половине XIX века рост народонаселения страны шел за счет высокой рождаемости, то в последующие 60 лет увеличение естественного прироста впервые стало главным образом обеспечиваться снижением смертности. В свою очередь, снижение смертности предопределялось повышением благосостояния крестьянского хозяйства после отмены крепостного права (1862 г.), развитием торговых связей, уменьшавших влияние неурожаев, а также успехами земской медицины, ростом урожайности хлебов и продуктивности животноводства. Больше людей тогда проживало только в двух странах – Индии и Китае. Для сравнения, сегодняшняя Россия с населением в 142 млн. человек по численности занимает лишь десятое место в мире.

Другой важнейший чертой демографических перемен, имевших место на грани XIX-XX веков, являлся ускоренный рост городского населения, по темпам в 1,5 раза опережавший увеличение численности всех жителей страны; тогда как за период с 1897 по 1914 гг. все население выросло на 40,5%, городское – на 61,1%. Поэтому хотя и медленно, но неуклонно росла доля горожан в общем составе населения страны: 9,2% в 1858 г., 12,5% - в 1897 г., 14,3% - в 1914 г. Фактически удельный вес городского населения был несколько выше. Это объясняется тем, что немало поселений городского характера, даже промышленно значимых и многолюдных, не обрели до войны статуса города.

Особенно быстро росло население крупных городов. Если в 1863 году городов с числом жителей свыше 100 тысяч было всего 3, то в 1897 году – 17, а в 1914 году – 29, в которых проживало более 40% горожан. Новая (Санкт-Петербург) и

чел., статистическое издание съездов представителей промышленности и торговли – 171,3 млн. чел. (без учета Финляндии). В.И. Ленин пользовался немецкими данными – 169,4 млн. чел. Управление главного врачебного инспектора МВД давало оценочную цифру в диапазоне от 166,7 до 174 млн. человек (без учета Финляндии). (Никонов В. Крушение России. – М., 2011. – С. 32).

старая (Москва) столицы имели более миллиона жителей: в Петербурге в 1914 году проживало 2,3 млн. человек, а в Москве – 1,6 млн.

Однако подавляющее большинство населения – свыше 85% - проживало в сельской местности. Россия по соотношению городских и сельских жителей существенно уступала Англии, где горожане составляли 78% жителей, Норвегии (72%), Германии (56,1%), США и Франции (41,5% и 41,2% соответственно).

В начале XX века наша страна стояла на одном из первых мест в мире по рождаемости, которая в Росси была очень высокой: 45,5 детей на 1000 жителей в год. Причем рост шел не за счет инородцев, а за счет русских семей. Иметь 5,6,8 детей в крестьянских семьях было тогда делом обычным. Высокая рождаемость и повышенная, по сравнению с европейскими странами, смертность среди жителей старших возрастов предопределили абсолютное преобладание молодого поколения в составе населения страны. Дети до 14 лет и лица от 14 до 30 лет составляли соответственно 33% и 32% населения, а старше 60 лет – всего 7%. Преобладала работоспособная часть людей (60% в возрасте от 14 до 60 лет), что являлось важной составляющей экономического потенциала страны. Ускоренный рост населения и преобладание в его составе молодого поколения создавали мощные резервы рабочих рук как первостепенного фактора поступательного развития производительных сил России[1].

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 10-11. В то же время надо иметь в виду, что растущий удельный вес молодежи в составе населения страны играл не менее существенную роль в революционном движении, поскольку молодые люди более склонны к бунтарству, легче поддаются агитационному воздействию, гораздо импульсивнее, нежели люди более зрелого возраста. Это подчеркивал известный российский ученый-экономист П. Струве. На это же делал ставку лидер большевиков В. Ленин. Это же доказывает и судебная статистика тех лет. Среди осужденных в 1901-1904 гг. за преступление антигосударственной направленности несовершеннолетние (до 21 года) составляли 32% и столько же было лиц в

Еще одной особенностью народонаселения России являлась резкая неравномерность распределения ее жителей по регионам. Север Европейской Росси оставался слабонаселенным, а в Зауралье – почти пустынным, и такая картина здесь почти не менялась. Более значительным переменам в данном отношении оказалась подвержена южная часть России с той только разницей, что во второй половине XIX века ускоренной колонизации подверглись Новороссия, Предкавказье и Нижнее Поволжье, а с конца XIX века главным районом массового переселения становится Зауралье – Сибирь и Степной Край, частично Туркестан. Общее количество переселенцев из центра на окраины за период с 1897 по 1914 гг. составило 6 млн. человек. При этом в азиатской части страны население увеличилось с 10 до 21 млн. чел., в основном за счет переселенцев.

Кроме переселений в районы прежде слабо заселенные, происходил процесс перемещения населения и в районы быстрого развития промышленности – Петербургский, Московский, Бакинский, Донбасс. Это способствовало упрочению ведущей роли центра в экономической, социально-политической и духовной жизни страны при параллельном увеличении значения окраин.

Главными причинами переселения являлись: малоземелье крестьян, относительное перенаселение деревень европейской части страны, рост промышленности и наличие свободных земель на окраинах. Способствовали им прокладка железных дорог, развитие водного, в основном речного, транспорта, а также переселенческая политика правительства. Особенно большую роль сыграла прокладка железных дорог: Красноводск – Ташкент и Оренбург – Ташкент, в которые государство вложило огромные средства. Наряду с внутренней миграцией стало расти и переселение в Россию из-за рубежа, в ос-

возрасте от 21 до 25 лет. (Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 11).

новном тоже на восточные окраины. В 1890-1914 гг. на Дальний Восток и в Сибирь самовольно переселились более 200 тысяч корейцев и китайцев, а в Среднюю Азию – немало дунган, уйгур, китайцев и др.

Естественный прирост населения в 1908-1919 гг. составил в России 15,6%, выше, чем в Германии (13%), Франции (0,9%), Великобритании (10,8%). Только за первые двадцать лет правления Николая II количество жителей Российской империи выросло более чем на 50 миллионов человек. Сохранились традиции больших семей в деревнях, весьма сильны были устои брака, освященного церковью. Среди православного населения Европейской России ко времени революции на 1000 браков приходилось порядка 2,5 разводов, то есть 1 развод на 400 браков. (Уже в 1920-1922 годах этот показатель достигнет 1 развода на 11,7 браков, то есть количество разводов увеличится на три с половиной порядка). Великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев в начале XX века предсказывал, что во второй половине века численность жителей России должна перевалить за 600 млн. человек, а к 2050 году составить 800 млн. человек. По «среднему» варианту последнего прогноза ООН, население Российской Федерации к середине XXI века не превысит 100 млн. человек[1].

В начале XX века в России проживало более 200 народов, говоривших на 146 языках и наречиях. Самыми многочисленными были славяне. До революции 1917 года термин «русские» называл три основных восточнославянских народа – великороссов, малороссов и белорусов. Русских, по переписи 1897 года, насчитывалось 55,4 млн. (47,8%), малороссов – 22 млн. (19%), белорусов – 5,9 млн. (6,1%). Вместе они составляли абсолютное большинство в стране – 83,3 млн. человек (71,9%). Из других славянских народов в России жили поляки, сербы, болгары, чехи и др. Вторыми по численности были

[1] Никонов В. Политическая демография // Политические процессы в современной России. – М., 2007. – С. 172.

тюркские народы: казахи (4 млн.) и татары (3,7 млн.). В России (вместе с Польшей и Финляндией) была самая многочисленная среди других стран мира еврейская диаспора, насчитывавшая около 6 млн. человек. Кроме того, еще 6 народов имели численность от 1 до 1,4 млн. человек: латыши, немцы, армяне, молдаване, мордва и эстонцы. Перечисленные выше 12 народов, насчитывающие более 1 млн. каждый, составляли 90% населения империи[1].

Ведущую роль в развитии российской государственности играли русские (великороссы). Эту роль они выполняли не только благодаря своей численности, но и присущим им чертам национального характера – человеческой открытости и незлобивости, трудолюбию и стойкости в борьбе с невзгодами. Эти и другие качества помогали им жить в мире и дружбе с людьми разных рас, национальностей и религиозных убеждений, поддерживать с каждым из более чем двухсот представленных в империи народов истинно добрососедские отношения. Русский народ нес на своих плечах основную тяжесть работы по созданию единого экономического и культурного пространства и государственному строительству на территории гигантской державы[2].

Государственное законодательство России было одинаковым для всех народов, проживавших в империи. Все они являлись подданными царя, различие существовало главным образом в религиозном отношении. В стране веками уживались народы и группы, исповедующие разные религии. По числу верующих преобладала Православная Церковь (87 млн. чел. или 78% населения). За ней шли мусульманская (13,9 млн. – 11,9%), иудаистская (3,6 млн. – 3,19%), протестантская (2,4 млн. – 2%) и католическая (1,5 млн. – 1,2%). Часть населения исповедовала буддизм, конфуцианство, старообрядче-

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 13.
[2] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 14.

ство, шаманизм и др. верования. Лица нехристианского вероисповедания официально именовались инородцами.

В одной из работ в свое время В.И. Ленин назвал Россию «тюрьмой народов». Этот тезис был бездумно воспроизведен в 1930-е годы в «Кратком курсе ВКП(б)». Его повторяли едва ли не все историки советской эпохи. Однако этот тезис совершенно не выдерживает серьезной критики. Государствообразующий народ – русский – России не пользовался никакими привилегиями. Здесь не существовало особых законов для великороссов и для других народов. Отдельные законодательные акты об «инородцах» вызывались учетом особенностей их хозяйственного положения и кочевого быта: к примеру, нормы землепользования для них были выше, чем для русскоязычных переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток. Не платили они и денежного, наиболее обременительного налога. В Польше и Литве действовали некоторые положения кодекса Наполеона. Финляндия в системе Российской империи обрела свою конституцию, свои органы власти, свою армию, таможню, монету и многое другое, чего она была лишена в составе Швеции. В школах Прибалтики вводилось преподавание на местных языках вместо немецкого, то же допускалось и на других национальных окраинах. Иначе говоря, все народы-«невольники» (по Ленину) в составе Российской империи развивались, сохраняли свой язык и культуру, имели свою родовитую элиту, духовенство и церковь, у многих появилась собственная интеллигенция.

На плечи русского народа ложились основные государственные повинности и тяготы. Крестьяне Центральной России получили при освобождении от крепостного права меньшие земельные наделы, чем представители того же сословия на национальных окраинах. Следует подчеркнуть, что в России не сложилось чисто русской элиты. Все родственники царской семьи, как и собственно самодержцы, обязаны были заключать браки с лицами «королевской крови», то есть с иностранцами, и все они в этническом отношении являлись своеобраз-

ными маргиналами. Многие видные сановники империи считали за честь породниться с выходцами из других стран, а также поляками, татарами, украинцами, грузинами и дворянами других национальностей. Российское самодержавие сохранило привилегии и права всех ханов, беков, шляхтичей, баронов, найонов, тайшей и т.п. Они были приравнены к дворянам, имели власть над сородичами, назначались на высокие посты в центре и на местах. Многонациональной была и новая предпринимательская, торгово-финансовая элита, равно как и таковая в сфере науки, культуры, искусства.

Конечно, не следует впадать и в другую крайность, отрицая состояние России как «тюрьмы народов». Национальный вопрос стоял в империи и был важным фактором, способствовавшим обострению социально-политической атмосферы в обществе. Но это отнюдь не означает, что разрешение острых национальных проблем было возможно только на путях радикальной ломки существовавшего государственного строя, как это утверждалось многие годы в нашей исторической литературе. Был и другой и, видимо, более безболезненный путь реализации острых проблем – путь реформистский. Однако история пошла по иному пути.

Экономическое развитие

К концу XIX века Россия решительно вошла в рыночную экономику, и в мире заговорили о «русском экономическом чуде». Классик политической науки Макс Вебер полагал, что Россия, не разделив с Западом фазы раннего капитализма, разделила с ним фазу позднего капитализма. В ней господствующим был крупнокапиталистический уклад, связанный отчасти с государством, а отчасти импортированный. В стимулировании экономического роста была значительной роль государства. Хотя роль эта была и ограниченной. Прямое участие государства в индустриализации России ограничивалась в основном строительством железных дорог – считают совре-

менные исследователи. Для поощрения развития промышленности использовался целый комплекс косвенных мер, направленных на стимулирование спроса, создание благоприятных общеэкономических условий, привлечение иностранного капитала. При этом государство отнюдь не стремилось подменить частного собственника.

В конце XIX века происходит коренная перестройка российской промышленности на новой технической основе. Среди факторов, обусловивших эту перестройку, главное значение имело широкомасштабное капитальное строительство в трех сферах: железнодорожной, промышленной и городской. Для развертывания этого строительства была создана база собственных ресурсов – минерального топлива (каменного угля и нефти), металла, цемента и др., а также база отечественного машиностроения. Это свидетельствовало о начале перехода к индустриализации народного хозяйства России.

Успехи России в промышленном развитии были существенными. В 1887-1892 гг. среднегодовые темпы роста валовой продукции промышленности составляли 4,9%. Но уже в течение 1893-1900 гг. они составили 8,1%. Особенно высокими темпами развивалась тяжелая промышленность. Она подняла производство продукции в 2,3 раза. Ключевые ее отрасли совершили еще больший скачок, увеличив добычу угля и нефти, выплавку чугуна в 3 раза, а производство железа и стали – в 2,5 раза. Настоящий технический переворот произошел в металлургии. Это позволило обеспечить наивысшую выплавку металла на новых домнах юга страны, а на Урале был внедрен целый ряд иных усовершенствований. В 1885 году внутреннее производство покрывало менее 60% потребления черных металлов, но уже в 1900 году – 86%.

Период подъема был сопряжен с бурным ростом строительства железных дорог. Строительство это обеспечивалось государственными инвестициями. Это была политика, учитывающая большую роль железных дорог для индустриализации страны, хотя на первом этапе многие дороги были убыточны-

ми. Несмотря на финансовые трудности, правительство в 1893-1902 гг. их сеть увеличило на 27 тысяч километров.

В период революционной смуты 1905-1907 гг. темпы железнодорожного строительства несколько упали, а в целом за пятилетие 1905-1909 гг. они оставались внушительными – 1262 км ежегодно. Крупномасштабное железнодорожное строительство, в частности, создание Транссибирской магистрали и Ташкентской дороги, использовалось для развития промышленности, особенно тяжелой, и сельского хозяйства. Государство стало непосредственно осуществлять строительство железных дорог и финансировать их не только за счет заграничных займов, но и общебюджетных средств. Это было в мировой практике того времени совершенно исключительным явлением.

К 1913 году общая протяженность железных дорог составила 63,8 тысяч км (включая железнодорожные линии Финляндии и Восточно-Китайскую магистраль). Разветвленная железнодорожная сеть связала производящие губернии с потребляющими районами, промышленные – с земледельческими, ускорила хозяйственное освоение окраин империи и их втягивание в общероссийский капиталистический рынок.

Возводились новые заводы и фабрики, одновременно осуществлялась реконструкция старых. Преображались российские города, возникали новые рабочие поселки. Все это вызывало растущий спрос на металл, строительные материалы, минеральное топливо. Производство цемента по стоимости возросло в 3,5 раза, кирпича – в 3,4 раза, лесоматериалов – в 4 раза. Стоимость всей продукции тяжелой промышленности с 1892 по 1900 годы увеличилась в 2,5 раза. По добыче минерального топлива, выплавке металлов и машиностроению Россия вышла примерно на уровень промышленного развития Франции.

В начале XX века общеевропейский кризис поразил и Россию. Спад в промышленности был обусловлен резким сокращением железнодорожного строительства и связанных с этим

заказов, ухудшением условий мирового денежного рынка, затруднением в получении кредитов, уменьшением иностранных инвестиций, омертвлением на складах крупных запасов сырья и топлива в ходе предыдущего бума. Кризису оказались подвержены те отрасли тяжелой промышленности (металлургия, транспортное машиностроение, производство стройматериалов), продукция которых пользуется спросом во время подъема в новом капитальном строительстве.

В отраслях промышленности, выпускающих средства потребления, наблюдалось в эти годы более выгодное положение. Их лишь косвенно задело некоторое замедление в условиях кризиса темпов роста. Но падения производства не произошло. Более того, здесь имел место заметный прирост. В 1907-1908 гг. вырос спрос на предметы личного потребления, поскольку в период революции 1905-1907 гг. произошло повышение примерно на 20% заработной платы рабочих и доходов крестьянства (вследствие отмены выкупа земли).

После непродолжительного спада в развитии промышленности в 1909-1913 гг. начался новый подъем. База предвоенного подъема была намного шире, чем в 90-е годы. Значительно возрос основной капитал крупной промышленности, вдвое расширилась сеть железных дорог, почти на столько же увеличилась продукция фабрик и заводов, на 55% - численность рабочих. Столыпинская аграрная реформа способствовала развитию производительных сил крестьянского хозяйства, росту торгового земледелия. Увеличение слоя зажиточных крестьян сопровождалось повышением спроса на сельскохозяйственные машины и орудия, стройматериалы, сортовые семена и удобрения. Экспорт хлеба, масла и других продуктов дал стране в 1898-1913 гг. 17,4 млрд. рублей. Наряду с этим накопилось немало средств, которые в условиях кризиса и последующего застоя не вкладывались в расширение производства. В 1908 году общая сумма отечественного капитала в акционерных компаниях составила 1795 млн. рублей против 1187 млн. рублей иностранных вложений. Огромный спрос на

инвестиции в 1908-1913 гг. был в основном удовлетворен за счет внутреннего финансового рынка. В предвоенном подъеме промышленности большую роль сыграла гонка вооружений. К ней наша страна по-настоящему приступила позже других государств.

В связи с этим предвоенный промышленный подъем по интенсивности почти не уступал буму 90-х годов. Хотя и был он не таким продолжительным. Среднегодовой прирост промышленной продукции в 1893-1900 гг. равнялся 9%, а в 1909-1913 гг. – 8,8%. Отрасли, выпускающие средства производства, увеличили валовую продукцию на 83% (среднегодовой прирост – 16,6%), а специализирующиеся на производстве средств потребления – на 35,3% (то есть в среднем за год на 6,2%)[1].

По темпам роста промышленности Россия опережала все передовые страны Запада. Если мировая выплавка чугуна за эти годы увеличилась на 32%, в США – на 20%, в Германии – на 50%, то в России – на 64%. Выплавка же стали в России выросла на 82%, тогда как в Германии – на 50%. С 1913 года на Западе наметились явные признаки нового спада, а в России подъем продолжался вплоть до начала Первой мировой войны. Накануне нее в России работало 225 металлургических, 1800 металлообрабатывающих заводов, 568 угольных разрезов, 224 нефтеперерабатывающих предприятия, 840 хлопчатобумажных фабрик[2].

За почти пятнадцатилетний период накануне Первой мировой войны среднегодовой прирост валового национального продукта в России был выше, чем в странах Западной Европы. К такому выводу в своем труде пришел академик А.Н. Сахаров[3]. По средним темпам экономического роста Россия отста-

---

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 42.

[2] Китанина Т.М. Россия в первой мировой войне 1914-1917 гг. Экономика и экономическая политика. Часть I. – СПб., 2003. – С. 12, 14.

[3] Сахаров А.Н. Россия. Народ. Правители. Цивилизация. – М., 2004. – С. 522.

вала только от США, да и то лишь на 0,2% в годовом исчислении. По протяженности железных дорог Россия также уступала лишь США. По абсолютным размерам добычи железной руды, выплавке чугуна и стали, объему продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производства сахара Россия вышла на четвертое – пятое место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX-XX веков стала даже мировым лидером в результате создания Бакинского нефтепромышленного района[1]. Благодаря нефти Баку Россия уже имела такой топливный баланс, на который многие даже развитые страны выйдут через полвека: большинство локомотивов, весь Волжский и Каспийский флот ходили на мазуте, на нем в основном работала промышленность Поволжья и Центрального района[2].

Существенно выросло производство ряда отраслей легкой и пищевой промышленности, особенно тех из них, что удовлетворяли, главным образом, спрос городских жителей – обувной, табачной, сахарной. Чуть медленнее развивалась самая крупная отрасль российской промышленности – хлопчатобумажная. Тем не менее за 7 лет, с 1906 по 1913 гг., ее продукция увеличилась на 44% и сохранила среднегодовые темпы прироста, достигнутые в условиях подъема 1890-х годов. В предвоенные годы существенно укрепилась техническая база промышленности, возросла механизация и энерговооруженность труда. Общее количество механических сил увеличилось более чем в 2 раза, а энерговооруженность труда поднялась с 0,9 до 1,5 лошадиных сил на одного рабочего, или на 67%.

Вместе с крупной фабрично-заводской и горной промышленностью продолжала развиваться и мелкая промышленность. Она включала 150 тысяч предприятий с числом рабочих от 2 до 15 человек. На них в общей сложности было занято около 800 тысяч рабочих, а продукция исчислялась в 700 млн. рублей.

[1] Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века//Россия в начале XX века. – М., 2002. – С. 170.

[2] Никонов В. Крушение России. 1917. – С. 35.

Наряду с этими мелкокапиталистическими предприятиями насчитывалось 600 тысяч самостоятельных ремесленников, занимавшихся промысловой деятельностью без найма или с одним наемным работником. В зимние месяцы крестьянскими промыслами было занято 3,5-4 млн. человек.

При высоких темпах промышленного развития Россия накануне войны отставала по общему объему валовой продукции от США, Германии, Англии и по отдельным показателям приближалась к Франции. Особенно значительным было отставание от указанных стран по производительности труда и еще больше по уровню производства на душу населения. Но страна была на подъеме, и достижение уровня этих стран было делом времени. На Западе это понимали и делали свои выводы.

Банковская система страны

Мы должны констатировать, что русское развитие в конце XIX – начале XX вв. осуществлялось при активной помощи западного капитала и знаний. Через европейские пути сообщения проходило товаров на 2,5 млрд. рублей, через азиатские – в 10 раз меньше. «Черное море и Балтика были главными путями для России во всех смыслах», – подчеркивал в своем капитальном исследовании о Первой мировой войне российский историк А.И. Уткин. А в экономике страны развитие происходило при активнейшем участии европейского и американского капитала. Нефтяная промышленность Кавказа контролировалась англичанами, добыча меди и платины на Урале и Кавказе осуществлялась британскими и американскими кампаниями. Трамвайными депо в городах владели бельгийцы, 70% электротехнической промышленности и банковское дело принадлежало немцам. С 1888 года главным источником капитала для России становится Франция. Французские займы в России и инвестиции в Россию достигли колоссальной суммы – 25 миллиардов франков. После соглашения

1907 года между Петербургом и Лондоном в Россию начинает активно проникать британский капитал – рост его в 1908-1914 гг. был очень впечатляющим. В результате иностранные банки и фирмы заняли в России исключительно важные позиции. Если в 1890 году было 16 кампаний с капиталом, контролируемым иностранцами, то в 1891-1914 гг. иностранный капитал возобладал в 457 новых промышленных компаниях. Основанные на базе западного капитала компании были в среднем богаче и могущественнее российских. В среднем на российскую компанию в 1914 году приходилось 1,2 миллиона, а на иностранную – 1,7 миллиона рублей.

К 1914 году по объемам инвестиций в Россию первое место занимала Франция – 731.797 тысяч золотых рублей, что составило 32,6% от всех иностранных инвестиций. На втором месте находилась Англия – 507.480 тысяч рублей (22%), на третьем – Германия – 441.593 тыс. рублей (19,7%), на четвертом – Бельгия – 321.602 тысячи рублей (14,3%), на пятом – США – 117.750 тысяч рублей (5,2%). Кроме того, инвестировал в российское развитие капитал Голландии, Швейцарии, Швеции, Дании, Австро-Венгрии, Италии, Норвегии[1].

В 1913 году доля Германии в импорте России составила почти половину его, а доля Франции – 4,6%. Общий объем торговли России с Германией накануне войны составил 1095 миллиона рублей, а с Францией – 157 миллионов.

Вторым по важности партнером России в торговле к 1914 году стала Англия. Но она по объему была в 4 раза меньше немецкой. Причем Британия на протяжении более чем полувека, предшествовавшего войне, теряла свои позиции в России. Лишь после 1907 года она предприняла усилия по изменению этой тенденции.

Однако Англии не удалось обойти Германию, которая завладела половиной русской торговли. От последней во многом зависела модернизация нашей страны, от нее же исходила

[1] Уткин А.И. Первая мировая война. – М.: Алгоритм, 2001. – С. 26.

и опасность превращения России в экономического сателлита Германии. Последняя приложила чрезвычайные усилия для занятия доминирующих позиций в России, действуя энергично и с примерной немецкой методичностью. В России жили примерно 170 тысяч германских подданных и 120 тысяч австро-венгров, в то время как французов проживало 10 тысяч и англичан – 8 тысяч. По оценке некоторых западных историков, Германия в начале XX века осаждала Россию экономически со всех сторон, как в Азии, так и в Европе. И эти «систематические усилия по ослаблению своей жертвы, его экономическая эксплуатация вызывает в памяти удушение Лаокоона и его сыновей. Троянские жертвы были не более обречены в объятиях монстра, чем Россия в руках Германии»[1].

Банковская система, адекватная развивающейся капиталистической экономике, берет свое начало в 1860 году, когда был создан Государственный банк России. Он стал своеобразным стержнем этой системы, сформировавшейся к концу XIX века. Будучи крупнейшим коммерческим банком империи, Госбанк после денежной реформы 1897 года стал и центральным эмиссионным учреждением страны, регулирующим ее денежное обращение. Госбанк сосредоточивал в своих руках золотой запас, выпускал в обращение взамен золота банкноты (бумажные кредитные билеты), концентрировал все средства бюджета: доходы зачислялись на счет государственного казначейства и оттуда отпускались по его требованиям: свободные же средства казначейства являлись главным источником учетно-ссудных операций банка. В отличие от центральных банков других стран, Госбанк России был особо тесно связан с государственным бюджетом и аппаратом Министерства финансов – он непосредственно кредитовал промышленность и торговлю, а также широко использовался для реализации экономической политики государства. Это позволяло российскому правительству с помощью банка поддерживать соответст-

[1] Цит. по: Уткин А.И. Первая мировая война. – С. 27-28.

вующие предприятия, широко кредитовать хлебную торговлю, а затем и проводить крупномасштабные хлебозалоговые операции. В 1911 году на Госбанк было даже возложено строительство широкой сети элеваторов, которое не удалось развернуть из-за начала мировой войны[1].

Госбанк действовал в тесном союзе с подразделением Министерства финансов, которое называлось кредитной канцелярией. Эта канцелярия контролировала все кредитные учреждения, все заграничные расчеты правительства и распоряжалась принадлежащими ему средствами за границей. Иначе говоря, Госбанк совместно с канцелярией был неким государственно-капиталистическим центром всей кредитной системы России.

Частные коммерческие банки, в основном, имели форму акционерных. В предвоенные годы число крупнейших акционерных банков увеличилось незначительно – с 43 до 50. Однако их активы выросли в 4,5 раза (с 1,1 до 4,9 млрд. рублей). Это свидетельствовало о концентрации банковских капиталов. По этому показателю Россия опережала страны Запада. Крупнейшими банковскими монополиями были Русско-Азиатский, Петербургский международный, Русский для внешней торговли, Азиатско-Донской и Русский торгово-промышленный банки. В них было сосредоточено 42,6% всех капиталов и 48,5% всех активов пятидесяти акционерных банков. Имея 418 филиалов, они распространяли свое влияние на всю территорию империи.

В банковскую систему входили также городские банки и общества взаимного кредита – всего 1476 банков и 914 филиалов. На долю Государственного банка в этой системе приходилось 16% основных активов (вложений), на акционерные банки – 68%, на общества взаимного кредита – 12% и на городские банки – 4%. После Первой русской революции в России стала быстрыми темпами расти кредитная кооперация,

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 44.

которая к 1914 г. насчитывала 18 тысяч товариществ с 10 млн. членов и с 645 млн. рублей выданных ссуд. Население активно пользовалось услугами банковского сектора. Вклады населения накануне войны превышали 2,5 млрд. рублей, росли объемы кредитования. Процентные ставки по кредитам, устанавливающиеся Госбанком, составляли в предвоенные годы 4,5-5%, в коммерческих – на четверть дороже, что намного превосходило ставки в Англии (3-4,5%) или Франции (3-4%). Активно развивалась ипотека, с 1900 по 1913 гг. кредитные общества увеличили свой залоговый портфель в 2,1 раза.

Представленная выше банковская система нашей страны показана как бы с внешней стороны. А теперь попытаемся проникнуть в ее внутреннее содержание и выявить ее особенности. Для этого нам придется коснуться такого вопроса, как переход России на золотую валюту при министре финансов С.Ю. Витте и чем этот переход обернулся для страны.

С самого начала великорусской государственности нашей национальной денежной единицей служил серебряный рубль. При Екатерине II впервые были выпущены бумажные деньги – ассигнации.

В 1839-1843 гг. министр финансов в правительстве Николая I Е.Ф. Канкрин провел финансовую реформу, введя в качестве основы денежного обращения серебряный рубль, установил обменный курс ассигнаций, добился бездифицитности государственного бюджета и, тем самым, временно укрепил финансы России.

Во внутренней политике Николай I взял курс на обеспечение экономической независимости страны. В связи с этим он пошел на относительную изоляцию России от складывавшегося мирового рынка. Царь покровительствовал развитию отечественной промышленности и торговли.

Однако Западная Европа, обделенная природными ресурсами, с давних пор привыкла смотреть на Россию как на их источник. А заполучить эти ресурсы можно было если не с помощью военной силы, то путем захвата финансовой систе-

мы страны. Инструментом экономического закабаления России была выбрана золотая валюта.

До 70-х гг. XIX в. в качестве денег в странах Западной Европы использовались серебро и золото. При этом по стоимости количество золотых и серебряных денег было примерно одинаковым.

В результате Франко-Прусской войны 1870-1871 гг. проигравшая ее Франция выплатила Германии огромную контрибуцию золотом. И немецкий финансист Людвиг Бамбергер предложил правительству своей страны перейти на золотое обращение, а ставшее ненужным теперь серебро продать той же Франции. Серебро было продано, но Франция, опасаясь подвоха с немецкой стороны, тоже перешла на золотое обращение. Возникло, якобы, перепроизводство серебра, что привело к его обесцениванию. В Западной Европе пошла цепная реакция перехода на золотую валюту.

Почти половина денежной массы, представленная серебром, была объявлена не деньгами. Значит, количество денег сократилось в два раза, а количество товаров осталось тем же. Следовательно, цены на товары в новых золотых деньгах упали вдвое. На этом разбогатели определенные силы на Западе.

Все страны, перешедшие на золотое обращение, от этого проиграли, и западный мир охватил экономический кризис. Владельцы золотых денег после всего этого сразу же увеличили свое богатство вдвое. Разбогатели банкиры, а проиграли промышленники и крестьяне.

Переход на золотую валюту ознаменовал важный этап развития мирового капитализма – установления главенства ростовщического, банковского, финансового капитала над капиталом промышленным, производственным. И хотя позднее стали говорить о сращивании промышленного и финансового капитала, на деле это «сращивание» происходило в виде подчинения промышленности, производства вообще, банкам.

Самым бескомпромиссным критиком перехода России на золотую валюту стал ныне забытый русский экономист, писа-

тель, публицист и активный общественный деятель того времени Сергей Федорович Шарапов (1855-1911 гг.). Он расценил этот процесс с позиций русского православия – как победу нового курса мамоны над старым христианским строем человечества. Кроме того, азиатские страны, где сохранилось обращение серебряной монеты, кризиса не знали. Напротив, Япония, к примеру, настолько окрепла экономически, что ее продукция стала теснить английскую не только на рынках третьих стран, но и в самой Англии. Россия также не была затронута европейским кризисом, ибо ее валютная система мало зависела от мировой экономической конъюнктуры. Однако положение коренным образом изменилось, когда наша страна перешла на золотую валюту.

В 1855 году в Париже проходил международный монетный конгресс, решавший вопрос о переходе всех стран на единую валюту, дабы не было повторения экономических кризисов. На престол в России в это время взошел Александр II, сторонник интеграции в Европу и необходимых для этого либеральных преобразований. В России, только что проигравшей Крымскую войну, общественное мнение склонялось к кардинальным изменениям, особенно в системе российских финансов. Россию охватила широкая волна экономического либерализма. С этого момента денежное обращение России стало постепенно развиваться по законам мировой (золотой) валюты. Курс национальной валюты попал в сильнейшую зависимость от колебаний котировок мировых валют, валют на бирже и внебиржевых финансовых рынков[1].

В 1867 году на очередном международном монетарном конгрессе в Париже перед Россией был уже открыто поставлен вопрос о привязке ее денежного обращения к единой золотой монетной единице. Министр финансов России Михаил Христофорович Рейтерн тогда проявил мужество и не согласился на развитие денежного обращения своей страны на

[1] Антонов М. Золотая удавка // Родина. – 2006. - № 3. – С. 28.

принципах монетарного единства. Однако уже с 1880-х годов страна стала постепенно готовиться в реформированию своего денежного обращения: накоплению различных фондов в золоте и переходу к системе «золотого монометаллизма».

В 1890-х годах ценой неимоверного напряжения всех сил страны правительству удалось накопить значительные запасы золота и подготовить условия для проведения денежной реформы. Серебряный рубль был изъят из обращения, все денежные расчеты велись теперь только в золотой валюте. В обращении находились золотые монеты достоинством 15 (империал), 7,5 (полуимпериал) и 5 рублей. Бумажные деньги – кредитные билеты – подлежали свободному размену на золото. Но выпуск кредитных билетов был ограничен определенной нормой, в зависимости от размеров золотого запаса страны. Это нанесло большой удар по национальным производительным силам.

Сам переход на золотую валюту был осуществлен тихо, без помпы. Идею его высказал финансист А.Ю. Ротштейн – распорядитель Петербургского международного коммерческого банка и Петербургской биржи. Идею одобрила финансовая наука в лице ее светил – Герцкин, Лексиса, Вагнера и др., а затем и все научное сообщество Запада. И Министерство финансов, не отменяя закона, по которому денежной единицей России был установлен серебряный рубль, как бы временно приостановило его действие.

Император Александр III, заботившийся о защите национальный интересов России, тормозил переход на золотую валюту. Николай II в первые же годы своего царствования согласился на выпуск в обращение золотых монет и на свободный обмен в Государственном банке кредитных билетов на золото.

Финансовые «спецы» обещали, что к нам потекут иностранные капиталы, Россия получит валюту всего цивилизованного мира. Как утверждал в свое время экономист С.Ф. Шарапов, иностранные капиталы действительно к нам потек-

ли, да еще с такой стремительной силой, что в самое короткое время Россия распродала иностранцам свои руды и каменноугольные копи, золотые прииски и нефтяные источники. Образовалось множество иностранных предприятий. Русские государственные ценные бумаги стали десятками миллионов уходить за границу. Иностранные инвесторы захватили значительную часть производительных сил страны. Взятые кредиты можно, подтянув пояса, со временем выплатить, а инвестиции, вложенные иностранцами, без их согласия вернуть уже нельзя.

Курс рубля после перехода на золото стал устойчивым. Но Шарапов показал, что дело отнюдь не в устойчивости курса российского рубля, а в его качестве. Самая замечательная золотая валюта может обогатить одну страну и разорить, уничтожить другую. Страна с сильной экономикой заинтересована в экспансии своей валюты, в проникновении в страну со слабой экономикой. Это позволяет более развитой стране подчинить себе слаборазвитую страну и поставить себе на службу ее ресурсы. Именно этого настойчиво добивался западный финансовый капитал, втягивая Россию в зону золотой валюты.

Результаты реформы в России были следующими. Она добровольно увеличила свой внутренний долг на 50%. Денежная масса в обращении сжалась, так как серебро перестало быть деньгами. Если в середине XIX века на одного жителя России приходилось в среднем около 30 рублей или 120 французских франков, то к 1914 г. эта сумма сократилась до 10 рублей или 25 франков. В Германии же обеспеченность деньгами составила 115, в США – 125, в Англии – 140 и во Франции – 210 франков. На Западе, кроме наличных денег, в обращении находились чеки, а в России с ее огромными пространствами и медлительностью оборота денег ничего такого не было; возникла острая нехватка наличных денег у хозяйствующих субъектов.

Образовалась сильнейшая зависимость хозяйственных оборотов от иностранного капитала; для удержания в стране

золота пришлось дополнительно привлекать иностранный капитал. Деньги не задерживались в России, а транзитом уходили на Запад.

За период с 1800 по 1861 гг. иностранные вложения в российские предприятия составили 232 млн. рублей. После перехода России на золотую валюту, к 1914 г., они достигли 2243 млн. рублей.

«Началась жесточайшая эксплуатация национального богатства России иностранным капиталом с преднамеренным сокращением ее экономического потенциала, – утверждает российский публицист М. Антонов. – Система золотого монометаллизма обесценила материальные ценности производительного труда, и иностранцы получили возможность скупать по дешевке хлеб, недвижимость, землю. Для поддержания вексельного курса Россия вынуждена была всемерно увеличивать экспорт хлеба, получая за него все меньше денег. Если в период 1884-1891 г.г. средний вывоз русского хлеба за границу составлял 408 млн. пудов при выручке 333 млн. рублей, то за 1893-1897 гг. он увеличился до 509 млн. пудов, тогда как выручка уменьшилась до 316 млн. рублей»[1].

Резко вырос внешний долг, страна стала приближаться к банкротству. Россия лишилась возможности брать внешние займы на российскую серебряную валюту, они предоставлялись только в валюте кредитора или в золоте по невыгодному для нашей страны курсу. И внешние займы не притекали в Россию, как прежде, а оставались за рубежом для покрытия затрат (на железнодорожное строительство, акционирование российской промышленности, торговли и банков).

В то время российские производители задыхались от нехватки оборотных средств, так как нужно было быть готовым к выплате золотом части внешнего долга. Не обремененные таким внешним долгом, страны Запада выпускали бумажных денег подчас больше, чем было у них золотого обеспечения,

[1] Антонов М. Золотая удавка // Родина. – 2006. - № 3. – С. 30.

да к тому еще развивали систему чеков, безналичных платежей и пр., что почти отсутствовало в нашей стране.

Полученное извне золото постоянно уходило назад в виде процентов и дивидендов на вложенные капиталы. Для его обратного привлечения Россия прибегала к новым займам. Так долговая удавка на шее страны затягивалась все туже.

Вот против этого-то грабежа России иностранным капиталом и прислуживавшими иностранцам русскими спекулянтами и выступил С.Ф. Шарапов. Но он не просто протестовал, а вскрыл механизм ограбления России международным капиталом и выработал способы защиты наших национальных интересов[1].

Внешний долг России увеличился с 221 млн. золотых рублей в 1853 г. до 4229 млн. рублей в 1914 г., а с учетом долгов предприятий и банков по кредитам, взятым под гарантии правительства – свыше 5 млрд. золотых рублей. Это равнозначно 250 млрд. полновесных «доперестроечных» советских рублей, когда рубль был эквивалентен доллару. Ежегодные выплаты процентов по долгу выросли с 10 млн. рублей серебром до 194 млн. рублей золотом. Перед Первой мировой войной 55% российских ценных бумаг принадлежали иностранному капиталу. Иностранцы владели ведущими предприятиями России, получали бешеные прибыли в рублях, обменивали их на золото и вывозили его к себе на родину. А Россия, чтобы иметь возможность разменивать бумажные деньги на золото, должны была вновь заключать за границей займы, наращивая свой внешний долг.

Еще один забытый ныне экономист, историк, писатель и общественный деятель того времени, генерал Александр Дмитриевич Нечволодов (1864-1938) писал: «По количеству задолженности мы (Россия) уже первая держава мира, при том мы единственная из держав, у которой большая половина этой задолженности внешняя…». А последствия этого тра-

[1] Антонов М. Золотая удавка // Родина. – 2006. - № 3. – С. 31.

гичны: «Мы уплачиваем иностранцам в каждые шесть с половиной лет дань, равную по величине колоссальной контрибуции, уплаченной Францией своей победительнице Германии» (в войне 1870-1871 гг.).

Вполне определенно высказался Нечволодов и об иностранных инвестициях: «Привлечение иностранных капиталов в государство сводится к эксплуатации этими капиталами отечественных богатств и рабочих рук страны, а затем и к выводу за границу золота, приобретенного в стране за продажу продуктов производства. При этом общее благосостояние личности, где возникают крупные (иностранные) капиталистические производства, обязательно понижается…»[1]. Видимо, будет не бесполезно применить оценки указанного историка и экономиста генерала А.Д. Нечволодова к оценке практики привлечения иностранных инвестиций для организации производства в современной России.

Влияло ли активное привлечение иностранных инвестиций на темпы экономического развития, и каковы были последствия этого?

Мы отметили ранее, что темпы развития российской экономики начала XX века были высокими – выше, чем в странах Запад. Но имеются факты, о которых как-то не принято говорить в нашей исторической литературе. В свое время было проведено совместное исследование Хьюстонским университетом США и НИЭИ при Госплане СССР, показавшее, что отставание России от развитых стран Запада при этом не уменьшалось, а возрастало. В 1861 г. душевой национальный доход России составлял примерно 40% по сравнению с Германией и 16% по сравнению с США. А в 1913 году – уже только 32% от уровня Германии и 11,5% от американского уровня. Возникает вполне логичный вопрос: как это могло произойти?

[1] Цитируется по: Антонов М. Золотая удавка // Родина. – 2006. - № 3. – С. 31.

Механизм был несложным. Иностранцы строили в России предприятия по добыче и переработке сырья, и объемы производства росли у нас быстрее, чем в других странах. Однако большая часть этого прироста тут же вывозилась за рубеж в виде процентов за кредиты и дивиденды с западных капиталов. Поэтому среднедушевой доход в ограбленной стране рос медленнее, чем в странах-грабителях. Пока царское правительство искало способы заставить иностранных инвесторов вкладывать свои прибыли в российское производство, было уже поздновато, Россия превращалась в колонию Запада, сильно отставшую от них. Россия входила в «большую пятерку» великих держав (наряду с США, Англией, Францией и Германией). Однако ее доля в совокупном промышленном производстве «пятерки» составляла лишь 4,2%.

В общемировом производстве в 1913 г. доля России составляла 1,72%, доля США – 20%, Англии – 18%, Германии – 9%, Франции – 7,2%. А ведь эти страны имели население в 2-3 раза меньше, чем наша страна. По размерам валового национального продукта на душу населения Россия отставала от США в 9,5 раз (по промышленному производству - в 21 раз), Англии – в 4,5 раза, Канады – в 4, Германии – в 3,5 раза, Франции, Бельгии, Голландии, Австралии, Новой Зеландии, Испании – в 3, Австро-Венгрии – в 2. 70% прироста ВНП в России в 1900-1914 гг. дало сельское хозяйство. Доля промышленности составляла 42% (в США – 76%), сельского хозяйства – 58%. Еще большим было отставание России по энерговооруженности и механовооруженности (от США – в 10 раз, от Германии – в 4 раза) и по производительности труда в промышленности (от США – в 9 раз, от Германии – в 4 раза).

В 1913 году США выплавили 25 млн. тонн стали, в России только 4,2 млн. тонн, осуществив ввоз из-за границы более 1 млн. тонн стали и 8,7 млн. тонн каменного угля. Первые российские летчики летали на самолетах иностранного производства, с 1914 г. начали собирать отечественные самолеты, од-

нако моторы на них были иностранные. Автомобили тоже были исключительно зарубежными. В 1912 г. в России было собрано (только собрано, а не произведено) 100 автомобилей, а в США их произвели десятки тысяч. На российских военно-морских судах стояли немецкие и шведские турбины, английские гирокомпасы и дальномеры.

Отставание России имело место и в развитии инфрастуктуры. В 1913 г. в США насчитывалось свыше трех миллионов абонентов связи, в Германии – 800 тысяч, в России – 97 тысяч при ее огромных пространствах.

Российское государство вкладывало солидные финансовые средства на строительство заводов и железных дорог. Но мало кому известно, какие игры вели в России иностранные капиталисты при содействии нашего Министерства финансов. При финансовой поддержке государства строились крупные заводы. Однако после поражения в русско-японской войне, был провозглашен курс на экономию средств. Построенные предприятия остановились, и их по дешевке скупили иностранцы. Это очень напоминает нам недавнюю отечественную практику банкротства российских предприятий, которые скупили иностранные «инвесторы». На предприятиях Урала, впоследствии скупленных англичанами, из-за отсутствия денег рабочим выдавали зарплату слитками или кусками железа. Государственные кредиты частным предприятиям были в большинстве своем разворованы, что стало предметом громких скандалов и судебных разбирательств.

Не подлежит сомнению, что русский капитал наращивал производство ситца, укрепил свои позиции в хлебопекарной промышленности и пр., однако ключевые отрасли промышленности находились в руках иностранцев.

К 1910 г. положение было таково. В металлургии банкам принадлежало 88% акций, из этой доли 67% владел парижский консорциум из трех банков. А на все банки с участием (только участием!) русского капитала приходилось 18% акций. В паровозостроении 100% акций находилось в собствен-

ности двух банковских групп – парижской и немецкой. В судостроении – 96% капиталов принадлежало банкам, в том числе 77% - парижским. В нефтяной промышленности 80% капитала было в собственности групп «Ойл», «Шелл» и «Нобель» - все группы иностранные, как видим.

В дальнейшем захват российской промышленности и торговли иностранным капиталом не ослабевал, а лишь усиливался. В 1912 г. у иностранцев было 70% добычи угля в Донбассе, 90% добычи всей платины, 90% акций электрических и электротехнических предприятий, все трамвайные кампании и т.д.

Главный город Донбасса именовался Юзовка, потому что он сложился вокруг металлургического завода, построенного англичанином Джоном Юзом. В России заработали свои миллионы целых три поколения Нобелей, оседлавших наш нефтяной бизнес, производство взрывчатых веществ, станкостроение[1]. Неплохо зарабатывали в России Ротшильды и другие известные на Западе семьи.

Почти вся российская банковская система, как утверждает Михаил Антонов, а в свое время об этом писал русский ученый Ю.Г. Жуковский, оказалась в руках иностранного капитала. Ю.Г. Жуковский знал, о чем писал: одно время он возглавлял Государственный банк России. В своей книге «Деньги и банки» (СПб., 1906) он раскрыл механизм ограбления России после слома финансовой системы, разработанной (лично!) императором Николаем I. От Государственного банка отсекли отдел, который занимался обеспечением внешнеэкономической деятельности частного сектора. Госбанк стал вести только операции, касающиеся государственной казны. Но собственно торговля была лишена его услуг, вся масса оборотов частных лиц, торговли и промышленности была сосредоточе-

[1] Впоследствии Альфред Бернхард Нобель выделил из своих миллионов средства на учреждение Нобелевской премии. Так что российские деньги до сих пор питают Нобелевский комитет и тех, кто удостаивается этой самой престижной премии в мире.

на в руках частных банков и банкирских контор. Из 40 акцио нерных банков (из них 9 петербургских и 4 московских) соб ственно русскими (и то условно) были только два: Волжско Камский и Торгово-Промышленный – отнюдь не самые круп ные. При этом нерусские банки не имели отделений в провин ции, потому что в их задачу не входило содействие развитию экономики регионов. Деньги всей России шли в Петербур Работал своеобразный насос, высасывающий средства и страны, не давая ей по-настоящему развиваться и перекачива деньги за рубеж, к себе на родину.

Сразу же появилась, особенно в Петербурге, масса неру ских частных банков, играющих на курсах российского рубля Начались такие игры и на заграничных биржах. При этом ча стные петербургские банки действовали согласованно с бер линскими банками. А форма балансов этих банков была умышленно запутана таким образом, чтобы со стороны в их деятельности невозможно было разобраться[1]. Поэтому хозя ном экономики был тот, кто контролировал денежные потоки Факт контроля иностранным капиталом над российской эко номикой начала XX века скрыть невозможно. Подытоживая свою статью, М. Антонов утверждает: «Статистика показыва ла, что в стране проводится удачная финансовая политика расходы не превышают доходов. Но на деле положение Рос сии оставалось бедственным, ее хозяйство при формальных показателях роста разорялось с введением размена бумажных денег на золото, золотые деньги уходили из страны, оставля взамен макулатуру. И нам постоянно приходилось занимать золото у тех стран, куда оно утекало. В таком положении ока залась экономика и финансовая система страны в начале XX века в результате перехода на золотую валюту»[2].

[1] По сути дела, велась двойная бухгалтерия, но правильный баланс бы недоступен российским контролирующим органам.

[2] Антонов М. Золотая удавка // Родина. – 2006. - № 3. – С. 33.

Сельское хозяйство России

Рост промышленного производства и финансовой системы государства накануне Первой мировой войны был существенным, и мы в этом убедились выше. Однако следует заметить, что плоды индустриальной революции, как и следы рыночных отношений, были слабо заметны на селе, где было занято семь восьмых населения. Основу экономики страны по-прежнему составляло сельское хозяйство, темпы развития которого обгоняли прирост населения. К началу мировой войны Россия вышла на первое место в мире по объему сельскохозяйственной продукции. Ежегодные валовые сборы зерна увеличились с 1901-1905 гг. по 1909-1913 гг. с 3,8 млрд. пудов до 5 млрд., а всех хлебов на душу населения – с 400 до 450 кг. А в последний предвоенный год бы достигнут рекордный урожай в 5,6 млрд. пуд, что составляло 550 кг на душу населения. Имея 8% населения от численности людей в мире, Россия производила 25% пшеницы, 52% риса, 38% ячменя, более половины мировых сборов свеклы, до 8% льна. Увеличились и сборы других культур, в особенности технических: картофеля, табака, подсолнечника, конопли и т.п. Лучшими породами скота стало пополняться животноводство. Повышалась продуктивность скота, хотя поголовье сокращалось. Значительное развитие получило маслоделие, особенно на Европейском севере и в Западной Сибири. Сельское хозяйство в целом становилось более доходным. По некоторым подсчетам того времени доход от зерновых и технических культур с 1900 по 1913 гг. возрос почти вдвое, а от скотоводства даже больше.

Все отрасли сельскохозяйственного производства базировались на двух основных типах хозяйства – крестьянских и помещичьих. Накануне войны из 5 млрд. пудов хлеба в помещичьих хозяйствах было произведено 600 млн. пудов, или менее 12%. Но на хлебном рынке страны роль помещичьих хо-

зяйств была заметнее из-за их высокой товарности – они дава-ли 22% товарного зерна[1].

В крестьянской среде предпринимательское хозяйство ве-ли в основном зажиточные дворы, доля которых увеличива-лась. Составляя 15-20% деревенского населения, эти дворы производили около 40% валового сбора и 50% товарного зер-на. Это связано было с тем, что эти хозяйства помимо значи-тельных массивов надельной земли сосредоточивали в своих руках до 80-90% купчих и почти половину арендных земель.

В массе мелких и средних хозяйств происходили подвиж-ки как вниз, в сторону сельской бедноты, так и вверх, в сторо-ну зажиточных хозяйств. Рост населения и разделы семейств разных социальных групп деревни сокращали размеры на-дельного землепользования крестьянства и усиливали процесс обезземеливания его низших групп. В сочетании с воздейст-вием рынка как стихийного регулятора товарно-денежных от-ношений все это порождало социальную напряженность и экономическую неустойчивость на селе, рост недовольства се бедняцкой части.

С 1885 по 1913 гг. средняя урожайность в стране подня-лась в 1,7 – 2 раза, в 1908-1912 гг. она составляла 53 пуда на десятину. Это был уровень урожайности такой европейской страны, как Португалия, в то время как во Франции она со-ставляла 83, в Германии и Англии – около 130, Бельгии, Гол-ландии и Дании – 145 пудов[2]. По среднедушевому потребле-нию хлеба Россия среди великих держав опережала только Австро-Венгрию.

Но это не снижало объемов экспорта зерна на мировой рынок, который составлял 63% всего экспорта России. Без вывоза хлеба обходиться было невозможно, так как он являл-ся главным источником накопления для промышленного раз-вития. По оценке известного российского экономиста совет-

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 50.
[2] Россия накануне Первой мировой войны. – М., 2008. – С. 42.

ского времени Н.Д. Кондратьева, «избытки хлебов в России, товарность этих хлебов и развитие экспорта их базируется, в общем, на относительно низких нормах потребления широких масс населения»[1].

В нашей литературе, особенно в политической публици-стике, довольно часто эксплуатируется тезис «недоедим, но вывезем», обвиняя царское правительство в недальновидности своей политики и нежелании заботиться о нуждах своего на-рода.

Проблема недоедания в России существовала. Но она не была напрямую связана с экспортом продовольствия из Рос-сии. Во-первых, абсолютный прирост производства продо-вольствия превышал рост его экспорта. Если в 1899-1903 гг. экспорт зерна составлял 8,9% от общего оборота риса, пшени-цы, ячменя и овса, то в 1904-1908 гг. – 8,2%, а в 1909-1913 гг. – 7,6%. Во-вторых, на экспорт в основном шла пшеница, ко-торая была слишком дорогая для российской бедноты и спе-циально производимая в количествах, превосходящих спрос на внутреннем рынке. В среднем экспортировалось от 1/3 до ½ ее сбора. В-третьих, в России была нормальная рыночная экономика, и именно она, а отнюдь не правительство опреде-ляли параметры хлебного рынка и его экспорта. Как пишет петербургский исследователь Б. Миронов, «если бы в России существовал неудовлетворенный спрос на хлеб, то внутрен-ние цены были бы выше мировых, и русский хлеб не шел бы за границу, а оставался в стране, поскольку речь идет о пред-мете первой необходимости, обладающем минимальной эла-стичностью спроса. В действительности, на внешний рынок уходил лишь избыток хлеба, который не находил спроса на внутреннем рынке»[2].

[1] Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М., 1991. – С. 95.
[2] Миронов Б.Н. Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить // О причи-нах русской революции. – М., 2009. – С. 116.

Вместе с тем в неурожайные годы огромные районы страны переживали вспышки катастрофического голода, уносившего сотни тысяч человеческих жизней. Мелкие крестьянские хозяйства были слишком слабыми, слишком близка была грань, за которой хозяйство переставало кормить. Особенно если оно хирело, хозяин пил, семья болела и т.д. Голод был локальным и неизбежным, проходил обычно зимой, и массово бежать от него было невозможно. По некоторым данным, в 1901 г. от голода скончалось 2,8 млн. человек, в 1905-1908 гг. – 4 млн., в 1917 году – 1 млн. человек, даже в 1913 году – самом урожайном в дореволюционное время страна потеряла от недоедания 1,2 млн. своих граждан[1]. И это несмотря на то, что в стране существовала система продовольственной помощи, так называемый «царев пояс», который предназначался для помощи голодающим и финансировался из госбюджета.

Сельское хозяйство, в котором была занята большая часть населения страны, нуждалось в преобразованиях. Экстенсивные методы развития исчерпали себя к концу XIX века: расширять посевные площади в европейской части страны было уже невозможно из-за отсутствия свободных земель. В центральных районах страны стали уже распахивать луга и сенокосные угодья, что влекло за собой ухудшение условий для животноводства.

Надо отдать должное центральной власти страны: оно было озабочено реформированием поземельных отношений в крестьянской среде еще с 70-90-х годов XIX века. Этим были озабочены министр внутренних дел, позднее – государственных имуществ, затем председатель Комитета министров П. Валуев, министр финансов и председатель Комитета министров Н. Бунге, министр двора И. Воронцов-Дашков, министр земледелия и государственных имуществ А. Ермолов. Первые шаги в этом направлении удалось сделать министру финансов С.Ю. Витте.

[1] Никонов В. Крушение России. С. 43; Шевцов Ю. Новая идеология: голодомор. – М., 2009. – С. 34.

Под впечатлением неурожая 1901 г. и последовавшего за ним в ряде губерний голода правительство и царь ускорили решение этого вопроса. В январе 1902 г. Николай II подписал указ об учреждении двух комиссий по аграрному вопросу, возглавляемых министрами внутренних дел Д. Сипягиным и финансов С. Витте – задачей которых являлось привести в соответствие российское аграрное крестьянское законодательство с социально-экономической эволюцией деревни. Одновременно над проектами по данной проблеме работали комиссии Министерства внутренних дел и земледелия, в которых активно участвовали хорошо знающие существо дела царские сановники – В. Гурко, А. Риттих, А. Кривошеин и др.

В этих комиссиях были разработаны проекты, которые предусматривали основные элементы будущей реформы: предоставление крестьянам права выхода из общины и передачу им земли в собственность, введение свободного переселения на Урал и в другие районы, увеличение продажи крестьянам земли через Крестьянский банк. Ряд этих мер в 1903-1904 гг. были провозглашены царским Манифестом 23 февраля 1903 г., мартовским законом 1903 г. об отмене круговой поруки и законом 6 июня 1904 г. о свободе крестьянских переселений.

Таким образом, аграрная реформа в России разрабатывалась в течение ряда лет специальными комиссиями и совещаниями, а не была плодом одного человека. В литературе широко бытует утверждение, будто революция 1905-1907 гг. вырвала у самодержавия реформы. Это, как видим, совсем не так.

Но надо признать, что решительно и последовательно принялся проводить в жизнь разработанные в основе своей проекты преобразований Петр Аркадьевич Столыпин, назначенный в апреле 1906 г. министром внутренних дел, а в июле того же года – Председателем Совета министров. Уже через полтора месяца после назначения на пост премьер-министра А. Столыпин опубликовал предварительное сообщение, в ко-

тором среди намеченных реформ, помимо мероприятий по улучшению крестьянского землевладения и землепользования значились: введение всеобщего начального образования, реформа средней и высшей школы, гражданское равноправие, неприкосновенность личности, отмена волостного крестьянского суда, введение волостного земства и др.

Так начались реформы П.А. Столыпина, главное место среди которых занимала аграрная реформа.

О столыпинской реформе в литературе давно сложилось и по ныне бытует мнение о том, что реформатор преследовал двоякую цель: во-первых, разрушить общину, во-вторых, создать, тем самым, новую социальную опору самодержавию в лице сравнительно широкого слоя крестьян-собственников. Есть и несколько иная точка зрения, по которой разрушение общины рассматривается в качестве вспомогательной задачи на пути к достижению основной цели – создать экономически устойчивые хуторские и отрубные крестьянские хозяйства посредством расчистки крестьянских земель от «слабых» в пользу «сильных», и решить, таким образом, проблему первоначального накопления капитала в деревне.

Однако это было не совсем так. Разрушение общины не являлось самоцелью для реформатора. Оно было одним из средств реформы, нацеленной: а) на обеспечение подъема сельского хозяйства страны, на повышение благосостояния крестьянства как основной производительной силы; б) на расширение социальной базы власти, укрепление российской государственности.

Современные историки выделяют два этапа в столыпинском аграрном курсе, каждый из которых имел свои особенности. На начальной стадии проведения столыпинской перестройки (1907-1909 гг.) главным направлением были мероприятия, предполагающие ослабление позиций общины и укрепление крестьянами земли в частную собственность. На втором этапе (1910-1914 гг.) центр тяжести правительственной политики стал постепенно смещаться на землеустройство

не только вышедших из общины домохозяев, но и целых деревень, проводивших размежевание надельных угодий при сохранении общинности землевладения, а равно селений с подворным землепользованием[1].

Анализируя итоги столыпинских преобразований, следует отметить, что им не повезло как в практике проведения, так и в изучении их опыта и уроков современниками и последующими поколениями историков, как говорится в учебнике по новейшей отечественной истории для вузов России[2]. Разразившаяся Первая мировая война вынудила правительство резко ограничить мероприятия реформы, а порожденная войной революция и вовсе на многие десятилетия сняла с повестки дня поставленный Столыпиным вопрос об обеспечении возможности «свободному, трудолюбивому крестьянину <…> укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность».

Мы не станем в данной книге вдаваться в изложение оценок реформы, обильно представленных в нашей исторической литературе и публицистике. Интересующиеся этой проблемой могут сделать это самостоятельно, опираясь на материалы подворных обследований, проводимых современниками реформы. Приведем данные о реальной картине перемен к началу войны. По материалам обследований выявилась следующая картина. Во-первых, абсолютное большинство хозяйств в результате столыпинского землеустройства добилось качественного улучшения землепользования. Во-вторых, и это особенно показательно, даже за небольшой срок деятельности в новых условиях хозяйства хуторян и отрубников смогли существенно превзойти показатели, которые характеризовали уровень их материального благосостояния агрикультуры до землеустройства.

Урожайность хлебов за 1912-1913 гг. в землеустроенных хозяйствах по всем видам культур оказалась выше, чем в сельских обществах, сохранивших традиционное чересполосное владе-

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 55.
[2] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 60.

ние, и нередко превзошло частновладельческое. Даже обследования более позднего советского времени также зафиксировали, что хозяйства столыпинских поселенцев отличались от хозяйств общинников большей эффективностью и устойчивостью.

В свете этих данных не выдерживает критики бытующий в современной отечественной литературе вывод о том, что народнохозяйственный эффект у реформы был небольшой и что сумбур и неразбериха, внесенные ею в жизнь общины, мешали распространению многополья на крестьянские земли. Статистические данные свидетельствуют, что реформа не только не тормозила процесс замены традиционного трехполья многопольными севооборотами, но придала ему мощный импульс. Темпы роста площадей под кормовыми травами в Европейской России в 1912-1916 гг. увеличились почти в 5 раз.

Столыпинская реформа неожиданно даже для самих реформаторов благотворно воздействовала на кооперирование крестьянских хозяйств. Реформа подтолкнула развитие товарного рынка внутри страны и способствовала вовлечению сельского хозяйства в мировые рыночные связи. Это во времени совпало с периодом невиданно быстрых темпов становления кооперативной сети в России в целом и в ее деревне в особенности.

Примечательно и то, что в годы столыпинской аграрной реформы в России формируется государственно-кооперативная система сельскохозяйственного кредита, обеспечившая в канун войны такой высокий уровень инвестиций в аграрную сферу экономики, который в дальнейшем уже никогда не был превзойден.

Интегральным выражением прогресса, имевшего место в аграрной экономике страны в годы реформы, служат показатели внутреннего сельхозоборота, который увеличился в 1911-1913 гг. по сравнению с дореформенным трехлетием на 40%. А объем перевозок молочной продукции за период с 1907 по 1913 гг. вырос с 13,4 до 27,2 тысяч пудов, то есть в 2 раза. Экспорт сельхозпродукции рос: зерновых и муки на 33%, продуктов интенсивного земледелия (картофель, сахар, свекла, табак, льняное волокно) – на 82%, а продуктов животноводства – на 141%.

Успехи реформирования аграрной сферы России сыграли определенную роль в ускорении развязывания Германией войны против России. Один из соратников П.А. Столыпина Д. Любимов рассказал в своих воспоминаниях о характерном эпизоде, связанном с деятельностью германской правительственной комиссии О. Аухагена по изучению хода реформы в России. По словам мемуариста, комиссия была поражена успехами преобразований в нашей стране. «Объехав землеустроительные работы в целом ряде губерний, германская комиссия представила своему правительству отчет. «Нам удалось узнать его содержание, - сообщает Д. Любимов. – В нем говорилось, что если землеустроительная реформа будет проводиться при ненарушении порядка в империи еще 10 лет, то Россия превратится во всесильную страну в Европе».

Достоверность этой информации позже подтвердил и участник комиссии, профессор М. Зерин. Главный вывод отчета гласил, что «по завершении земельной реформы война с Россией будет не под силу никакой другой державе».

«Отчетом комиссии, по имеющемся от русского посла в Берлине сведениям, - заключал свой рассказ Д. Любимов, - сильно обеспокоилось германское правительство и особенно император». И было от чего обеспокоиться и последнему германскому кайзеру, и его правительству. Позднее об этом писал другой наш соотечественник В. Шульгин. Он отмечал, что «правители Германии не захотели ждать, когда завершится в России реформа, начатая Столыпиным. Они напали на Россию через год, - справедливо подчеркивал Шульгин, - после ученой разведки». «Работа комиссии Аухагена в самом деле сыграла, и довольно успешно, роль разведки перед тем, как Германия объявит войну, которая не только затормозит реформирование России, но и изменит ее дальнейшую историю»[1].

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 66.

Российское общество накануне войны

В начале XX века в России сохранилось сословное деление общества. Всего сословий было четыре: дворяне, которых с семьями насчитывалось 1 млн. 800 тыс. (1,5% населения, в том числе потомственного не более 1%), священнослужители различных конфессий – 600 тыс. (0,5%), почетные граждане и купцы первой и второй гильдий – 620 тыс. (0,5%). Самым большим по численности являлось сословие крестьян – 97 млн. (77%) и мещан – 13,4 млн. (10,6%). Один процент приходился на армию и 0,2 – на разночинцев. Инородцев в империи насчитывалось 8,3 млн. (6,6%), казаков – 2,9 млн. (2,3%), иностранных подданных – 600 тыс. (0,5%).

Существование сословий с различными, порой непересекающимися и даже враждебными субкультурами, с имущественным неравенством друг с другом и внутри себя очень затрудняло не только формирование среднего класса, но и складывание единой гражданской нации, тем более в многонациональной стране.

Успехи капиталистического развития страны привели к тому, что реальное положение многих людей разных сословных категорий не соответствовало их сословной принадлежности. Так, например, по переписи 1897 года в городах проживало 7 млн. крестьян, которые полностью порвали с сельским хозяйством или были связаны с ним сезонно. Возник рабочий класс, пополнявшийся в основном выходцами из крестьянского и мещанского сословий. Среди мещан, крестьян, инородцев и казаков сформировались группы бедных, средних и богатых по имущественному уровню людей. Об уровне неравенства в Российской империи существует несколько преувеличенное представление. По подсчетам историка Б.Миронова, в 1901-1904 гг. доходы 10% наиболее обеспеченных людей превышали доходы 10% самых бедных в 5,8 раза.

В тогдашней Америке этот коэффициент составлял 16-18 раз[1], а в современной России он давно уже зашкаливает за 20.

Отдавая должное различиям между сословиями, не следует игнорировать стратификацию социальных групп по классовому принципу. Накануне Октября 1917 года социальная структура населения включала в себя следующие группы: крестьянство и ремесленники – 66,7%, буржуазия и помещики – 16,3% (в том числе купечество – 11,4%), рабочие – 14,8% и интеллигенция – 2,2%. В число рабочих исследователи включают 3,5% деревенских батраков, что совпадало с долей наемных сельскохозяйственных работников, зарегистрированных всероссийской переписью 1897 года.

Жители городов все еще тонули в море деревенских жителей. В России в 1900 году в крупных городах проживало 4,8% населения, а в Англии, например, - 33%. Перед Первой мировой войной процент городского населения составлял в Европейской России 14,4%, в польских владениях Российской империи – 24,7%, в Сибири – 11,9%, тогда как в Англии – 78%, Германии – 56%, США – 41,5%, Франции – 41,2%. При этом надо иметь в виду, что из числа «горожан» России более трети составляли временно пришедшие на заработки крестьяне. С начала XX века и до войны городское население увеличилось на 10 млн. человек, из которых более миллиона пополнили население Санкт-Петербурга, 700 тысяч – Москвы. В 81 губернии и 20 областях Российской империи насчитывался 931 город.

Санкт-Петербург, столица империи, был первоклассным европейским городом и полноценной витриной промышленной революции. Но Петербург был исключением, и даже он все больше терял свою столичную исключительность под напливом приезжих. Как пишет современный российский историк А.Н. Сахаров, «не успев сформироваться в качестве полноценных центров городской цивилизации со всеми ее плю-

[1] Никонов В. Крушение России 1917. – С. 45.

сами и минусами, российские города были размыты потоком сельского населения»[1]. Все большее число городских жителей становилось носителями деревенских культурных традиций, менталитета, образа жизни. Городская культура начала XX века бурно развивалась, несла на себе неповторимый колорит, связанный с массовым присутствием недавних крестьян[2].

Но в российских городах было немало своих проблем. Качество жилья, благоустройство населенных пунктов, уровень комфорта и потребления, организация здравоохранения не отвечали тем стандартам, которые сформировались в Европе. Из 1230 городов и населенных пунктов уездного масштаба с числом жителей не менее 10 тысяч человек, 1068 имели какое-то освещение, из них лишь 162 – электрическое, а подавляющее большинство – керосиновое, водопровод был в 219, а канализация наблюдалась лишь в 65[3]. Антисанитария была настоящим бичом страны.

Рост городов повлек за собой увеличение государственных затрат на просвещение и здравоохранение. За 1885-1913 гг. расходы правительства и местных властей на эти цели возросли с 54 до 410 млн. рублей, их доля достигла 1,8-2% от валового внутреннего продукта. Но это в полтора раза уступало уровню затрат более развитых стран.

Врачебно-санитарное дело и забота о борьбе с эпидемиями в России были возложены на Министерство внутренних дел. В губерниях и областях функционировало около 4 тысяч врачебных участков, в каждом из которых были больница или приемный покой с бесплатным обслуживанием. Учреждения здравоохранения лучше работали там, где они находились под опекой земств. В 1913 году во всех больницах гражданского ведомства имелось 228 тысяч коек, что соответствовало приблизительно 16 единицам на 100 тысяч жителей. Это вдвое

[1] Сахаров А.Н. Народ. Правители. Цивилизация. – М., 2004. – С. 305.
[2] Никонов В. Крушение России 1917. – С. 45-47.
[3] Статистический ежегодник России, 1914. Пг. 1915. Отд. V. – С. 4-5.

превысило уровень 1881 года, но в несколько раз уступало показателям западных стран или более поздним советским. 80% больных тифом в 1913 году оставались без стационарного лечения. Вакцинация использовалась только для борьбы с оспой, в 1910 году были привиты 7840 новорожденных.

Смертность от заразных болезней составляла 529 случаев на 100 тысяч населения в год. В Западной Европе она никогда не превышала 100 случаев. И это без чумы и холеры, которые стали частым явлением в городах из-за попадания в водопровод сточных вод[1].

К концу 1914 года в стране насчитывалось 123,7 тысяч начальных учебных заведений, из них более 80 тысяч принадлежали Министерству народного просвещения. Наиболее распространенным их типом были сельские училища с трех или пятилетним сроком обучения, финансируемыми земствами, сельскими общинами и частными лицами. Священный Синод РПЦ курировал около 40 тысяч церковно-приходских школ со сроком обучения 3 или 4 года. Школы посещали 30% детей в возрасте от 8 до 11 лет, в городах – почти 50%. Грамотность населения росла повсеместно. К 1913 году читать и писать умели около половины горожан и до четверти крестьян. Следует заметить, что в западных регионах – особенно Польше и Финляндии – грамотность среди мужчин была выше. В Петербурге более 80% рабочих – мужчин – были грамотными. В периферийных же регионах – Средней Азии, Закавказье, Бессарабии – уровень грамотности не превышал 4%.

Центральное место в системе среднего образования занимали гимназии – мужские и женские. Их выпускники имели преимущественное право поступления в университеты. Государство уделяло все больше внимания специальному и техническому образованию, быстро развивалась сеть реальных училищ, технологических и военно-технических институтов, готовивших кадры для промышленности и армии.

[1] Россия накануне Первой мировой войны. М., 2008. – С. 312-313.

Общее количество высших учебных заведений достига 63, среди них было 10 университетов (в Германии – 32). В они по мировым меркам были первоклассными. Насчитыв лось 15 инженерных вузов, военных и военно-морских – богословских и земледельческих – по 6, юридических – 4, ме дицинских – 2. Общее количество профессоров и преподава телей составляло около 4,5 тысяч человек. В вузах обучало 70 тысяч студентов[1]. Гимназии, университеты и другие вуз были всесословными. Получив образование, можно было дос таточно высоко подняться по бюрократической лестнице.

Настоящий бум переживало издательское дело. В 1913 г ду было издано 34 тысяч наименований книг общим тираже почти 120 млн. экземпляров. (Для сравнения, в 2012 году Российской Федерации было издано около 520 млн. экземпля ров). Выходило 2167 газет и журналов на русском языке, 30 – на польском, 60 – на иврите и идише, а также на немецком латышском, эстонском, татарском[2].

Долгое время в нашей литературе отмечалось, что в доре волюционной России отсутствовало или очень слабо был развито гражданское общество, а потому общественная ак тивность, не находившая себе применения, выливалась борьбу с режимом. Однако все больше историков сейчас при ходят к выводам прямо противоположным. И для этого име ются веские аргументы. Еще в период реформ Александра I были заложены основы самоуправления, вначале проявивши себя в земских учреждениях. Однако ими оно не ограничива лось. Культура печатного слова, пресса, образование, урбани зация – все это привело к тому, что к началу XX века по все России уже существовали тысячи добровольных ассоциаций Это были научные общества, студенческие союзы, сельскохо зяйственные объединения, национальные землячества, спор

[1] Рашин Я.П. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). Статистическ очерки. – М., 1956. – С. 293, 295.
[2] Никонов В. Крушение России 1917. – С. 48-49.

тивные клубы, вольные пожарные команды, общества любителей животных и т.д. Многие из них пользовались огромным авторитетом. Таким было, например, Русское техническое общество, занимавшееся содействием развитию отечественных научных разработок, распространением практических знаний и улучшением инженерного образования. Комитет грамотности создал сетевую горизонтальную структуру по всей стране. Он состоял из учителей и образованных крестьян и оказывал консультативную помощь системе начального образования. В стране активно действовали общества трезвости.

Широко была распространена благотворительность, соединившая православную идею милосердия с европейской идеей общественного служения. Уже в начале XX века насчитывалось 4,7 тысяч обществ для оказания помощи бедным и 6,3 тысяч странноприемных заведений. Благотворительные общества были созданы при большинстве больниц и учебных заведений. В столице были хорошо известны общества столовых, чайных и домов трудолюбия, Общество попечения о бедных и больных детях «Синий крест», общество для пособия бедным женщинам. Лишь четверть бюджета системы общественного призрения шла из государственной казны, из земель и городов, а остальное покрывалось добровольными пожертвованиями. В сфере гражданской активности существенно проявили себя женщины, составившие костяк сети благотворительных, педагогических и культурных ассоциаций. В добровольные общества было вовлечено около 50% совершеннолетнего мужского населения городов и чуть меньше женского.

Оценивая развитие социума Российской империи в начале XX века, современный российский историк Вячеслав Никонов пишет: «Следует подчеркнуть, что в социальной структуре России мы пока не обнаружили ничего, что объективно толкало бы страну к разрушению. Более того, страна существовала как единый живой организм. Россия, русский мир были уни-

кальной, неповторимой, самобытной цивилизацией»[1]. Автор согласен с оценкой известного публициста Валериана Муравьева, который в сборнике «Из глубины» написал в 191 году: «Святая Русь не легенда и не метафора. Она и в самом деле была. Не в том сладко-сказочном облике, какой рисуют художники и поэты, но в виде живого целого, полного своеобразной красоты, звуков и образов, и, во всяком случае, великой жизненности»[2]. И это живое целое неплохо развивалось. Питирим Сорокин подведет некоторый итог в 1922 году: «Начиная с 90-х годов XIX века, мы развивались во всех отношениях – и в материальном, и в духовном – с такой быстротой, что наш темп развития опережал даже темп эволюции Германии. Росло экономическое благосостояние населения, сельское хозяйство, промышленность и торговля, финансы государства находились в блестящем состоянии, росла автономия, право и самостоятельность народа, могучим темпом развивалась кооперация, уходили в прошлое абсолютизм, деспотизм и остатки феодализма. Исчезала безграмотность, народное просвещение поднималось быстро, процветала наука, полной жизнью развивалось искусство, творчество духовных ценностей было громадным (in extenso) и глубоким по интенсивности»[3].

Вся политика русского императора Николая II, особенно после Русско-японской войны, была направлена на сохранение мира. В беседе с русским послом в Болгарии Неклюдовым Николай II сказал: «А теперь, Неклюдов, слушайте меня внимательно. Ни на одну минуту не забывайте тот факт, что мы не можем воевать. Я не хочу войны. Я сделал своим непреложным правилом все, чтобы сохранить моему народу все преимущества мирной жизни. В этот исторический момент необходимо избегать всего, что может привести к войне. Нет

[1] Никонов В. Крушение России 1917. – С. 50.
[2] Муравьев В. Рев племени // Из глубины. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1990. – С. 188.
[3] Цит. по: Никонов В. Крушение России 1917. – С. 51.

никаких сомнений в том, что мы не можем ввязываться в войну, по крайней мере, в течение ближайших пяти-шести лет – до 1917 года. Хотя если жизненные интересы и честь России будут поставлены на карту, мы сможем, если это будет абсолютно необходимо, принять вызов, но не ранее 1915 года. Но помните – ни на одну минуту раньше, каковы бы ни были обстоятельства или причины и в каковом положении мы бы ни находились»[1].

[1] Цит. по: Мэкси Роберт К. Николай и Александра. – М., 1992. – С. 255.

Глава III. НАШИ ПРОТИВНИКИ И СОЮЗНИКИ. ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Русские противники

В начале XX века облик и дух Германии определялись тремя составляющими: идеологией пангерманизма, культом кайзера и культом армии. Пангерманизм «логически» завершал западноевропейские колониальные теории. Европейские элиты признавали превосходство «белых людей» над «дикарями». А среди «белых людей» кто-то должен занимать первое место. Логика немецкой элиты была проста: поскольку германская нация смогла легко одолеть всех своих противников, в короткий срок добиться блестящих успехов в экономике, значит, она превосходит остальных. Она самая умная, самая деловая, самая развитая, и ей по праву должно принадлежать господство во всем мире.

Немцы строили планы «Великой Германии» или «Срединной Европы», в которую должны были войти Австро-Венгрия, Балканы, Малая Азия, Прибалтика, Скандинавия, Бельгия, Голландия, часть Франции. Все это соединялось с колониями, которые предстояло отобрать у англичан, французов, бельгийцев и португальцев. Со временем предусматривалось создание обширных владений в Китае, распространение влияния на Южную Америку.

Идеологи пангерманизма лихорадочно публиковали книги. «Наследство Бисмарка» профессора Г. Дельбрюка, «Война и германская политика» Т. фон Бернгарди, «Немецкая идея в мире» П. Рорбаха. Следует отметить, что в кайзеровской милитаризованной Германии подобного рода пропаганда могла быть только официальной. И авторы книг были людьми официальными: Рорбах и Бернгарди являлись, например, действующими генералами.

Книга начальника военно-исторического отдела генштаба Бернгарди вышла в 1911 г. и стала настоящим бестселлером,

переиздавалась огромными тиражами. Автор писал: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно закона борьбы за существование. Нации должны прогрессировать или загнивать. Германия… стоит во главе всего культурного прогресса». Отсюда следовал логический вывод: надо не избегать войны, а стремиться к ней. «Мы должны сражаться за то, чего мы сейчас хотим достигнуть», «завоевание, таким образом, становится законом необходимости». Вот они, идейные истоки германского нацизма, которые позднее будут развивать Гитлер и его подручные.

Ученый генерал Бернгарди четко указывал и на тех, с кем предстоит сражаться великой Германии: «с Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, которая уничтожила бы навсегда роль Франции как великой державы и привела бы ее к окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом. Нынешние русские балтийские провинции были прежде процветающими очагами германской культуры. Германские элементы в Австрии, нашей союзнице, находятся под жесткой угрозой славян… Только слабые меры предпринимаются, чтобы остановить этот поток славянства. Но остановить его требуют не только «обязательства перед нашими предками, но и интересы нашего самосохранения, интересы европейской цивилизации». Автор призывал не ограничивать «германскую свободу действий предрассудками международного права». «На нас лежит обязанность, действуя наступательно, нанести первый удар». «Если мы, - писал он, – желаем приобрести то положение, которое соответствует мощи нашего народа, то обязаны отказаться от всяких мирных стремлений, рассчитывать только на силу нашего оружия и смело смотреть опасности в глаза». Цель войны, по его утверждению, заключалась в том, чтобы, «пустив в ход военную силу, создать народу и государству дальнейшие условия существо-

вания и обеспечить им здоровое развитие»[1]. Бернгарди мечтал о том, чтобы добиться господства в Европе и «на этой основе построить наше действительное мировое могущество с приобретением соответствующих колониальных владений».

Еще один идеолог пангерманизма Гибихенфельд утверждал: «Без войны не может существовать общественная закономерность и какое-либо сильное государство». Руководитель «пангерманского союза» генерал-лейтенант Врохем провозглашал: «Нации, которая быстрее развивается и мчится вперед, подобно нации немцев, нужны новые территории, и если их невозможно приобрести мирным путем, остается лишь один выход - война». По всей Германии в начале XX века действовали соответствующие «общественные организации»: «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны». И все они пропагандировали острую необходимость борьбы немцев за расширение своего жизненного пространства, исключительность германской нации.

По распоряжению кайзера и министра образования создавались студенческие, юношеские, детские военизированные организации: «Вандерфогель», «Югендвер», «Юнгдойчландбунд». В своих изданиях эти общества внушали детям: «Война прекрасна… Мы должны встречать ее мужественно, это прекрасно и замечательно – жить среди героев… Чем умереть на пустой постели безвестным». В германских магазинах большим спросом пользовались фотографии кронпринца с его изречением: «Только полагаясь на меч, мы можем добиться места под солнцем. Место, принадлежащее нам по праву, но добровольно нам не уступленного». Повторялось высказывание Мольтке: «Вечный мир – некрасивая мечта». Открыто провозглашалось, что на немцах лежит «историческая миссия

[1] Бернгарди Ф. Современная война. Перевод с немецкого. Т. 1. СПб., 1912. – С. 5,8.

обновления дряхлой Европы» и утверждалось «превосходство высшей расы» – германской.

Как видим из вышеприведенного, уже тогда, в начале XX века, Франция для немцев представлялась «умирающей», а уж славяне – всего лишь «этническим материалом». Действующий в тот момент начальник генерального штаба Мольтке писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более ввести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством. Под правлением кнута Европа обратилась бы вспять, в состояние духовного варварства. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий». «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами». «Мы должны отбросить все банальности агрессора, только успех оправдает войну»[1].

Легко увидеть из вышеприведенного, что славянофобия и русофобия были важнейшими элементами идеологии пангерманизма. Сам кайзер открыто заявлял: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Но я не могу не ненавидеть их». В 1912 году он написал: «Глава вторая Великого переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значение этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания расы». Еще один идеолог пангерманизма В. Хен утверждал, что «русские – это китайцы Запада», их души пропитал «великий деспотизм», у них «нет ни чести, ни совести, они

[1] Цит. по: Шамбаров В. Великие войны России. С. 36; он же: Последняя битва императоров. – С. 36.

неблагодарны и любят лишь того, кого боятся… Они не в состоянии сложить дважды два… Ни один русский не может даже стать паровозным машинистом… Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы. У них нет традиций, корней, культуры, на которую они могли бы опереться. Все, что у них есть, вывезено из-за границы». Поэтому «без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов».

О том, как надо поступать с этим «этническим материалом», пользовалась большой популярностью идея Бернгарди: «Мы организуем великое насильственное выселение этих низших народов». А Рорбах в своей книге «Война и политика» рассуждал: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности, ибо русская политика в течение продолжительного времени служит угрозой миру и существованию двух центральных европейских держав – Германии и Австро-Венгрии».

Миролюбие русского царя Николая II на Вильгельма действовало весьма своеобразно. Готовность идти на уступки воспринималась кайзером как доказательство слабости и трусости, Германия все больше закусывала удила и, грубо говоря, наглела. Конечно, не все немцы были пангерманистами. В стране были очень сильны позиции социалистов, которые занимали третью часть парламента. Но ведь и Маркс с Энгельсом, на которых до сих пор чуть ли не молятся наши некоторые коммунисты, были ярыми русофобами. Главным препятствием для победы социализма в Европе они считали «реакционную» Россию и учили, что любая война против нее заслуживает безусловной поддержки. Их последователи, лидеры германской социал-демократии А. Бебель и В. Либкнехт, тоже выступали за то, чтобы «встать на защиту европейской цивилизации от ее разложения примитивной Россией», «опередившей всех в терроре и варварстве».

В Германии начала XX века стремление к войне стало, в полном смысле слова, общенародным. Эти настроения лучше всего соответствовали натуре кайзера с его комплексами, жаждой славы и склонностью к эффектам. Юридически он был монархом конституционным, но фактически никто не смел ему перечить. В парламенте левые и правые могли как угодно грызться между собой, но стоило высказать мнение кайзера, и вопрос решался почти единогласно. Вильгельм II заявлял: «Немецкую политику делаю я сам, и моя страна должна следовать за мной, куда бы я ни шел». О своих способностях он имел чрезвычайно высокое мнение и был крайне тщеславным. Генерал Вальдерзее писал по этому поводу: «Он буквально гонится за овациями, и ничто не доставляет ему такого удовольствия, как «ура» ревущей толпы».

Культ кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Его портреты во множестве были развешаны не только в общественных местах, но и в каждой «приличной» немецкой семье. Он изображался в статуях, о нем слагались стихи и песни. Художники, поэты, музыканты соревновались в самой низкопробной лести. Известный ученый Дейсен провозглашал, что кайзер поведет нас от Гете к Гомеру и Софоклу, от Канта к Платону». Историк Лампрехт утверждал, что Вильгельм – это «глубокая и самобытная индивидуальность с могучей волей и решающим влиянием, перед которым… раскрывается все обилие ощущений и переживаний художника». А выдающийся физик Слаби выводил доказательства, что не было случая, когда бы кайзер ошибался.

Между прочим, Вильгельм согласился с выводами Слаби и глубокомысленно резюмировал: «Да, это правда. Моим подданным вообще следовало бы попросту делать то, что им говорю я; но они желают думать самостоятельно и от этого происходят все затруднения». Перед войной в Германии вышла книга «Кайзер и молодежь. Значение речей кайзера для немецкого юношества». В предисловии к книге указывалось, что Вильгельм – «источник нашей мудрости, имеющий облагора-

живающее влияние…»[1]. Это ведь очень напоминает другого лидера Германии, того самого, который ввергнет ее в следующую мировую войну. Эти совпадения не случайны. Ведь нацизм впоследствии рождался на базе вот этого самого пан-германизма, перенял основные его положения. А Гитлер достиг чрезвычайной популярности именно тем, что повторял приемы кайзера, но более умело и целенаправленно.

Высочайшим был в Германии культ армии. Военные обладали очень высоким статусом. Сталелитейные магнаты, фирмы Тиссена, Круппа, Сименса вкладывали огромные средства в пропаганду вооруженных сил. Школьники и студенты оценивали сами себя главным образом с точки зрения способности стать военными. Никому не позволялось вмешиваться в дела армии, ее представители были неподсудны для гражданских властей. Все ключевые решения принимал сам кайзер, и начальник генерального штаба имел к нему доступ в любой час дня и ночи. Но и армию кайзер считал необходимым воспитывать по-своему.

Еще в период франко-прусской войны немцы отличились чрезмерной жестокостью: жгли мирные деревни, казнили заложников. Эти качества культивировались у военных и в последующие годы. В речи перед новобранцами Вильгельм напутствовал: «Может случиться так, что я отдам приказ стрелять в своих родственников, братьев, знакомых, и даже тогда вы должны выполнять мои приказы безропотно». Когда случилась забастовка трамвайщиков, кайзер обратился к солдатам: «Я рассчитываю, что из-за вмешательства войск будет убито не менее 500 человек». В 1900 г., отправляя экспедиционный корпус в Китай, он приказывал: «Пощады не давать, пленных не брать. Тот, кто попадет к вам в руки, в вашей власти». Именно так германские военные приучались действовать. В 1904-1907 гг. произошло восстание племен гереро в Юго-Западной Африке. Германские войска генерала фон

[1] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 37-38.

Тротто «усмирили» их так, что из 200 тысяч человек этого народа гереро в живых осталось около 15 тысяч, да и тех загнали в пустыни Намибии. Нацизма еще не было, а бесчеловечное истребление людей германской военщиной уже широко практиковалось.

Военные приготовления Германии велись по двум направлениям, которые плохо согласовывались между собой. Армия готовилась к войне с Францией и Россией – для этого желателен был нейтралитет Англии. А немецкий флот наращивался для борьбы с Британией. Ряд военных деятелей во главе с адмиралом Тирпицем отстаивали иной вариант: для достижения мирового господства, считали они, надо заключить союз с Россией и Японией и сражаться с Британией. Но они были в явном меньшинстве. Кайзер и правительство во главе с Бетманом-Гольвегом, армейское командование, промышленники, общественное мнение нацеливались против России и Франции. Надеялись при этом, что Англия не станет вмешиваться в войну, а флот потребуется для того, чтобы заставить ее сохранить нейтралитет и после победы захватить французские колонии.

Против России и Франции воевать в одиночку Германия не могла, нужны были союзники. И главным среди союзников являлась империя Габсбургов. В Австрии после утраты ее влияния на Германию и Италию были проведены реформы. Чтобы предотвратить дальнейший распад империи, сделали уступку венгров и преобразовали страну в «дуалистическую» Австро-Венгрию, с двумя правительствами, с двумя парламентами и одним императором. К 1914 г. трон занимал 77-летний Франц-Иосиф.

Австро-Венгрия считала зоной своих «жизненных интересов» Балканы. Но империю лихорадили серьезнейшие внутренние проблемы. Кроме двух «главных» наций, немцев и венгров, империю населяли сербы, хорваты, боснийцы, словенцы, румыны, чехи, словаки, поляки, итальянцы, галицийские русины. Они считались «второсортными» народами и

потому среди них зрело недовольство. Решение проблем предлагал наследник престола принц Франц-Фердинанд – он хотел преобразовать Австро-Венгрию в «триалистическую» Австро-Венгро-Славию. Однако немцы и венгры категорически противились тому, чтобы славян уравняли в правах с ними.

А главной головной болью для австрийцев считалась Сербия. Боялись даже не ее враждебных или подрывных акций. Боялись, что само по себе усиление Сербии подает «плохой» пример славянам, входящим в империю Габсбургов, что они выйдут из-под контроля и держава распадется на отдельные части. Поэтому в Вене – столице Австрии – приходили к выводу, что Сербию надо разгромить при первом же удобном случае. Австро-Венгрия хотела лишь короткой и локальной войны, опасаясь, что большая война может привести ее к распаду. Для Германии же локальная война была нужна для того, чтобы разжечь войну глобальную. Германия убеждала Австро-Венгрию в том, что в союзе они будут непобедимы. А продвижение на Балканы Берлин всячески поощрял, рассчитывая через австрийцев подмять этот регион под собственное влияние и соединиться с Турцией.

В планах пангерманизма очень важное место занимала Османская империя или Великая Порта. Немцы были заинтересованы в экономической экспансии в этот регион. Они уже успели вытеснить из Турции англичан и французов. Сюда внедрились немецкие банки, фирмы, множились немецкие школы, миссионерские общества, продолжалось строительство Багдадской железной дороги. В 1913 г. в Берлине было создано особое делопроизводство по закреплению влияния в Османской империи, руководителем его стал кронпринц Вильгельм.

Лидеры турецкого политического движения «Иттихада» считали, что покровительство Германии требуется Турции только для собственного усиления, а потом от немцев можно будет избавиться. Младотурки насаждали идеологию пантюр-

кизма и панисламизма. Пантюркизм провозглашал превосходство «тюркской расы» над остальными. Правда, чистых турок среди руководителей «Иттихада» было очень мало. В большинстве это были выходцы из Салоник, «отуреченные» греки, евреи, славяне, эмигранты с российского Кавказа. Младотурок трудно было даже назвать и правоверными мусульманами, они жили по-европейски, сплошь и рядом нарушали исламские законы. Панисламизм служил для них политическим инструментом. Доказывалось, что первенство в мире должно принадлежать мусульманам, а внутри исламского общества – «тюркской расе».

Своей главной целью младотурки считали создание Великого Турана. В него включалось все российское Поволжье, Венгрия, Финляндия, даже Япония и Тайвань. Один из руководителей младотурок Текин Альп в книге «Туран» выдвигал программу-минимум и программу-максимум. Минимум включал Стамбул до Байкала и Казани, а максимум, на втором этапе, - от Ледовитого океана и Скандинавии до Японского моря. Все это предстояло завоевать огнем и мечом: провозглашалась эра «новой чингизиады». Правда, в правительстве осознавали, что для «чингизиады» их страна слабовата, и начало глобальной войны по созданию «Великого Турана» планировалось приблизительно в 1925 г. Но ждать было слишком долго, а в союзе с немцами можно было действовать уже сейчас.

Тот же Текин Альп писал: «Если русский деспотизм… будет уничтожен храбрыми армиями Германии, Австро-Венгрии, Турции, тогда от 30 до 40 млн. тюрок получат независимость. Вместе с 10 млн. османских турок они образуют нацию…, которая так продвинется вперед к великой цивилизации, что, вероятно, сможет сравняться с германской цивилизацией… Она достигнет превосходства над вырождающейся французской и английской цивилизацией. Программа одного из пантюркистского общества восторженно взывала: «Железный кулак турка вновь опустится на планету, и весь мир будет

дрожать перед ним». Солдат воспитывали в духе мести «неверным», грядущей «чингизиады». Наставляли: «Каждый солдат должен вернуться к дням варварства, жаждать крови, быть безжалостным, убивать детей, женщин, стариков и больных, пренебрегать имуществом, честью, жизнью других».

В Берлине о проектах иттихадистов, конечно же, знали, но они немцев вполне устраивали. Кайзер считал себя «покровителем мусульман». Колоссальные людские ресурсы исламского мира он намеревался использовать в интересах Германии. Панславизм ему вполне подходил. Конечно, фантастические идеи дойти до Желтого моря и Ледовитого океана в Берлине всерьез не воспринимали, но отделить от России Кавказ считали вполне реальным. Расчет был простым: пусть власть здесь перейдет Турции, а эксплуатировать эти регионы будет Германия. Самые горячие головы претендовали на большее. Они полагали, что надо захватить «мост» на Кавказ – Украину. Дескать, через нее будет ближе, чем через Турцию. Другие идеологи, соглашаясь с идеей захвата Украины, указывали на необходимость «очистить» от русских Польшу, Прибалтику, Крым и район Саратова, где проживают «этнические немцы».

Более трезвые германские политики все же учитывали силы России и запросы относительно Украины оставляли «про запас», не для ближайшей войны, а для следующей. Сама же необходимость войны сомнений не вызывала. Русская военная разведка доносила из Германии и Швейцарии в 1912-1913 гг., что война начнется в 1914 г. Германские военные расходы с 1909 по 1914 гг. возросли на 33% и составляли 2 млрд. марок в год. В 1911-1912 гг. были приняты законы о чрезвычайном военном налоге, увеличении армии и программа модернизации вооружений. Последняя была рассчитана на 5 лет, до 1916 г. Но вскоре немцы постановили, что программа должна быть выполнена раньше – к весне 1914 года. Эта корректива была внесена после доклада немецкой научной разведки профессора Хаугагена, изучившей итоги столыпинских реформ в России, о чем мы писали выше.

К войне готовились и германские спецслужбы. Одним из их руководителей был крупнейший немецкий банкир Макс Варбург. Он курировал деятельность «Коммиферейна» - профессионального объединения немецких приказчиков и коммивояжеров в разных странах. Для них специалистами военного министерства была разработана форма отчетов, которые они обязаны были регулярно представлять в правление союза. Эти отчеты превратились в полноценные разведывательные донесения. Циркулярами генштаба от 7 апреля 1908 г. и от 22 июня 1913 г. в представительства немецких фирм в России были направлены профессиональные разведчики. Заранее создавались каналы будущего финансирования подрывной деятельности. Для этого в 1912 году под эгидой Варбурга в Стокгольме был образован «Ниа-банк» Олафа Ашберга. Генерал Горбах предпринял путешествие по России, исследуя различные районы на предмет сепаратистских настроений в них. Была создана «Лига инородческих народов России» во главе с бароном Экскюлем. А общее руководство подрывной деятельностью было возложено на статс-секретаря германского министерства иностранных дел Циммермана.

В 1911-1914 гг. турецкие эмиссары наводнили Кавказ и Среднюю Азию. Они действовали под видом купцов, паломников, путешественников. Искали связь с антирусскими силами, вели пропаганду, организовывали центры подрывной деятельности. Во многих городах на юге России появились панславистские газеты, прокламации, турецкие офицеры под чужими именами. Наша контрразведка тоже не дремала и внимательно следила за всеми этими действиями вражеских агентов и центров.

Принятие Россией своей военной программы в марте 1914 г. подхлестнуло ее врагов. Мольтке писал: «После 1917 г. мощь России окажется неодолимой, она будет «доминирующей в Европе», и «он не знает, что с ней делать». В мае 1914 г. в Карлсбаде состоялось совещание генштабов Германии и Австро-Венгрии. Здесь были окончательно согласованы планы, а

относительно сроков войны начальник германского генштаба Мольтке австрийскому коллеге Конраду заявил: «всякое промедление ослабляет шансы на успех союзников». Началась и психологическая подготовка. Еще не прогремели выстрелы, а германские газеты писали о предстоящей «расовой битве». Приехавший в мае 1914 г. на курорт в Киссинген генерал А.А. Брусилов был поражен городским праздником в этом городе: на площади построили большой макет московского Кремля и подожгли его под радостные крики народа[1]. Для генерала стало ясно, что война неизбежна и вспыхнет в ближайшее время.

Союзники России

В начале XX века союзница России Франция считалась центром мировой культуры и финансов. Однако собственную промышленность развивала она слабо. Если германские банки действовали по указанию правительства и вкладывали деньги, в основном, у себя на родине, то у французов они пользовались полной свободой, ссужали кому угодно. В результате около 60% французских капиталов вкладывались за границей, в том числе и в Германии, ибо там почти вдвое выше был процент прибыли. А то, что французские финансисты помогали вооружать своих будущих врагов, это никого не смущало во Франции.

Как пишет В. Шамбаров, «страна была богатой и легкомысленной»[2]. Взбучку, полученную от немцев, хорошо помнили и войны опасались. Но хотели и расквитаться, утрату Эльзаса и Лотарингии называли «национальным позором». Союз с Россией вселял уверенность, что теперь-то победа обеспечена, надо всего лишь «привести в движение русского гиганта». Тем не менее политика Парижа была неустойчивой. Демократия захлестнула страну: с 1912 по 1914 гг. сменилось

[1] Шамбаров В. Последняя битва императоров. М., 2014. – С. 45.
[2] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 45.

7 кабинетов правительства. Одни партии ратовали за войну, другие урезали военные статьи, военные расходы, а левые социалисты во главе с Жоресом вообще намеревались в случае войны начать всеобщую стачку, и в департаментах составлялись списки опасных лиц, при столкновении с немцами их предполагалось арестовать, чтобы те не сорвали мобилизацию[1].

Постепенно французам становилось ясно, что сражаться им все-таки придется. Президентом был избран воинственный Пуанкаре – уроженец потерянной Лотарингии. В ответ на наращивание германских вооруженных сил Франция в 1913 году приняла закон об увеличении срока службы с двух до трех лет – армия должна была вырасти на 50%. Хотя вскоре выяснилось, что для новых частей нет оружия и снаряжения. Решили в связи с этим проводить реформу постепенно, в течение 2-3 лет – к 1916 году. Углублялось сотрудничество между французским и русским командованием, офицерами генеральных штабов. В 1913 году достигли окончательного соглашения о взаимодействии. При объявлении войны Франция начинала военные действия на 11-й день мобилизации, а России после 15 дней.

Другая союзная России страна – Великобритания – была самой большой мировой державой. И по площади, и по населению она значительно превосходила нашу страну. Англичанам принадлежали колонии, разбросанные по всему земному шару. Они объявили о великой миссии британцев – нести «свет культуры и цивилизации» отсталым странам. Железом и кровью несли они этот «свет культуры и цивилизации», немилосердно эксплуатируя свои колонии. Но к началу XX века англичане начали осознавать, что удерживать такие владения прежними методами весьма затруднительно. Поэтому некоторым колониям, где значительная доля населения состояла из «белых», было предоставлено право самоуправляемых доми-

[1] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 46.

нионов. Его получили Канада, Новая Зеландия, Австралия, Южная Африка.

В начале XX века Британия уже не стремилась к новым захватам, поэтому воевать не хотела. Но только при условии, что за ней останется господствующее положение в мире и никто не покусится на владения, которые она уже захватила и эксплуатировала. Претензии же быстро развивающейся Германии на мировое первенство и усиление ее военно-морского флота воспринимались англичанами как жизненная угроза. От схватки многие политики предпочитали все-таки уклониться, считая, что этим должны заниматься немцы с французами и русскими. И стремились сделать именно так, чтобы русские и французы были вовлечены в кровавую схватку с немцами. Но, если победят немцы, тогда британцам придется худо: они останутся с Германией один на один. А если победят русские и французы без англичан? И тогда они без них поделят плоды своего успеха? В 1912 году, после безуспешных переговоров с Германией об ограничении флотов, Англия наконец-то взяла на себя конкретные обязательства, заключила морское соглашение с Францией, пообещав при нападении немцев прикрыть Атлантическое побережье. В 1914 г. начались переговоры о военно-морском соглашении с Россией.

Однако этот союз оставался зыбким и ненадежным. Английские политики видели в мощно развивающейся России с ее огромным потенциалом и ресурсами угрозу своему доминированию в мире. Поэтому Россию следовало втянуть в войну с Германией и не допустить ее союза с этой страной.

Англия была тесно связана с «родственной» Америкой. А заокеанские круги вели собственную политику. В 1912 г., как пишет Валерий Шамбаров, в Нью-Йорке состоялся международный сионистский съезд, он проходил открыто и торжественно. Нью-Йоркская газета оповестила, что банкир Герман Лееб провозгласил задачу «поставить Россию на колени». Для этого был создан специальный фонд с участием крупнейших финансистов – Ротшильда, Шиффа, Баруха, Варбурга, президента лондонского банка «Джойнт Сток» лорда Мильнера. В 1912 г. финансовые воротилы Америки провели на пост президента свою креатуру Вудро Вильсона. В 1913 г. он добился отмены закона, запрещавшего вывоз американских капиталов за рубеж. Была учреждена Федеральная резервная система, которая получила право печатать доллары, но не являлась государственным учреждением, а была кольцом частных банков. Финансовые воротилы США заранее готовились нажиться на займах и поставках сражающимся странам[1].

Следует коснуться и еще одной российской союзницы – Сербии. Простые сербы относились к русским с искренней и горячей любовью, но в политике этой страны было сильно влияние Франции. Ее банки и фирмы подмяли сербскую экономику, систему финансов, предоставляли средства на вооружение. Кроме того, в стране существовала «вторая власть». Офицеры, которые в свое время свергли Обреновичей и возвели на престол короля Петра, заняли высокие посты в армии. Их лидер Драгутин Дмитрович возглавил сербскую разведку и сформировал тайную организацию «Черная рука», которая ставила целью создание «Великой Сербии» с включением в нее Хорватии, Македонии, Боснии, Герцоговины, Словении.

Достичь этого мирным путем было практически невозможно. Следовательно, требовалась война, чтобы вовлечь в нее Россию. Офицеры были убежденными патриотами Сербии. Они верили, что действительно готовят для своей страны великое будущее. Но они входили в состав тайной организации, а их зарубежные «братья» подогревали и направляли их деятельность в собственных целях. Король Петр и премьер-министр Пашич занимали более умеренную позицию, стремясь сохранить мир. Но они ничего не могли поделать с «Черной рукой». Эти радикалы имели огромное влияние в армии, парламенте, у них были могущественные покровители за границей, во Франции в частности. По всем Балканам они

[1] Шамбаров В. Последняя битва императоров. – С. 47-48.

создали сеть террористических организаций: «Млада Босна», «Народ на Одбрана», «Свобода», которые смыкались с анархистами, социалистами. Заговорщики вели пропаганду, осуществляли террористические акты.

Планы войны Тройственного союза

К войне оба блока – Антанта и Тройственный союз – готовились давно. Причем их военные доктрины во многом были схожими и исходили из идеи быстрой победы путем нанесения сокрушительного поражения противника и завершения войны в предельно короткие сроки[1].

В основу стратегического плана военных действий Германии легли идеи генерала Альфреда фон Шлиффена, который с 1891 года возглавлял генеральный штаб империи. Сам «план Шлиффена» был сформулирован в 1905 г., а затем подвергался частичным изменениям его преемником на этом посту генералом Г.И. Мольтке-младшим.

В своей основе план Шлиффена основывался на необходимости ведения Германией войны на два фронта: против России на востоке и против Франции на западе. Причем предполагалось, что своих противников Германия и Австрия должны были разгромить поодиночке в ходе первых же недель войны. Главный удар планировалось нанести по Франции через Бельгию и Люксембург, чтобы, зайдя в тыл французской армии, полностью ее разгромить. Австро-Венгрии на этом этапе отводилась второстепенная роль. Пока в России не закончилась мобилизация, австро-венгерские части должны были сковать натиск русских войск на востоке, ожидая переброски германских дивизий после их победы над Францией. На первом этапе Германия полагала сосредоточить одну свою армию для защиты Восточной Пруссии. Эта армия состояла из двух корпусов и ландвера.

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 108.

На французов предполагалось бросить сразу 7 армий. Граница Франции по географическим условиям была неудобной для массированного наступления: вдоль нее тянутся лесистые горы – Арденны, Аргонна, Вогезы, проходы в них запирались хорошо оснащенными крепостями. Поэтому вторжение предполагалось через нейтральные Люксембург, Бельгию и Нидерланды. Здесь, на правом фланге, сосредоточивался ударный кулак немцев, а левый, в Лотарингии, прикрывали довольно слабые силы. Шлиффен допускал, что в начале войны будет временно потеряна Восточная Пруссия, придется отступить в Лотарингии… Но атакующие французы сами втянутся в мешок. А тем временем мощный правый фланг проламывает французскую оборону, выходит в долину Сены, обходит Париж и весь французский фронт прижимает французские армии к границе и устраивает им полный разгром, грандиозные «Канны». Затем войска быстро перебрасываются на восток с целью разгрома России. В основу этого замысла была положена идея быстротечной войны. Всю войну на западе предполагалось закончить в течение 6-8 недель[1].

Автор блицкрига Шлиффен ушел в отставку в 1906 г., за 8 лет до начала войны. «Не ослабляйте моего правого фланга!» – успел прошептать перед кончиной генерал-фельдмаршал окружавшим его офицерам генерального штаба. Преемником Шлиффена был назначен Г.И. Мольтке-младший, племянник фельдмаршала Г.К. Мольтке – триумфатора Франко-Прусской войны[2].

В течение этих 8 лет германский план операций сохранял основную идею плана Шлиффена, но подвергся ряду небольших изменений. Например, Мольтке после русско-японской войны признал необходимым учесть быстрое восстановление русских сил и мобилизационных возможностей, а поэтому в Восточной Пруссии он решил развернуть 3 полевых корпуса и

[1] История Первой мировой войны 1914-1918. Т. 1. – С. 187.
[2] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 61.

1 резервный. На французском фронте, опасаясь наступлени французов, он постепенно стал усиливать левое крыло ге манского развертывания, и к началу 1914 года оно состоя уже из 8 корпусов (первоначально здесь сосредотачивались полевых, 1 резервный корпуса и 3 кавалерийские дивизии Большие надежды германский генштаб возлагал также на т что на стороне Германии выступит и Румыния, которая еще 1883 году заключила на этот счет тайную конвенцию с Авс ро-Венгрией.

На Восточном фронте против России со времени принят в 1905 году шлиффеновского плана задача германских вой носила характер стратегической обороны. Только 15% сух путных сил Германии предполагалось разместить против Ро сии на первом этапе войны. Сосредоточиваемые в Восточно Пруссии войска образовывали 8-ю армию, которая должн была задерживать вторжение русских сил и замедлить наступ ление к Нижней Висле до переброски главных сил германце с Западного фронта после разгрома французов. Начало тако переброски намечалось через 6 недель от начала операций н Западе.

До тех пор, пока французы не будут разбиты окончатель но, главная тяжесть борьбы с русскими войсками на Восто ном фронте выпадала на австро-венгерские вооруженные си лы.

Верховным главнокомандующим германской армии бы кайзер Вильгельм II, однако фактически операциями руков дил начальник генерального штаба Мольтке-младший.

Главной особенностью плана Шлиффена была его скоро течность. Германский генштаб исходил из того, что для т тяжной войны Германия не имела ни достаточно материаль ных средств, ни людских ресурсов. Шесть недель давали бе линские стратеги на разгром французской и русской армий, сам кайзер громогласно пообещал нации 1 августа, что «не мецкий солдат вернется с победой домой раньше, чем опаду листья с деревьев».

План Шлиффена хранился за семью печатями в строжайшем секрете, о нем знали лишь несколько самых надежных и проверенных офицеров, но русской разведке все равно удалось вычислить планы противника[1].

Русский генеральный штаб был хорошо осведомлен и о стратегических планах ближайшей союзницы Германии Австро-Венгрии. За 15 месяцев до начала войны начальник австро-венгерской контрразведки полковник генштаба А. Редль выдал нашим агентам тщательно разработанные в Австрии планы военных операций, вплоть до оперативных схем развертывания сил на сербском фронте и карт укреплений и крепостей в Галиции. Уличенный в измене, Редль покончил с собой, но кардинально переделать все свои стратегические планы у австрийцев уже не было времени.

Генштаб Австро-Венгрии считал основными противниками своей империи Россию, Сербию и Черногорию. Позиция Италии и Румынии оставалась под вопросом. Планы действий разрабатывались и на случай войны с каждым из противников в отдельности, и на случай одновременной войны с несколькими противниками на нескольких фронтах.

План войны Австро-Венгрии после заключения в 1879 году Союзного договора стал разрабатываться под сильным влиянием немцев и с теснейшими контактами со стратегами из германского генштаба. В планах немцев армиям Австро-Венгрии предназначалась очень важная роль: они должны были сковывать крупные силы русской армии и прикрывать тыл главных германских сил до тех пор, пока Германия будет вести войну против Франции. Таким образом, в начале войны основная задача борьбы против России возлагалась на Австро-Венгрию.

Под нажимом Германии все мероприятия австрийского генштаба направлялись главным образом к подготовке на случай военных действий с Россией. Мольтке усиленно побуждал

---

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 62.

своего коллегу из Вены генерала Конрада к решительному наступлению против России с первых же дней войны. По соглашению между Конрадом и Мольтке, в 1909 г. Австро-Венгрия должна была принять на себя главный удар русских до того, как Германия одержит победу над Францией и перебросит свои силы на восток. Австрийцев подталкивало главное германское командование к наступлению на север между Бугом и Вислой. Этим устранялась опасность вторжения русских сил в богатую промышленную область Германии – Силезию. Таким образом, в целом австро-венгерский план войны обеспечивал интересы Германии.

Перспектива самостоятельного ведения войны на востоке, пусть даже малое время, не вселяла оптимизма в австрийское руководство. Особо оно было обеспокоено еще и тем, что военные планы были хорошо известны русской разведке. Начальник австрийского генерального штаба Конрад фон Гетцендорф полагал, что в ближайшие пять лет Австро-Венгрия вообще не состоянии вести войну с Россией. Противником такой войны был и австрийский наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. По некоторым данным, он прямо предупреждал Конрада фон Гетцендорфа: «Войны с Россией надо избегать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно французские масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их трона»[1].

Планы Антанты

Генеральные штабы стран Антанты планировали свои действия, основываясь на серии соглашений, заключенных в довоенный период. Первым из них стала военная конвенция Франции и России от 1892 г., в последующие годы договорные обязательства сторон постоянно уточнялись и детализи-

[1] Цит. по: Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 109.

ровались. Весной 1914 г. французский генштаб принял так называемый «План № 17», предполагавший нанесение ударов из районов пограничных крепостей вглубь Германии. Между тем французскому командованию было известно о плане Шлиффена. Однако оно считало, что ему удастся противостоять немецким попыткам прорыва на севере и добиться решительного успеха на юге. Самоуверенность французов потрясает.

С самого начала войны «План № 17» предусматривал наступательный образ действий. Главнокомандующий французской армией, который в мирное время был начальником генерального штаба, имел намерение, «собрав все силы, двинуть их в наступление против германских армий». Но, проникнутый, на первый взгляд, наступательным духом, французский план таил в себе пассивно-выжидательные действия. Французское командование предполагало нанести главный удар в зависимости от обстановки лишь после того, как в первых столкновениях с противником определится характер его действий. Таким образом, действия французской армии с первых дней ставились в зависимость от характера действий противника. Из этого следует, что этот план отличался нерешительностью и пассивностью и отдавал инициативу в руки германских войск.

Более того, возможность вторжения германских войск через Бельгию французами явно недооценивалась, считалось, что основной удар следует ожидать со стороны Меца в Лотарингии. Французское командование рассчитывало, что если немцы и ударят с севера, то их наступление может быть приостановлено силами бельгийской армии и ударами левого крыла французских войск в северном направлении. Парижские стратеги также ошибочно полагали, что по политическим и моральным соображениям Германия будет держать крупные силы в Эльзасе, занятом Германией в ходе франко-прусской войны.

Разрабатывая планы отражения агрессии со стороны Германии, Франция возлагала особые надежды на помощь Рос-

сии. Союз с Россией значительно укреплял положение Франции в военном отношении. Расчет на победу французы во многом строили на активных действиях русской армии, которая должна была предварительно обескровить германскую армию на восточном театре и тем самым создать выгодные условия для дальнейших действий французских войск на Западе.

Русские штабисты начали разработку плана войны со своими предполагаемыми противниками еще с конца XIX века. После объединения Германии на западных границах России появился сильный противник. В связи с серьезными геополитическими изменениями в Европе мероприятия по обороне и укреплению западных границ империи стали приобретать для русского правительства особо важное значение. Уже в 1873 году военный министр Д.А. Милютин разработал проект действий России на европейском театре против возможной коалиции противной стороны[1].

Планомерную подготовку России к грядущей войне начал начальник главного штаба генерал Обручев. Именно он представил в 1880 г. свои соображения о планах ведения войны с Германией и Австро-Венгрией. Необходимость разработки таких соображений была вызвана тем, что наиболее вероятные противники России – Германия и Австро-Венгрия, после заключения между собой в 1879 г. военно-политического союза, значительно повысили боевую подготовку своих армий, а также сократили время развертывания войск благодаря усиленному развитию железнодорожной сети. Позднее, в связи с увеличением численности русской армии и происходившими изменениями в дислокации войск, а также в виду развития железнодорожного сообщения, планы войны российским генштабом пересматривались в 1883, 1887 и 1890 годах.

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 67;
Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. Очерк военной подготовки и первоначальных планов войны. М., 1926. – С. 31.

Четырнадцатое по счету мобилизационное расписание 1890 года предусматривало уже два варианта действий. Один вариант на случай, если Германия свой главный удар направит против России, а второй – если главный удар Германия нанесет Франции. В последнем случае Россия планировала начать свои действия, прежде всего, против Австро-Венгрии.

Новый план войны был разработан в русском генштабе в 1900 году. Он отличался от предыдущих тем, что в нем впервые предполагалось создание некоей промежуточной инстанции управления войсками на театре военных действий – командования фронтами. Теперь все армии на западных рубежах России в случае войны объединялись в две группы: Северный фронт против Германии и Южный фронт против Австро-Венгрии.

Русская военная мысль во многих отношениях превосходила западные представления о характере и специфике современной войны. Из всех великих держав, вовлеченных в противостояние к 1914 году, только Россия обладала ценнейшим боевым, хотя и горьким, опытом войны с Японией. Из этой войны она постаралась извлечь соответствующие уроки. Русские военные теоретики – генералы А. Елчанинов, В. Черемисов, Н. Михневич – обратили серьезное внимание на взаимосвязь экономического, политического, морального и военного факторов в современной войне. Начальник Академии Генерального штаба профессор Н. Михневич в своей книге «Стратегия» (1911 г.) писал, что «главный вопрос войны не в интенсивности напряжения сил государства, а в продолжительности этого напряжения, а это будет находиться в полной зависимости от экономического строя государства». Михневич и ряд других русских военных справедливо считали, что будущая война неизбежно примет затяжной характер. В отличие от западных военных теоретиков они трезво смотрели в будущее, опираясь на реалии XX века.

Однако конкретный план развертывания русской армии в боевых условиях (план «А»), составленный с учетом интере-

сов союзников, был весьма уязвим. Дислокация войск на западных рубежах империи производилась вдоль всей границы протяженностью 2600 км. Причем 52% состава армии сосредоточивалось против Австро-Венгрии, 33% - против Германии, 15% - на Балтийском побережье и у румынской границы. Хотя русское командование понимало, что в наибольшей степени интересам страны отвечал бы скорейший разгром Австро-Венгрии, облегчавший ее дальнейшую войну, оно вынуждено было, по согласованию с союзниками, держать значительные силы против Германии. При этом русский генштаб обязывался начать наступление в Восточной Пруссии не после окончания мобилизации, то есть спустя 40 дней после ее начала, а на 15 день. Таким образом, исходя из своих обязательств перед союзниками по Антанте, Россия заранее оказывалась в крайне невыгодной для себя ситуации, когда под сомнение ставился успех операции не только в Восточной Пруссии, но и против Австро-Венгрии. К сожалению, развитие боевых действий в первый месяц войны подтвердило тягостные опасения русских штабных специалистов[1].

Наши военные были хорошо осведомлены о напряженных отношениях между Россией и Османской империей, известно было и о германской ориентации Турции, ее большой финансовой и военной зависимости от Германии. В связи с этим наши штабисты стали разрабатывать также и план на случай войны с Турцией.

Для действий против нее предназначались войска Кавказского военного округа, которые в военное время сводились в три корпуса. Планом предусматривалось три варианта: 1) война России только с Турцией, 2) Турция с самого начала войны выступает совместно с враждебной России коалицией, 3) в начале войны Турция остается нейтральной, а затем нападает на Россию в Закавказье. В последнем случае предусматривалась до выступления Турции переброска с Кавказа двух

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 111.

корпусов на европейский театр, а на Кавказ перебрасывался из Туркестана 2-ой туркестанский корпус. Кавказской армии ставилась задача прикрывать как можно дольше свою границу, а в случае невозможности удержаться при значительном превосходстве противника – постепенно отходить на линию главного Кавказского хребта и удерживать на крайне левом фланге Баку, а в центре – Военно-Грузинскую дорогу, как главный путь для связи центра России с Закавказьем[1].

После создания Антанты с весны 1905 г. завязалось сотрудничество между английским и французским генеральными штабами. С 1911 года уже велись переговоры о высадке английских экспедиционных войск во Франции и сосредоточении их в районе Мобеж-Ирсон. На основании этого соглашения французский генеральный штаб включил в план № 17 предложение о развертывании английских войск на левом фланге французской армии под названием «армейской группы W».

В 1906 г. начались переговоры о совместных операциях английской и бельгийской армий. В 1911 г. в Англии был создан специальный мобилизационный совет из представителей армии, флота и ряда министерств. Этот совет выработал единый мобилизационный план для всех государственных и общественных учреждений, календарный план, охватывающий все необходимые подготовительные мероприятия для перехода от состояния мира к войне. Для действий на континенте предназначались английские силы: 6 пехотных, 1 кавалерийская дивизия, 1 кавалерийская бригада. Общая численность этих войск составляла 123,7 тысяч человек, а вместе с тыловыми и этапными частями – до 160 тысяч. Эти силы предполагалось полностью подготовить на 13-й день мобилизации.

Но, тем не менее, конкретный план оперативного использования экспедиционных английских войск разработан так и не был. Было лишь признано, что согласование военных опе-

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 69-70.

раций английской армии с операциями французской армии будет обеспечиваться директивами, исходящими от французского главнокомандования и адресованными главнокомандующему британской армии. Поэтому лишь только с прибытием английских войск в район сосредоточения на левый фланг французской армии и после первых боевых неудач англичан в ходе войны стало постепенно налаживаться взаимодействие английской и французской армии в боевых операциях.

Из этого можно сделать вполне определенный вывод о том, что английский генштаб решил не связывать себя конкретными обязательствами на случай войны с Германией. Английские стратеги исходили из того, что в предстоящей войне им не придется проявлять серьезных усилий. Британские генералы полагали, что исход войны определится в несколько месяцев. Они не собирались воевать собственными силами, а предпочитали, чтобы за них это делали союзники – Франция и Россия. На них они рассчитывали переложить главную тяжесть войны.

Бельгийское командование при составлении плана войны исходило из неизбежности нарушения нейтралитета своей страны в случае столкновения между Германией и Францией. Поэтому главные усилия бельгийских вооруженных сил были направлены на то, чтобы оказать сопротивление немцам и удержаться до тех пор, пока не подоспеет помощь со стороны французов или англичан. Бельгийская армия находилась под командованием короля Альберта.

Разрабатывались стратегические планы и балканскими государствами. Так, оперативный план сербской армии при войне с Австро-Венгрией, разработанный в 1908 г., предусматривал два варианта: в случае войны один на один против австро-венгерской армии или в союзе с Россией. Сербская армия в составе 12 пехотных, 1 кавалерийской дивизии и 2 отдельных отрядов развертывалась для обороны до выяснения общей политической и военной обстановки. Предполагалось, что район

развертывания будет прикрывать течение рек Савы и Дуная со стороны главного удара австрийцев, ожидавшегося с севера. На этом направлении на 100-километровом фронте развертывалась 1-я сербская армия с задачей обороняться по реке Дунай. В районе Белграда развертывалась 2-я армия. Далее на юго-запад развертывалась 3-я армия. 4-я армия была призвана прикрывать с запада долину Верхней Моравии и обеспечить связь с Черногорией.

Следует отметить, что несмотря на твердо сложившиеся коалиции, у союзников не было четкого и единого плана совместных действий. Имелись только соглашения о том, что в случае войны союзники выступят на помощь друг другу. У стран Антанты это выражалось в виде русско-французской военной конвенции. Союзный договор между Германией и Австро-Венгрией предусматривал взаимную поддержку на случай войны. Но вооруженные силы каждой страны действовали самостоятельно, общего командования не было как у Антанты, так и у Тройственного союза.

Все планы войны до 1914 г. не предусматривали согласованных действий сухопутных сил и военно-морских флотов. Лишь в планах России имелись некоторые предположения о взаимодействии Балтийского флота с сухопутными войсками. Не были также четко отработаны вопросы взаимодействия вооруженных сил коалиций на разных театрах войны. Кроме того, генеральные штабы всех стран противоборствующих коалиций предполагали завершить войну в короткие сроки и поэтому рассчитывали, что накопленных в мирное время запасов вооружения, военного снаряжения и боеприпасов будет вполне достаточно для ведения войны и пополнения убыли. Эти планы не предусматривали мобилизации промышленности страны для производства вооружения и военного снаряжения.

Военный потенциал России

В нашей исторической литературе вопрос о военном потенциале России накануне войны трактуется довольно неоднозначно. Существует мнение, что Россия была слабо подготовлена к войне. Об этом писал в свое время, например, А.И. Деникин: «Армия вообще до 1910 года оставалась в полном смысле беспомощной. Только в самые последние перед войной годы (1910-1914) работа по восстановлению и реорганизации русских вооруженных сил подняла их значительно, но в техническом и моральном отношении совершенно недостаточно»[1]. «Была ли российская армия готова к войне?» – задается вопросом современный историк В. Никонов. И отвечает на свой же вопрос: «Конечно, нет. Как никогда она за всю нашу историю не была готова к большой войне…»[2]. Насколько обоснованны подобные утверждения?

Проследим в связи с этим логику рассуждений и аргументы авторов учебника «Новейшая отечественная история» под ред. проф. Э.М. Щагина. Предвоенный период (1907-1914 гг.) был отмечен не только бурным экономическим ростом, поставившим Россию в один ряд с ведущими державами мира, но и сопровождался значительным усилением ее обороноспособности. Учитывая последствия русско-японской войны, особое внимание правительство уделяло воссозданию военно-морского флота. В июне 1907 г. Николай II утвердил малую судостроительную программу, рассчитанную на 4 года, по которой на строительство кораблей ежегодно отпускалось по 31 млн. рублей. В апреле 1911 г. Морской генеральный штаб предоставил царю законопроект «Об императорском российском флоте», предусматривающий создание современных флотов на Балтийском и Черном морях. По законопроекту только на Балтике планировалось иметь две боевые и одну ре-

[1] Деникин А.И. Путь русского офицера. М., Современник. 1991. – С. 234.
[2] Никонов В. Крушение России. 1917. – С. 125.

зервную эскадры. В состав каждой из них были включены по 8 линкоров, 12 крейсеров, 36 эсминцев, 12 подводных лодок. К 1914 году были приняты в общей сложности 4 крупные судостроительные программы, на которые отпускалось 820 млн. рублей. Их завершение, в основном, планировалось к 1917-1919 гг., некоторых – к более позднему сроку.

Однако модернизацию флота к началу войны полностью провести не удалось. Оставалось много нерешенных проблем: недокомплект личного состава, незавершенность строительства крепостных сооружений и морских баз, недостаточное материально-техническое обеспечение флота, несогласованность действий между морским и военным ведомствами. Тем не менее, благодаря огромной работе, проведенной российскими флотоводцами, специалистами морского дела – адмиралами И. Григоровичем, А. Ливеном, Н. Эссеном, капитаном 2-го ранга А. Колчаком и другими Россия успешно противостояла врагу на море в течение всей войны.

По сравнению с моряками, русское армейское руководство не отличалось излишней расторопностью и инициативностью. Еще в 1900 году в России была самая большая в мире армия – 1,16 млн. военнослужащих – почти вдвое больше, чем в любой крупной европейской стране, и третий по тоннажу флот. Армия комплектовалась по принципу воинской повинности. Из всех подданных Российской империи, кроме жителей недоступных и отдаленных мест, инородцев Сибири, некоторых кавказских народов и жителей Финляндии, на действительную воинскую службу по жребию призывался каждый третий, остальные зачислялись в ополчение, где проходили краткосрочные сборы. Срок службы составлял 3 года в пехоте и артиллерии и 4 года в прочих войсках.

Внушавшая уважение своей численностью армия, вместе с тем сильно отставала от вооруженных сил крупных мировых держав по техническому оснащению и возможностям быстрого развертывания из-за слабости транспортной инфраструктуры. Эти недостатки наглядно проявились во время войны с

Японией, обернувшейся сильнейшим ударом не только по престижу России, но и по ее вооруженным силам. Впервые великая европейская держава потерпела поражение на азиатской периферии. На эту войну Россия уже в начале века потратила свои стратегические резервы и неприкосновенные запасы. Военный министр Александр Редигер признавал: «Наши сухопутные силы расстроены и крепости в таком состоянии, что представляют для противника готовый трофей; вместе с тем Россия не имеет и флота»[1].

«Таким образом, перед русским военным ведомством все время стояла дилемма: либо сократить численность армии, либо гнаться за дешевизной содержания», - подчеркивал генерал Н. Головин. Военное ведомство выбрало второй путь и в этом отношении <…> перешло предел допустимого»[2]. Состояние вооруженных сил стало рассматриваться как критическое.

Политическая стабилизация, за которой последовало и финансовое оздоровление, позволила стране приступить, наконец, к назревшим преобразованиям. Они были связаны главным образом с именем генерала от кавалерии Владимира Сухомлинова. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. он командовал кавалерийской дивизией, с 1908 г. возглавлял Генштаб, а через год был назначен военным министром. Последовали шаги по увеличению оборонных расходов, совершенствованию стратегии и тактики, качества подготовки войск, повышению престижа армейской службы и армии в целом. Военные расходы выросли с 556 млн. рублей в 1908 г. до 826 млн. рублей в 1913 г., хотя все равно это было на четверть меньше того, что тратила Германия[3]. Началось перевооружение артиллерии современными типами орудий, были впервые

[1] Цит. по: Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика – М., 2000. – С. 33.
[2] Головин Н.Е. Россия в Первой мировой войне. – М., 2006. – С. 6.
[3] Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. – С. 335.

созданы управление военно-воздушного флота, автомобильная служба, реформированы службы «ремонтирования» кавалерии, связи, санитарный и ветеринарный отделы армии, мобилизационная часть, программы обучения в военных учебных заведениях, введена практика сверхсрочной службы для нижних чинов[1].

Происходили изменения в структуре армии. Пехотный корпус по численности примерно соответствовал германскому, но дивизия была больше – 21 тысяча человек. Она состояла из 2 бригад, бригада – из двух полков, полк – из четырех батальонов по тысяче человек, а батальон – из четырех рот. Кавалерийская дивизия состояла из четырех полков по 6 эскадронов (один полк драгунский, один уланский, один гусарский и один казачий). Дивизия насчитывала 4 тысячи шашек, но, в отличие от германской и французской, русская кавалерийская дивизия включала еще пулеметную команду и дивизион из 12 орудий.

Оружие было высокого качества и не уступало зарубежным аналогам. Трехлинейная винтовка Мосина, револьвер Нагана, пулемет Максима, усовершенствованный тульскими оружейниками. В каждом полку было 8 пулеметов – так же, как у немцев и французов. В дивизии имелось 48 пушек (у немцев – 72, у французов – 36)[2].

Русские конструкторы Федоров, Токарев, Рощепей уже создали первые образцы автоматических винтовок. В 1904 г. мичман Власов и капитан Гобято изобрели миномет. Появились образцы ручных пулеметов, их называли «противосамолетными орудиями». Они оставались еще на уровне разработок, но к началу войны их не было и в других армиях. Кстати, в европейских армиях не было и ручных гранат, их считали сложным и опасным оружием. В России гранаты производились на заводах и начали поступать в армию. Новое Наставле-

[1] Никонов В. Крушение России. – С. 127.
[2] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 68-69.

ние для пехоты предусматривало забрасывать противника гранатами перед штыковым ударом. Но на практике войска этому еще не обучали.

Русская стратегия и тактика были передовыми для своего времени, учитывался горький опыт Японской войны. Главным видом боевых действий признавалось наступление, но должное внимание уделялось обороне. Атаковали в более редких порядках, чем на Западе (интервалы до 5 шагов). Применялось переползание, движение перебежками, выдвижение отделениями или одиночными солдатами под прикрытием огня тех, кто остается на месте. Не только в обороне, но и в наступлении от солдат требовалось окапываться. Армию обучали встречному бою, действиям в ночных условиях, вместо штыковой вводилась огневая тактика. Пехота показывала очень высокие результаты в стрельбе, а артиллеристы не знали себе равных – в их среде считалось делом чести не просто метко стрелять, а досконально, вплоть до винтиков, знать свое орудие. В Японской войне русская артиллерия впервые применила стрельбу с закрытых позиций с помощью угломера и панорамы, а для корректировки огня использовала аэростаты. Прекрасно была подготовлена и кавалерия, ее учили действовать как в конных, так и в пеших порядках[1].

Важная роль отводилась индивидуальному обучению солдат и командиров. Русские офицеры и унтер-офицеры были настоящими мастерами военного дела. Классик военной педагогики генерал М.И. Драгомиров в своих работах требовал «близко общаться с подчиненными», «ставить службу выше личных дел», «не бояться самостоятельности». Кадровая русская армия превосходила германскую и по качеству бойцов. Солдаты в ней служили в прямом смысле отборные. Россия содержала гораздо меньшие вооруженные силы, чем позволяли ее человеческие ресурсы. Из призывников медицинские

[1] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 70.

комиссии отбирали лишь 52% самых здоровых и сильных новобранцев. В Германии отсеивали всего 3% явных инвалидов.

Имелось и немало отрицательных сторон в русской армии. Сохранялась практика назначать офицеров и генералов на гражданские и административные посты. Чины и выслуга при этом шли, и потом их, забывших о строевой службе, могли вернуть в армию. Плохо была поставлена подготовка резерва. Сборы и учения запасников проводились только у казаков. А 48% призывников, которые не попадали на действительную службу и числились в ополчении, оставались вообще необученными. С офицерским резервом дело обстояло еще хуже. Это были выпускники вузов, получившие диплом и чин прапорщика запаса, но о службе не имевшие понятия, или офицеры, уволенные по возрасту, состоянию здоровья или за проступки.

Наращивание военной мощи было делом непростым, существовали немалые ограничители – финансовые и общественно-политические. Министерство финансов заметно урезало запросы военного ведомства, аргументируя тем, что страна с подорванными финансами не способна обеспечить собственную обороноспособность. Общественность не торопилась оказать поддержку усилиям военных. В начале века «прогрессивная общественность» армию не уважала. Как писал историк А. Керсновский, «военная служба считалась уделом недостойным: по господствующим в то время среди интеллигенции понятиям, в «офицеришки» могли идти лишь фаты, тупицы или неудачники, культурный же человек не мог приобщаться к «дикой военщине» - пережитку отсталых времен»[1]. Директор гимназии считал для себя позором, если кто-то из его выпускников выбирал военную карьеру.

В Государственной думе рассмотрение правительственных планов постоянно наталкивалось на сопротивление. Одни депутаты напирали на вред милитаризации, ссылаясь на то, что

[1] Керсновский А.А. История Русской армии. – М., 1999. – С. 481.

расходы на армию обирают сферу культуры. Другие подчеркивали бездарность всех конкретных планов правительства. Этим особенно активно занимался А.И. Гучков, лидер крупной группы оппозиционно настроенных депутатов[1].

Несмотря на все эти препятствия с разных сторон, разработка новой военной программы, формировавшей подготовку страны к войне была начата по инициативе Сухомлинова. Она разбивалась на две части – Малую, которую планировалось принять в первоочередном порядке, и Большую, требующую более детальной проработки и нацеленную на более длительную перспективу.

Малая программа предусматривала дополнительные ассигнования в размере 122 млн. рублей в основном на артиллерию. Она была одобрена в июле 1913 года. Но даже в случае ее полной реализации отставание от германской армии сохранялось бы значительное: русский корпус был бы обеспечен артиллерией вдвое хуже, чем германский. Это соотношение могла бы улучшить Большая программа, которая предусматривала выделение еще 292 млн. рублей сверх Малой. Но она основательно завязла в межведомственных согласованиях в думских комитетах. Государственная дума приняла ее, и император подписал за четыре дня до трагического выстрела в Сараево. Завершить Большую программу планировалось к осени 1917 года[2]. Вскоре ее придется значительно перевыполнять в условиях военного времени.

Предвоенные реформы А.И. Сухомлинова оцениваются в литературе неоднозначно. Известный военный историк русского зарубежья А. Керсновский видел наиболее существенные недостатки в том, что имело место явное пренебрежение к вопросам управления высшими тактическими соединениями: дивизиями, корпусами, армиями. Слабой ему представлялась

[1] Никонов В. Крушение России. – С. 128.
[2] Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира в Первой мировой войне. – С. 251-252.

разработка стратегических вопросов военного планирования. В связи с этим он писал: «Главным пороком русской стратегической мысли было какое-то болезненное стремление действовать «по обращению неприятельскому». Задачи ставились не так, как того требовали наши интересы, а так, как полагали, вероятнее всего, будет действовать противник»[1]. Генерал А.А. Брусилов ставил в вину военному министру Сухомлинову «уничтожение крепостных и резервных войск, а также неудовлетворительное решение вопроса об артиллерийских боеприпасах»[2]. Военное министерство слабо контролировало сроки исполнения заказов военного ведомства на отечественных заводах, поэтому графики поставок срывались. Вместо того, чтобы развивать отечественную промышленную базу, Сухомлинов предпочитал размещать заказы в Англии, Франции и даже в Германии. За рубежом изготовлялись тяжелые орудия, самолеты, часть боеприпасов. Надо признать, что снаряды в русской армии действительно быстро кончились, но не раньше, чем у других – здесь все страны допустили грубейший просчет. Другое дело, что у нас не окажется возможности быстро увеличить их производство. Военно-промышленный комплекс России функционировал на пределе своих возможностей.

Большинство заводов, подчинявшихся военному министерству, работали на Главное артиллерийское управление. Крупнейшими в стране были Тульский и Ижевский оружейные заводы, Обуховское и Пермское орудийные предприятия, Охтинский, Шостенский и Казанский пороховые заводы. Большая часть заводов Морского ведомства была в Петербурге – Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский, Обуховский. Производством, ремонтом и модернизацией вооружения ведали также семь сухопутных и два морских арсенала. Наиболее важные находились в Петербурге, Киеве, Брянске. В число

[1] Керсновский А.А. История Русской армии. – С. 481.
[2] Брусилов А.А. Мои воспоминания. – Минск, 2002. – С. 62-63.

крупнейших производителей военной продукции входили частные предприятия, в их числе Путиловский, Петербургский металлический, Франко-Русский, Шлиссельбургский пороховой заводы, Николаевские судоверфи Наваль. Между частными и государственными предприятиями всегда существовала острая конкуренция. Владельцы частных заводов неустанно добивались сокращения, а лучше полной ликвидации казенной промышленности, перехватывали государственные военные заказы. Строительство современных судов, тяжелой артиллерии и другой технологически сложной продукции было невозможно без руководства со стороны зарубежных компаний – английских, французских и немецких. Но с началом войны иностранные фирмы отпали от производства в России, что еще больше усугубило наши проблемы в военном производстве.

Россия готовилась к войне. Оборонный бюджет на 1914 год был утвержден в объеме 975 млн. рублей – больше, чем у любой другой страны мира в тот период[1]. Число ежегодно призывавшихся на военную службу возросло с 463 тысяч новобранцев в 1907 г. до 580 тысяч в 1913 г. Летом 1914 г. до начала мобилизации русская армия насчитывала 1,4 млн. человек, к началу боевых действий в ней насчитывалось 114 пехотных и 40 кавалерийских дивизий. Во французской армии служили 884 тысячи военнослужащих, в английской – 411 тысяч, в германской – 769 тысяч, а австро-венгерской – 478 тысяч. При анализе сил сторон российский Генштаб исходил из оценки численности действующих и запасных войск – без ополчения – после мобилизации. Она выглядела не самым лучшим образом для Антанты. Ожидалось, что Россия выставит 3,5 млн. военнослужащих, Франция – 1,7 млн., тогда как Германия – 3,7 млн., Австро-Венгрия – больше двух[2]. Благо-

[1] Никонов В. Крушение России. – С. 130.
[2] Шацилло К.Ф. О Портсмутского мира к Первой мировой войне. – С. 212; Никонов В. Крушение России. – С. 130.

приятным для России фактором было то, что и на пике мобилизационного развертывания доля военнослужащих в общем составе населения у нас была заметно ниже, чем в любой другой воюющей стране.

Хуже обстояло дело у нас с артиллерией. К началу войны в армии было 7088 стволов, у Франции – 4300, у Германии – 9388 и Австро-Венгрии – 4088. Но в тяжелой артиллерии у держав Центрального блока было очевидное преимущество: в германской армии насчитывалось 3260 тяжелых орудий, в австро-венгерской – около тысячи, в русской же – 240, а французская только еще собиралась ставить их на вооружение[1]. По подсчетам отечественных исследователей, вся русская артиллерия за годы войны произведет 50 млн. выстрелов, тогда как немецкая – 272 млн., а австрийская – 70 млн.[2]

Преимущество держав Тройственного союза над странами Антанты в артиллерии не оказывало решающего влияния на начальном этапе войны, но с переходом к позиционной войне это преимущество стало важным фактором тактических успехов противника[3].

Еще раз коснемся вопроса о качестве людских ресурсов русской армии и флота. Как пишет В. Никонов, оно было высоким, ссылаясь на оценку известного историка А. Керсновского: «Работа по воссозданию боевой мощи Русской Армии ограничивалась областью мелких соединений и элементарной тактики. Роты, эскадроны и батареи были доведены до высокой степени совершенства, далеко превосходя таковые же любой европейской армии в искусстве применения к местности, самоокапывания и стрельбе»[4]. Очень высоко он оценивал офицерский корпус, который насчитывал к началу войны 1500 генералов и 44 тысячи офицеров, военных врачей и чиновни-

[1] Мировые войны XX века. Книга 1. – С. 89.
[2] Никонов В. Крушение России. – С. 131; Барсуков Е. Артиллерия русской армии. Т. IV. – М., 1948. – С. 404.
[3] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 114.
[4] Керсновский А.А. История Русской армии. – С. 480.

ков. Качество его было превосходно. Третья часть строевого офицерства имела свежий боевой опыт, который был отлично использован и проработан. Наши артиллеристы считались лучшими в мире.

Экономия на армии приводила, прежде всего, к весьма скромному содержанию офицеров, пиком карьеры для большинства из которых был чин подполковника с перспективой мизерной пенсии. Недокомплект офицерского состава накануне войны составлял 3 тысячи человек. Сборы офицеров запаса проводились в сокращенном объеме. Кавалерийский генерал-лейтенант Карл Густав Маннергейм, будущий лидер Финляндии, выражал недовольство тем, что «армия отправилась на войну, имея в каждой отдельной роте, батарее и эскадроне не более трех-четырех боевых офицеров. В первые месяцы войны потери среди активных офицеров были значительными, поэтому нехватка командного состава очень быстро стала просто вопиющей. То же самое касалось и унтер-офицеров»[1].

Таким образом, Россия активно готовилась к предстоящей войне, хотя крайне не желала ее. Затраты на оборону в последнее время превысили пятую часть всех расходов империи. По оценке отечественного историка Первой мировой войны А. Зайончковского, «Россия не только успела залечить свои раны, но и сделала большой шаг вперед в смысле улучшения своего военного могущества»[2]. Другое дело, что момент развязывания мировой войны застал нашу страну на сложном этапе перевооружения и реорганизации армии и флота, дожидаться окончания которого враги России отнюдь не собирались[3].

---

[1] Цит. по: Никонов В. Крушение России. – С. 132; Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999. – С. 52.

[2] Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов войны. – М., 1926. – С. 113.

[3] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. – С. 114.

Глава IV. ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ 1914 ГОДА

Роковой выстрел в Сараево. У России не было поля для маневра

В 1914 г. заговорщики Дмитровича с помощью несовершеннолетних юнцов из Боснии начали готовить покушение на наследника австрийского престола Франца-Фердинанда, который был поборником равноправия славян в Австро-Венгрии и являлся одним из главных противников войны с Россией. Премьер-министр Пашич узнал об этом и через сербского посланника в Вене предупредил австрийское правительство. Русская разведка также пыталась предотвратить беду, передав в Австрию об опасности теракта. Но от Франца-Фердинанда это предостережение утаили. И он отправился с визитом в Боснию. В июне 1914 г. «Черная рука» произвела в Сербии переворот, заставила короля Петра передать власть своему сыну, принцу-регенту Александру. Заговорщики надеялись, что он станет для них более удобным монархом. А в Сараево прозвучали выстрелы Гаврилы Принципа, сразившие Франца-Фердинанда и его жену герцогиню Софию Гугенберг. Выстрел в Сараево 28 июня 1914 г. пришелся на Видов день, один из самых траурных в истории южных славян – именно в этот день в 1389 г. в битве на Косовом поле турки нанесли поражение сербским войскам и страна на долгие годы утратила свою независимость. Само сербское правительство не одобряло этот заговор и теракт, ибо страна была истощена двумя Балканскими войнами[1].

---

[1] О заговоре против Франца Фердинанда имеется обширная литература. Мы адресуем читателя к последней по времени работе в этом направлении, в которой представлено достаточно объективное расследование убийства, ставшее поводом к началу Первой мировой войны. В книге Игоря Макарова «Выстрелы в Сараево. Кто начал Большую войну?» (М., Алгоритм, 2014.) показано кому и зачем было выгодно «убрать» эрцгерцога Франца

После семи выстрелов, потрясших Балканы, мир замер в ожидании, какие меры решится применить в ответ венский и берлинский дворы: воспользуются ли те убийством наследника престола, чтобы развязать войну против Сербии, или в очередной раз пронесет? Все европейские династии, все правительства и президенты Европы выразили престарелому австро-венгерскому императору Францу Иосифу искренние соболезнования, в храмах всех стран были отслужены панихиды за упокой душ невинно убиенных супругов.

За свою долгую жизнь австро-венгерский император перенес немало жестоких ударов судьбы: его брата Максимилиана, мексиканского императора, расстреляли повстанцы, единственный сын Рудольф покончил жизнь самоубийством вместе со своей возлюбленной Марией Вечерой при до сих пор невыясненных обстоятельствах, любимую жену Елизавету сразила пуля убийцы. Что же касается отношений императора Франца Иосифа с его племянником Францем-Фердинандом, то всем было хорошо известно, что они были неприязненные: наследник женился на славянке – чешке, при дворе Софию всячески третировали, брак наследника был признан морганатическим, а потому дети Франца-Фердинанда были лишены права на венский престол, что его, конечно, уязвляло. Похороны наследника и его жены прошли почему-то ночью и весьма скромно, дипломатический корпус на похороны приглашен не был. Все это, казалось, давало основание европейским политикам надеяться на то, что больших политических последствий после сараевского убийства не последует. Но они просчитались.

Это было как раз то, что требовалось сторонникам войны. И произошло именно в нужное время. В Вене шутили, что убийцам надо поставить памятник за такой «подарок». Когда германский кайзер Вильгельм II получил сведения о теракте в

Фердинанда, какую роль в этом событии играли спецслужбы, тайные общества и масоны.

Сараево, он на полях документа написал по-немецки: «Теперь или никогда».

После убийства Франца-Фердинанда в австрийской и германской прессе начала набирать обороты невиданная по своим масштабам антисербская и антирусская истерия. Обывателей убеждали в том, что нити заговора против Вены ведут в Белград, а оттуда в Санкт-Петербург. Все громче и громче раздавались голоса с требованием немедленно покончить с Сербией как «политическим фактором Балкан».

Одно время среди историков и политиков шли многословные и жаркие дискуссии о том, какая страна несет основную ответственность за развязывание Первой мировой войны. Между тем достаточное количество документов на эту тему было опубликовано еще в 1920-е годы. Приведем текст одного из них – письмо министра иностранных дел Германии Г. фон Ягова немецкому послу в Лондоне князю К.М. Лихновскому в июле 1914 г.: «В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также не захотят сейчас войны. Через несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа между тем все более слабеет. В России это хорошо знают и поэтому, безусловно, хотят еще несколько лет покоя»[1]. Исходя из такой геополитической ситуации, в Берлине решили, что настало время действовать. И так думали тогда многие.

Широкое распространение получили агрессивные настроения и в столице Австро-Венгрии Вене. Здесь существовала влиятельная группа политических и военных деятелей, которая действительно стремилась к войне, но к войне локальной, региональной против Сербии, ну, в крайнем случае, против России, но уже никак против Франции и Британии, с которыми австрийцам делить, собственно, было нечего. Да и

[1] История Первой мировой войны. Т. 1. – С. 207.

Сербия, чье поведение определялось полной уверенностью в поддержке со стороны Российской империи, к мировой войне также не стремилась[1].

После теракта в Сараево в Вене две недели колебались по поводу мер, которые следует предпринять в дальнейшем. Все прекрасно понимали, что война против Сербии может вылиться в войну против России. Против решительных действий наиболее активно выступал влиятельный венгерский премьер-министр граф И. Тиссо. Он справедливо полагал, что нет достаточных оснований, по которым могли бы считать виновным в убийстве Франца-Фердинанда именно Сербию. Он также предупреждал Вену, что Австро-Венгрия может оказаться в невыгодном положении, представ перед всем миром в роли нарушителей мира, начав «большую войну в самых невыгодных условиях».

В такой обстановке сомнений и нерешительности в Вене было решено запросить мнение своего главного союзника – Берлина. Вильгельм II в своем дворце в Постдаме 5 июля принял австрийского посла Л. Сегени и на встрече с ним четко и ясно заявил: «С выступлением против Сербии не мешкать!» Тут же был намечен конкретный план расправы с Белградом. Расчет немцев был таков: если Россия не вступится за сербов, то в войне один на один Австро-Венгрия их разгромит, что пойдет на пользу центральным державам. А если Россия заступится за своего исторического союзника, то разразится большая война в выгодных для Берлина условиях. Об этой встрече посланник Сегени писал в Вену: «Сначала он (Вильгельм) меня заверил в том, что ожидает с нашей стороны серьезного выступления против Сербии. По мнению императора Вильгельма, нельзя мешкать с этим выступлением. Позиция России будет во всяком случае враждебной, но он к этому готовился в течение ряда лет, и если дело дойдет до войны между Австро-Венгрией и Россией, то можем не сомневаться в том, что Германия выполнит свой союзный долг и будет стоять на нашей стороне…»[1].

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 42.

На этой же встрече было решено выставить Сербии заведомо неприемлемый для нее ультиматум, отказ от выполнения которого послужил бы причиной вторжения австрийских войск в Сербию. Через два дня после беседы в Потсдаме, 7 июля, состоялось заседание Совета министров Австро-Венгрии. Принимая во внимание позицию Берлина, правительство Австро-Венгрии решило предъявить Сербии ультиматум, который был бы для нее невыполним. Лишь венгерский председатель совета министров был против такого решения. Все это неопровержимо свидетельствует о том, что именно немцы сделали первый и решающий шаг к мировой войне, бесцеремонно подталкивая своих младших партнеров по коалиции к крайним мерам[2].

Одновременно у союзников России по Антанте поначалу убийство наследника австрийского престола особой тревоги не вызвало. В Россию 20 июля на броненосце «Франс» прибыли с государственным визитом президент Франции Р. Пуанкаре и председатель правительства Р. Вивиани, которые подтвердили союзнические обязательства в случае войны России с Германией. Именно поэтому уже готовый австрийский ультиматум Сербии было решено не вручать правительству Н. Пашича до тех пор, пока французская делегация не отбудет на родину, таким образом, союзники лишались возможности быстро проконсультироваться по данному вопросу.

Как только Кронштадт покинул французский крейсер с президентом и премьер-министром, Австрия вручила сербскому правительству ультиматум. Это было 23 июля 1914 г. Для ответа Белграду был дан срок в 48 часов. Ультиматум начинался со слов о попустительстве сербского правительства

[1] Мировые войны XX века. Книга 2. Первая мировая война. Документы и материалы. – М., 2002. – С. 33.
[2] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 44.

антиавстрийскому движению в Боснии и Герцеговине и обви-
нении официального Белграда в организации террористиче-
ских актов, а далее следовало 10 конкретных требований. Они
гласили: «Не допускать никаких публикаций, возбуждающих
ненависть и презрение к монархии (австро-венгерской) и про-
никнутых общей тенденцией, направленной против ее терри-
ториальной неприкосновенности. Немедленно закрыть обще-
ство, называемое «Народная Одбрана», конфисковать все
средства пропаганды этого общества и принять те же меры
против других обществ и учреждений в Сербии, занимавших-
ся пропагандой против австро-венгерской монархии…

Незамедлительно исключить из действующих в Сербии
программ учебных заведений, как в отношении личного со-
става учащихся, так и в отношении способов обучения, все то,
что служит или могло бы служить распространению пропа-
ганды против Австро-Венгрии.

Удалить с военной и административной службы вообще
всех офицеров и должностных лиц, виновных по отношению к
австро-венгерской монархии, имена которых австро-
венгерское правительство оставляет за собою право сообщить
сербскому правительству вместе с указанием совершенных
ими деяний.

Допустить сотрудничество в Сербии австро-венгерских
органов в деле подавления революционного движения, на-
правленного против территориальной неприкосновенности
монархии.

Провести судебное расследование против участников за-
говора 15 июня, находившихся на сербской территории, при-
чем лица, командированные австро-венгерским правительст-
вом, примут участие в розыске вызываемых этим расследова-
нием».

Помимо того, австрийцы потребовали срочно арестовать
коменданта В.Танкосича и М. Цыгановича – сербских госу-
дарственных чиновников, скомпрометированных результата-
ми сараевского расследования; принять действенные меры к

воспрепятствованию оказания содействия сербским властям в
незаконной торговле оружием и взрывчатыми веществами че-
рез границу и уволить, подвергнув суровому наказанию, чи-
нов пограничной службы в Шабаце и Ложнице, виновных в
том, что они оказали содействие руководителям сараевского
покушения, облегчив им переезд через границу…

Срок на выполнение ультиматума австро-венгерское пра-
вительство предоставило до 18 часов 12(25) июля, то есть
48 часов.

Этот документ фактически являлся провокацией, особенно
в той его части, в которой требовалось предоставить австрий-
ским властям право провести следствие по делу об убийстве
наследника австрийского престола на территории Сербии. Но
та специально была составлена таким образом, чтобы ни одно
уважающее себя независимое государство не могло ее при-
нять.

После получения ультиматума сербское правительство об-
ратилось за помощью к России. «Нам дают 48-часовой срок
для принятия всего, в противном случае австро-венгерская
миссия выйдет из Белграда, – сообщал 24 июля Николаю II
сербский регент Александр. – Мы готовы принять те требова-
ния, которые совместимы с… (далее в документе пропуск –
Е.Т.) солидного государства, а также и те, кои Ваше Величе-
ство, по ознакомлении с ними, посоветует нам принять… Мы
не можем защититься. Посему молим Ваше Величество ока-
зать нам помощь возможно скорее»[1].

Как только в Петербурге было получено известие из Бел-
града об австрийском ультиматуме, министр иностранных дел
России Сергей Сазонов в сердцах воскликнул: «Это европей-
ская война!» Срочно были проведены консультации с союз-
ными послами. Французский посол М. Палеолог прямо заявил
о готовности его страны неуклонно выполнять все свои обяза-
тельства по отношению к союзникам по Антанте. Изложенная

[1] Цит. по: Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 46.

Дж. Бьюкененом позиция Англии, напротив, была уклончивой и не вполне определенной.

В этих условиях 11(24) июля 1914 г. в Петербурге состоялось заседание Совета министров, на котором было принято решение о согласованных действиях союзников и о совместном обращении их к Австро-Венгрии с просьбой – продлить срок ответа Сербии. Русское правительство обратилось также с советом Белграду – стремиться избежать открытого военного столкновения с Австрией и искать посредничества в конфликте у великих держав. Во втором пункте постановления русского правительства даже говорилось: «Одобрить предложение министра иностранных дел посоветовать сербскому правительству на случай, если положение Сербии таково, что она собственными силами не сможет защититься против возможного вооруженного наступления Австро-Венгрии, не противодействовать вооруженному вторжению на сербскую территорию, если таковое вторжение последует, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав»[1]. Одновременно С. Сазонов встретился с германским послом Ф. Пурталесом в надежде побудить Берлин миротворчески воздействовать на австрийцев.

Обратим внимание на ту политику, какую вела Великобритания в разгар июльского кризиса. Сразу после убийства наследника австрийского престола глава британской дипломатии сэр Грей выразил Вене глубокие сожаления, а затем на долгое время замолчал. Лишь 6 июля на встрече с германским послом в Лондоне Грей намекнул, что Англия не допустит уничтожения Франции. О России не было сказано ни слова. Через три дня Грей заявил все тому же германскому послу Лихновскому, что Англия не связана какими-либо союзными обязательствами ни с Россией, ни с Францией и сохранит свободу рук. При этом он был настроен весьма оптимистично. А австрийскому послу в Лондоне Грей говорил об ущербе мировой торговли, который может нанести война между четырьмя державами: Австро-Венгрией, Германией, Россией и Францией. О вероятном участии пятой державы – Англии – не было сказано ни слова. В связи с этим австро-венгерский посол в Берлине Сегени передал в Вену: «… германское правительство считает, что имеются верные признаки того, что Англия не приняла бы сейчас участия в войне, возникшей ради какой-либо балканской страны, даже если бы дошло до войны с Россией и даже, может быть, с Францией»[1].

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 46-47.

Таким образом, у Германии сложилось стойкое убеждение, что Великобритания не будет вмешиваться в Балканский конфликт, и это только придало агрессивности и самонадеянности кайзеру.

В назначенный австрийцами срок сербы приготовили ответ на их ультиматум. Ответная нота была составлена в предельно примирительных и дипломатических тонах. Из десяти пунктов требований Австро-Венгрии было принято девять, сербы отказались лишь допустить, чтобы следствие по убийству наследника престола вели австрийские чиновники – это было бы расценено всем миром как отказ Сербии от собственного суверенитета. Да и отказ этот был выражен в очень примирительных выражениях.

Однако австрийский посланник в Сербии барон В. Гизль, убедившись, что сербы не принимают один из пунктов ультиматума, затребовал свои паспорта и немедленно покинул Белград.

С этого момента события начали развиваться по нарастающей. В ответ на объявление Австро-Венгрией войны Сербии 28 июля и обстрела Белграда Россия объявила мобилизацию в четырех пограничных с Австро-Венгрией военных округах. Российская империя готова была прийти на помощь братской Сербии и оказать ей военную поддержку в случае агрессии со стороны Австро-Венгрии. В то же время русская

[1] Цит. по: Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 47.

дипломатия пыталась избежать военного столкновения с Германией и не желала открытого с ней разрыва.

На следующий день после объявления в России мобилизации в приграничных с Австро-Венгрией районах англичане открыли свои карты как настоящие шулеры. Германскому послу в Лондоне Лихновскому было заявлено, что Англия будет оставаться безучастной до тех пор, пока конфликт будет ограничен Австро-Венгрией и Россией, если же в него окажется втянута Франция, то Великобритания долго оставаться в стороне не станет. В Берлине это заявление произвело шок, а кайзер был просто взбешен. Вместо войны только против России и Франции немцам теперь предстояло воевать еще и против Англии, полностью господствовавшей на море и имевшей за счет обширных своих колоний значительные людские и сырьевые ресурсы. Вдобавок к этому, воевать на стороне центральных держав отказалась и участница Тройственного союза Италия, объявив, что в данном случае речь не идет об агрессии против Австро-Венгрии какой-либо державы, а поэтому она отказывается выполнять свои обязательства по союзу.

28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, на следующий день Белград был подвергнут австрийской бомбардировке. В тот же день в России вышло распоряжение о начале проведения частичной мобилизации, направленной только против Австро-Венгрии.

Император Николай II до последней минуты пытался избежать войны и, понимая, к чему могут привести поспешные действия в критический момент, старался сохранить хладнокровие. Между Николаем II и германским императором Вильгельмом II в эти дни шла интенсивная переписка. В очередной телеграмме кайзер просил царя не мешать ему приготовлениями русской армии, поскольку он, по его словам, делает все для того, чтобы помирить Австро-Венгрию и Россию. Видимо, подобным приемом кайзер пытался повлиять на ход проведения мобилизации в России, используя время в своих целях.

Царские министры С. Сазонов, В. Сухомлинов и начальник генерального штаба Н. Янушкевич 17(30) июля употребили все свое влияние, чтобы уговорить царя пойти на всеобщую мобилизацию. Около 4 часов дня Сазонов позвонил из Петергофа в столицу Янушкевичу и передал приказ царя о всеобщей мобилизации. В 6 часов вечера того же дня царский указ о всеобщей мобилизации русской армии был передан по телеграфу по всей стране.

На следующий день, 31 июля, германский посол в России от имени своего правительства потребовал от С. Сазонова прекращения мобилизации в течение 12 часов. 1 августа в семь часов вечера посол Германской империи в Санкт-Петербурге граф Пурталес пришел в особняк министерства иностранных дел на Певческом мосту в последний раз. И он, и министр Сазонов явно нервничали. Посол трижды повторил свой вопрос: прекратит ли Россия всеобщую мобилизацию? Трижды из уст министра услышал категорическое: «Нет». И тогда немец вручил ноту с объявлением войны.

Эта нота была составлена в Берлине в двух вариантах, более жестком и более мягком. Граф Пурталес, испытывая нервное перенапряжение и замешательство, вручил оба. На глазах посла показались слезы. Ведь он принадлежал к потомственной аристократии, тесно связанной с аристократией российской. Смутное предчувствие, что война между династиями Романовых и Гогенцоллнеров не кончится добром, по крайней мере, для одной из них, его мучительно тревожило. Подойдя к окну, посол разрыдался; потом, взяв себя в руки, обнял Сазонова и вышел из кабинета[1].

Удивительно, с какой поспешностью Германия объявила войну Российской империи. Это произошло вопреки планам военных, которые в качестве первоочередной задачи предусматривали разгром Франции на Западном фронте, и отсрочка от вступления в войну России, таким образом, им была только

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 51.

на руку. Как считает историк В.К. Шацилло, сей ход, видимо, «диктовался особенностями внутриполитической ситуации в Германии: немецким политикам было куда выгоднее заявить своим согражданам, что в Европе началась война против варварского царского самодержавия за торжество идеалов свободы и демократии, а не затеян новый передел мира в интересах Второго рейха»[1].

В тот же самый день, 1 августа 1914 г., используя совершенно надуманный предлог о провокациях со стороны французских пограничников и мнимых налетах французской авиации на спящих немецких бюргеров, немецкий канцлер составил текст объявления войны Франции. Нота была вручена французской стороне под вечер 3 августа, вслед за этим немецкие войска начали наступление на Париж через территорию нейтральных Бельгии и Люксембурга.

После этого немцам надо было как-то объяснить миру, почему они столь вероломно напали на Бельгию, чей нейтралитет давно был признан всеми ведущими европейскими державами, включая и саму Германию. В связи с этим канцлер Т. Бетман-Гольвег публично назвал международный договор о нейтралитете Бельгии «клочком бумаги», а затем официальные германские чины заявили о якобы готовящемся вторжении в эту страну французской армии и ультимативно потребовали пропустить в Бельгию для отражения «агрессии» немецкие войска. Бельгийским властям дали на размышление аж целые сутки.

Конечно, бельгийцы не подчинились диктату вероломного соседа и обратились за помощью к странам Антанты.

Лишь самым последним 4 августа 1914 года под предлогом защиты нейтралитета маленьких и беззащитных Бельгии и Люксембурга на стороне своих союзников по Антанте выступил Лондон вместе со всеми своими доминионами – Канадой, Индией, Австралией, Южноафриканским союзом. Англия по-

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 51.

требовала от Германии не нарушать нейтралитета Бельгии, грожая ей в противном случае войной. Не получив ответа от германского правительства, Великобритания вступила в войну. Затянувшийся в течение месяца этап дипломатической подготовки войны завершился раскатами боевых орудий на полях Европы. Так началась Первая мировая война или, как ее уже тогда называли современники, «Великая война».

В связи с этим встает вполне резонный вопрос: был ли у России шанс избежать той исторической участи, которая ее постигла в конечном итоге? В последнее время некоторые российские историки, политики и политологи, обращаясь к далеким временам 1914 года, стали утверждать, что внешняя политика России в то время была недальновидной, что нельзя было делать ставку на союз с демократическими Францией и Англией. Надо было предпринять максимум усилий для сохранения дружественных отношений с Германией, а союз с этой державой вообще позволил бы нашей стране занять вместе с ней доминирующее положение на европейском континенте. При этом многие опираются на мысли и идеи, высказанные видным российским государственным деятелем П.Н. Дурново еще в феврале 1914 года, то есть до начала войны. В своей записке этот сторонник русско-германского союза пророчески предвидел негативные последствия участия России в войне против Германии.

Как писал Дурново, «… после русско-японской войны наша дипломатия совершила крутой поворот и определенно стала на путь сближения с Англией. В орбиту английской политики была втянута Франция, образовалась группа держав тройственного согласия с преобладающим в ней влиянием Англии, и столкновение с группировавшимися вокруг Германии державами сделалось рано или поздно неизбежным…».

Автор записки не видел каких-либо реальных выгод от сближения России с Англией. В связи с этим борьба с Германией будет представлять огромные трудности и потребует неисчислимых жертв, считал Дурново. «Главная тяжесть войны

выпадет на долю России, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людскими ресурсами, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики». «Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем, сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить и сил, и внимания». Но мы не готовы к столь упорной борьбе, которою, несомненно, окажется будущая война европейских народов, считал автор.

«Жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств», утверждал этот опытный российский политик.

Общеевропейская война, независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России, и для Германии. В побежденной стране, по глубокому убеждению автора, неизбежно разразится социальная революция, которая, силою вещей, перекинется и в страну-победительницу.

Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Россия будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905-1906 годов. Война с Германией создает исключительно благоприятные условия для такой агитации.

Но и … Германии в случае поражения предстоит пережить не меньшие социальные потрясения. Слишком уж тяжело отразится на населении неудачная война…

Совокупность всего вышеизложенного не может не приводить к заключению, что сближение с Англией никаких благ нам не сулит, и английская ориентация нашей дипломатии по своему существу глубоко ошибочна. С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится.

Тройственное согласие – комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному, тесному сближению России, Германии, примиренной последней с Францией и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японии. Такая лишенная всякой агрессивности по отношению к прочим государствам политическая комбинация на долгие годы обеспечит мирное сожительство культурных наций, которому угрожают не воинственные замыслы Германии, как силится доказать английская дипломатия, а лишь вполне естественное стремление Англии во что бы то ни стало удержать ускользающее от нее господство над морями…»[1].

Дар предвидения у Дурново оказался потрясающим. Но можно ли согласиться с его основным выводом о необходимости союза с Германией?

Как утверждает В.К. Шацилло, «документы, обнаруженные в немецких архивах в последнее десятилетие учеными из различных стран, … неопровержимо свидетельствуют о том, что накануне 1914 года германское руководство в качестве основной своей цели поставило внешнеполитическую экспансию на Восток, которая предусматривала отторжение от Российской империи огромнейших территорий в Прибалтике, Польше, Украине и Белоруссии, Кавказе, навязывание России кабального торгового договора. Это, собственно, и было подтверждено в Брест-Литовске в марте 1918 года, даже тогда, когда судьба самой Германии висела на волоске и она стояла на краю бездонной пропасти… Нашей стране была уготована даже не участь младшего партнера, а аграрно-сырьевого придатка Второго рейха, призванного обслуживать все возрастающие потребности германских бюргеров. Союз Германии и

[1] Цит. по: Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 53-55., Бородин А.П. Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. – М.: Алгоритм, 2013. – С. 294-297.

России был возможен только на условиях фактического отказа последней от своего суверенитета.

В 1914 году у России уже не было поля для маневра. В случае нейтралитета в грядущей европейской войне страна в лучшем случае превратилась бы в сателлита Германии, распрощавшись с ролью великой державы. В худшем случае после неизбежного военного разгрома Франции наступила бы очередь России. Национальная экономика страны, в которой огромное место принадлежало французскому, бельгийскому, британскому капиталу, просто перестала бы существовать.

Ставка на Антанту давала, пусть и призрачную, возможность России сохранить себя в качестве одного из основных игроков на международной арене…»[1]. Исторические обстоятельства диктуют свою логику поведения, и события 1914 года стали ярким подтверждением этого. Мир неуклонно катился в бездну войны, и Россия в этом потоке была вынуждена занять ту позицию, которая, в конечном счете, привела ее к катастрофе.

Немцы начинают агрессию

Первые выстрелы Первой мировой войны прозвучали 2 августа 1914 года после того, как германский рейхсвер перешел границу своей империи в районе Трира и вторгся на территорию суверенного государства – Великого герцогства Люксембург. Нейтралитет этого государства был гарантирован международными договорами. Однако ни одна европейская страна, можно сказать, даже не пикнула в защиту Люксембурга. Немцы торопились этим вероломным актом как можно скорее захватить люксембургские железные дороги, важные для них в стратегическом плане. Утром 2 августа немцы были уже в столице герцогства – городе Люксембурге. При этом германские дипломаты лживо заявили, что Германия вынуждена ввести свои войска в Люксембург, поскольку якобы его хотят захватить французы. В действительности захват Люксембурга уже давно стоял в планах развертывания германских вооруженных сил и был разработан с немецкой педантичностью до деталей[1].

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 55-56.

А в ночь на 4 августа германские части без объявления войны перешли границу Бельгии и двинулись к крепости Льеж, расположенной в 30 километрах от границы. Эта крепость прикрывала переправы через реку Маас. Захват Льежа также спланирован был германским генштабом задолго до войны. Для этого выделялись шесть усиленных бригад и один пехотный полк, постоянно дислоцировавшиеся вблизи бельгийской границы, и три кавалерийские дивизии – всего 25 тысяч штыков, 8 тысяч сабель и 124 орудия.

Льеж был построен по последнему слову техники того времени. По опыту Порт-Артура, державшегося 9 месяцев, специалисты считали, что Льеж побьет этот рекорд или будет вообще неприступным. Длина его обвода составляла 50 км, а укрепления состояли из 12 главных фортов и 12 промежуточных. Каждый форт сам по себе представлял сильную крепость с гарнизоном в 400 человек, железобетонными укреплениями и подземными казематами. В Льеже было 400 орудий, пулеметы.

К вечеру 5 августа передовые германские части подошли к линии фортов Льежа, а сам захват крепости намечено было осуществить в ночь с 5 на 6 августа. Темная ночь и разразившаяся гроза с ливнем, казалось, благоприятствовали немцам. Однако расчеты их на внезапность не оправдались. Первые атаки бельгийцы отбили, и лишь на одном направлении немцы подошли к городу, где им удалось захватить старый форт Шартрез.

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. М., Яуза-ЭКСМО, 2010. С. 77.

Чтобы ускорить захват фортов Льежа, командующий второй германской армией генерал К. Бюлов выделил три армейских корпуса и довел численность атакующих войск до 100 тысяч человек. Но они подошли к Льежу лишь 12 августа, а после полудня 6 августа по фортам крепости открыла огонь тяжелая артиллерия 380 и 420 калибра. Под артиллерийским огнем невиданной ранее силы к 16 августа пали все форты Льежа. Тем самым дорога германским армиям в Бельгию была открыта. За свой первый «успех» немцы расплатились жизнями 25 тысяч человек, потерянных под стенами крепости[1].

6 августа 1914 г. началась огромное по масштабам перемещение германских войск. 550 поездов в день пересекали мосты через Рейн, более миллиона человек были перевезены в 11 тысячах поездов. По мосту Гогенцолнера в Кельне на протяжении первых двух недель войны поезда шли через каждые 10 минут. Это был шедевр военной организации.

Ко времени падения Льежа 1-ая и 2-ая германские армии подошли к Маасу и переправились через него, уже не встречая сопротивления. Так началось непосредственное осуществление плана Шлиффена, предусматривающего наступление главными силами на Францию через Бельгию и Люксембург.

Надо отдать должное бельгийцам и бельгийской армии. Лишенная помощи союзников, армия Бельгии сопротивлялась отчаянно, но слишком неравными были силы. 20 августа немцы захватили столицу государства, город Брюссель. После этого армия уже не могла оказать решительного противодействия немцам, но бельгийский народ не смирился с оккупацией и мужественно восстал против захватчиков. И чем больше углублялись немцы вглубь бельгийской территории, тем сильнее стали проявляться партизанские действия, выражавшиеся в вооруженных нападениях на мелкие части немецких войск, их разъезды, обозы и тыловые учреждения.

[1] История Первой Мировой войны 1914-1918. Т.1. Изд. Наука. М. 1975. С. 276.

20 августа немцы вступили в Брюссель. Через бельгийскую столицу они двигались сплошным потоком три дня и три ночи. Причем жителей особенно поразили полевые кухни немцев, готовившие пищу на ходу – казалось, будто эти полчища могут дойти куда угодно, вообще не нуждаясь в остановках. Между прочим, германский кайзер перенял полевые кухни у русских – он впервые увидел их на маневрах в Царском Селе, и они ему понравились.

На Брюссель немцы наложили контрибуцию в 500 млн. франков. Бельгийская армия в Антверпене была отрезана от французов. На ее преследование немцы выделили один корпус, а остальные войска повернули на юг. У бельгийцев еще оставалась сильная крепость Намюр, такая же как Льеж. Полагали, что она сумеет продержаться до подхода французов. Но французское командование не посылало сюда своих соединений, германские армии обтекали Намюр с двух сторон, избегая прямого штурма.

В этот период произошло сражение в Сербии. 12 августа 5-я и 6-я австрийские армии ринулись в наступление. Поначалу они имели успех, но уперлись в подготовленную сербами оборону на реке Ядар. Австрийские солдаты впервые попали в бой, легкомысленно настроились всего лишь на карательную экспедицию. А сербы были уже обстрелянными бойцами и сражались на высочайшем патриотическом подъеме. Они нанесли контрудар и прорвали фронт наступающих австрийцев. Враг побежал, к 24 августа его отбросили с сербской земли. Разгром был впечатляющим: сербы захватили 50 орудий и 50 тысяч пленных[1].

[1] Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2010. – С. 86-87; Шамбаров В.Е. Последняя битва императоров. Параллельная история Первой мировой войны. – М.: Изд-во Алгоритм. 2013. – С. 86-87.

Первые бои русских

Русский народ встретил войну с единодушным патриотическим подъемом. Санкт-Петербург был довольно быстро переименован в Петроград – символически открещиваясь от всего «немецкого», даже в названиях. Посольство Германии в Петербурге подверглось разграблению толпы при попустительстве столичной полиции.

«Патриотический подъем, охвативший Россию с самого начала войны, выразился в искреннем и единодушном стремлении всех слоев общества прийти на помощь нашей армии»[1], – писал генерал П.Г. Курлов, одно время являвшийся товарищем министра внутренних дел России. На призывные участки явились 96% от общего числа получивших призывные повестки, гораздо больше, чем ожидалось мобилизационными органами на местах по расчетам военного времени. В считанные дни численность русской армии была доведена до 5,3 млн. человек.

Патриотизм первых дней войны был, как свидетельствуют современники, искренним. В городах царило патриотическое приподнятое настроение, а в русских деревнях, откуда пошли на фронт миллионы солдат, никто не имел ни малейшего понятия, по какому поводу и за что ведется война. Но современники отмечали, что на японскую войну призывники шли неохотно, не понимая, зачем она нужна, зачем ехать в какую-то Маньчжурию. Но войну с Германией сразу восприняли как справедливую. Крестьяне осеняли себя крестным знамением и шагали на призывные пункты, не дожидаясь повесток. Было много добровольцев. Записывались в армию рабочие, даже те, кто имел «броню». Вставали в строй студенты, интеллигенция. В числе добровольцев были писатель Александр Куприн, поэт Николай Гумилев, стал медбратом Сергей Есенин. Пе-

[1] Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1991. – С. 183.

решел из студентов на курсы гардемаринов Иван Исаков – будущий адмирал советского флота. Группа учеников Костромской Духовной семинарии попросила сдать экзамены досрочно, чтобы идти воевать – среди них был будущий выдающийся маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский. Под Одессой, тайком забравшись в военный эшелон, убежал на фронт шестнадцатилетний мальчишка Родион Малиновский – тоже будущий маршал Советского Союза. Сумел уговорить, чтобы его приняли как сироту.

В стране на время войны был введен сухой закон, и люди восприняли его с полным пониманием, хотя на фронте и солдаты, и, особенно, офицеры нередко выражали неудовольствие. Сама война не называлась тогда Мировой. Этот термин утвердился значительно позже. В народе ее называли германской, а официально – Великой войной. А поскольку опасность нависла над самим Отечеством, и война началась при общей народной поддержке, то привилось и другое наименование – Вторая Отечественная. И даже Великая Отечественная.

Руководители почти всех политических партий России выразили готовность идти на жертвы, чтобы избавить страну и все славянские народы от германской экспансии. Они почти единодушно (исключая фракцию большевиков) объявили правительству о своей поддержке. Военные кредиты в Госдуме были приняты единогласно, и даже социалисты, воздержавшиеся от голосования, призывали рабочих защищать свое Отечество от неприятеля. Демократы ждали после сопутствующего войне национального единения наступления эпохи конституционных реформ.

2 августа 1914 года в громадном Георгиевском зале Зимнего дворца перед двором и офицерами гарнизона, в присутствии лишь одного иностранца – посла Франции Мориса Палеолога, император Николай II на чудотворной иконе Казанской Божией Матери (перед которой молился фельдмаршал М.И. Кутузов накануне отбытия к армии в Смоленск) повторил слова императора Александра I, сказанные в 1812 году:

«Офицеры моей гвардии, присутствующие здесь, я приветствую в вашем лице всю мою армию и благословляю ее. Я торжественно клянусь, что не заключу мира, пока останется хоть один враг на родной земле»[1].

Более часа обсуждали император Николай II и посол Великобритании Бьюкенен текст телеграммы королю Георгу, содержащей русский анализ причин начала войны.

Многие петербуржцы собрались перед дворцом посольства Англии. Волнение толпы продолжалось до 5 часов утра 3 августа, когда из лондонской резиденции Министерства иностранных дел поступила лаконичная телеграмма: «Война с Германией, действуйте». Посольство было завалено цветами. В присутствии царя Бьюкенен предложил тост за «две наиболее мощные империи в мире», которые после войны будут определять ход мировых дел, с чем Николай II «сердечно согласился».

В стенах Государственной думы в день объявления войны царила восторженная эйфория. Депутаты всех фракций прочувственно распинались в российском патриотизме и взывали к победе. Лишь представитель фракции социал-демократов Хаустов выступил против войны. Его выслушали беззлобно, дабы не портить праздник.

Через неделю думцы во главе со своим председателем М. Родзянко были приняты в Зимнем дворце. После приветствия императора Николая II в ответной речи Родзянко, завершившейся патетическим кличем «Дерзайте, государь, русский народ с вами», в зале будто воссияло. Николай II прослезился, приобнял главу ненавистной Думы. Великий князь и Верховный главнокомандующий Николай Николаевич хлопнул думского председателя по плечу: «Ну, Родзянко, теперь я тебе друг по гроб!» Военный министр Сухомлинов тут же предложил депутатам принять участие в снаряжении первого эшело-

[1] Цит. по: Уткин А.И. I-ая Мировая война. М.: Алгоритм, 2001. – С. 86.

на с подарками для солдат, что было принято с большим воодушевлением[1].

Можно считать, что первыми с русской стороны начали боевые операции моряки Балтийского флота. Ими командовал вице-адмирал Николай Оттович Эссен[2]. Это был прекрасный

[1] Кушниров М. «Тут война пошла буржуазная» // Родина, 2004. № 9. – С. 8.

[2] Эссен Николай Оттович родился 11 декабря 1860 года в семье статс-секретаря Отто Вильгельмовича Эссена, происходившего от пресекшегося графского рода из Голландии, поступившего на службу в России. В 20 лет Николай отлично завершил учебу в морском училище. По производству в гардемарины он ушел в двухлетнее заграничное плавание на фрегате «Герцог Эдинбургский». В 26 лет лейтенант Эссен закончил морскую академию. С 1892 по 1896 год молодой офицер ходил на кораблях Тихоокеанской, а затем на кораблях Средиземноморской эскадры. В возрасте 39 лет, пробыв почти 14 лет в чине лейтенанта, Николай Оттович был произведен в капитаны 2-го ранга. В 1902 г. в чине капитана 1-го ранга назначается командиром крейсера «Новик», а спустя год – эскадренного броненосца «Севастополь».

Н.О. Эссен служил флаг-капитаном командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала Степана Осиповича Макарова – выдающегося флотоводца и ученого, руководителя двух кругосветных плаваний, героя Русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Н.О. Эссен принимал участие в обороне Порт-Артура, за что был удостоен боевой награды.

По возвращении на Болтику контр-адмирал Эссен становится командиром 1-й минной дивизии, предназначенной главным образом для нанесения торпедных ударов по крупным боевым кораблям и отражения атак противника, а также для выполнения активных минных постановок, ведения разведки, несения дозорной службы и обеспечения боевых действий кораблей других классов. Дивизия имела 36 эсминцев и более 40 вспомогательных судов.

В 1909 г. Эссен стал начальником Морских сил Балтийского моря, а в 1911 г. – командующим Балтийским флотом с производством в вице-адмиралы. Принимал активное участие в разработке Закона об Российском императорском флоте, реализовывал Большую судостроительную программу.

Адмирал Эссен вплотную занимался вопросами взаимодействия между сухопутными войсками и силами флота в совместных действиях на приморском направлении. Он также являлся отцом разведки Балтийского фло-

морской начальник, отличившийся еще в русско-японской войне, сподвижник и друг адмирала В.О. Макарова. У рус ских на Балтике было 4 старых линкора, 10 крейсеров и 49 эс минцев. Германский флот на Балтике имел колоссальное пре восходство и мог нанести удар по Кронштадту и по столице. Чтобы предотвратить угрозу германского прорыва, самая уз кая часть Финского залива от Ревеля (Таллина) до Поркал-Уд перекрывалась восемью линиями минных заграждений. А ко рабли Балтийского флота и береговые батареи прикрывали их и должны были дать бой, если враг попытается протралить проходы.

Авторами плана были сам адмирал Н.О. Эссен и капитан I ранга Александр Васильевич Колчак[1] – известный в то время

Н.О. Эссен был награжден двенадцатью орденами, в том числе Св. Геор гия 3-й и 4-й степени, французским орденом Почетного легиона и англий ским Большим Крестом. Умер 9 мая 1915 года.

[1] Колчак Александр Васильевич родился 4 ноября 1874 года в поселке Обуховского завода в 15 верстах от Санкт-Петербурга в семье штаб капитана морской артиллерии. Корни рода Колчаков восходили к Илиас паше – высшего сановника турецкого султана. В 1739 г. Илиас-паша с сы ном оказался в русском плену и был вывезен в Центральную Россию. За тем они перебрались на юг Малороссии, где и осели основательно. Сле дующее поколение Колчаков приняли присягу на верность русскому царю и честью и правдой служили новой Родине в Бугском казачьем войске на реке Южный Буг.

Мать Александра Ольга Ильинична в девичестве Посохова, происходила из дворян Херсонской губернии. Отец ее был военным, в чине штаб капитана участвовал в походе русских войск в Хиву, а затем в Крымской войне, в последующем вышел в отставку и занимался земскими делами.

Александр вырос в семье военных. В детстве получил хорошее домашнее образование, затем окончил гимназию в Петербурге, кадетский Морской корпус. Служил на крейсере «Рюрик», где начал заниматься океанографи ческими исследованиями. Продолжил он их на Тихом океане на крейсере «Крейсер» и на эскадренном броненосце «Полтава». Активно занимался научными исследованиями на севере. Написал по результатам свой первый научный труд. Его заслуги были высоко оценены: Колчак был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, большой Константиновской медалью принят в действительные члены русского Географического общества

ученый-полярник, совершивший несколько смелых морских экспедиций. Он отличился при обороне Порт-Артура и еще в Русско-японской войне зарекомендовал себя мастером минного дела на море. Когда стало ясно, что неизбежно назревает война, Эссен несколько раз просил разрешения ставить мины

Один из островов Карского моря был назван тогда в честь лейтенанта Колчака (В конце 1930-х годов его переименовали в Растор-гусь – по имени матроса с яхты «Заря»). Участие в Русской полярной экспедиции принесло Александру Васильевичу популярность. Среди моряков его стали называть Колчак-Полярный.

В течение семи месяцев А.В. Колчак во главе команды из 17 человек вел поиски пропавшей экспедиции известного полярного исследователя Э.В. Толля в Ледовом океане. Это был необыкновенный и важный географический подвиг.

Принимал участие в войне с Японией на море и на суше. Командовал эскадренным «Сердитый» и возглавлял батарею 47 и 120-милимиметровых орудий в секторе Скалистых гор на северо-восточном участке обороны. После падения порт-Артура оказался в японском плену. Как больной пленный был возвращен в Россию через США.

В 1906 г. продолжил службу на Балтийском флоте. Командовал миноносцами, входил в штаб Балтийского флота. В начале 1914 г. был назначен командиром флагманского крейсера «Рюрик» и вступил в должность флаг капитана, то есть начальника оперативной части флота. Принимал активное участие в операциях кораблей Балтийского флота. В ноябре 1915 г. возглавил Минную дивизию флота. К нему в подчинение перешли и морские силы Рижског залива. В марте 1916 г. произведен в контр-адмиралы с оставлением в прежней должности.

В июле 1916 г. А.В. Колчак был назначен командующим Черноморским флотом, в задачу которого входило: обеспечение Черноморского побережья от периодических набегов быстроходных германских крейсеров и подводных лодок, организация для обеспечения боевых действий Кавказской армии, подготовка и осуществление десанта на Босфор для удара по Константинополю и выводу Турции из войны.

Командовал Черноморским флотом до июня 1917 г., когда по постановлению собрания делегатов от кораблей и частей был разоружен, как и все офицеры флота и решением Севастопольского совета снят с должности командующего флотом. С отъездом вице-адмирала Колчака в Петроград фактически оборвалась его служба на флоте, которому он отдал 30 лет своей жизни. Начинался новый этап его жизни, тесно связанный с белым движением в Сибири, закончившийся гибелью адмирала 7 февраля 1920 г.

в Финском заливе, однако царь запрещал это делать, пока остается надежда на мир. 31 июля поступили данные разведки, что германский флот двинулся на Балтику. Нападение могло грянуть внезапно, как это было уже в Порт-Артуре. Эссен доложил в Петербург: «Считаю необходимым тотчас же поставить заграждения, боюсь опоздать. Если не получу ответа сегодня ночью, утром поставлю заграждения».

Он решил действовать на свой страх и риск, готов был пожертвовать собственной карьерой. Вывел в море корабли, но как раз в эту ночь Россия получила германский ультиматум. В 4.15 Эссен получил радиограмму: «Разрешаю поставить главные заграждения, Николай». Позднее стало известно, что кайзер Вильгельм действительно намеревался начать войну массированным ударом с моря. Но в это время британский флот по команде У. Черчилля перемещался в Скапа-Флоу. Кайзера обеспокоили эти маневры и он счел, что англичане могут атаковать побережье Германии, и приказа о рейде на Петроград не отдал[1].

На период развертывания главных сил по обе стороны выставляли на границу завесу из кавалерийских частей. 4-5 августа 1914 г. у города Кибарт в Восточной Пруссии произошли первые стычки между русской и германской конницей. А 12 августа возле литовского местечка Торжок пост из пяти казаков третьего Донского им. Ермака Тимофеевича полка заметил разъезд вражеских драгун, заехавших на русскую территорию. Немцев было 27 человек, но русские казаки их атаковали с гиком и свистом, хотели загнать под огонь соседнего поста, на котором было 6 казаков шестой сотни. Однако соседи уже отошли, а противник разобрался, что казаков мало-то, перешел в контратаку, завязалась схватка с нашими четырьмя бойцами. В ней особенно отличился ефрейтор Козьма Крючков. Он отстреливался, пытался рубиться шашкой, но ей работать против всадников, вооруженных пиками, было труд-

[1] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 74-75.

но. Тогда Крючков поднял коня на дыбы, вырвал у одного из драгун его пику и начал отбивать удары разъяренного противника. Он сразил 11 неприятелей, получив 16 ран колотых и 17-ю - рубленую. Из 27 германцев было убито 22, из них 11 – Крючковым. Уцелевшие немецкие драгуны бежали на свою территорию.

Козьма Крючков первым из русских воинов в этой войне был награжден Георгиевским крестом 4-й степени для нижних чинов.

Верховный главнокомандующий

С началом военных действий царь назначил своего двоюродного дядю, великого князя Николая Николаевича (младшего), Верховным главнокомандующим русской армии. Этот шаг Николая II был неоднозначно воспринят современниками. Многие ожидали, что в тяжелый час испытаний государь сам возглавит армию. До войны именно так и предполагалось сделать, что не противоречило желанию и самого царя. Однако его министры – И. Горемыкин, А. Кривошеин, адмирал И. Григорович и, особенно, министр иностранных дел С. Сазонов – активно отговаривали от этого шага Николая II, ссылаясь на то, что он не должен рисковать своим авторитетом и властью, предводительствуя в войне, которая могла быть более продолжительной, чем предполагали военные. К тому же в условиях мобилизации армии и решения множества сложных вопросов (в том числе дипломатических), государственные интересы требовали присутствия императора в столице, а не в ставке в г. Барановичи – за тысячу километров от Петербурга. Великий князь Николай Николаевич назначался Верховным главнокомандующим с существенной оговоркой, что это делается временно, пока сам государь не примет командования[1].

[1] Новейшая отечественная история. XX век. Книга 1. М.: Владос. 2004. – С. 114-115.

Великий князь Николай Николаевич-младший родился 18 ноября 1856 года в семье великого князя Николая Николаевича-старшего. Он приходился племянником императору Александру II и двоюродным дядей императору Николаю II. В пятнадцатилетнем возрасте Николай Николаевич был зачислен юнкером в Николаевское инженерное училище, из которого в следующем году был выпущен прапорщиком в учебный пехотный батальон, дислоцированный в столице. Закрепив на практике навык в командовании подразделением, через год великий князь был произведен в подпоручики и переведен в учебный кавалерийский эскадрон для изучения тактики этого рода войск. Не довольствуясь знаниями, полученными в училище, Николай Николаевич поступил на учебу в Николаевскую академию Генерального штаба – ведущее военно-учебное заведение страны.

В учебе великий князь проявлял немалое усердие и в 1876 г. окончил академию с серебряной медалью. Его имя было занесено на мраморную доску. До этого, за 44 года существования этого военно-учебного заведения всего 2 выпускника были удостоены золотой медали и 54 – серебряной. За отличие в учебе Николай Николаевич был произведен в капитаны, причислен к Генеральному штабу и получил почетное звание флигель-адъютанта, то есть отнесен к свите его императорского величества.

С началом Русско-турецкой войны 1 877-1878 годов великий князь был определен офицером для особых поручений при отце – главнокомандующем Дунайской армией. В числе первых он переправился через Дунай с дивизией, которой командовал М.И. Драгомиров. Он участвовал штурме Систовских высот. За храбрость, проявленную в боях, Николай Николаевич был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В последующем великий князь участвовал в штурме и захвате Шипкинского перевала, за что был награжден Золотым орденом с надписью «За храбрость» и произведен в полковники.

На этом боевая практика будущего главнокомандующего вооруженными силами России закончилась[1].

В 1895 году был назначен генерал-инспектором кавалерии и в этой должности пребывал до 1905 года. С 1905 года он – командующий войсками гвардии Петербургского военного округа. Как и все члены Дома Романовых, он получил хорошее военное образование, был прекрасным наездником и хорошим кавалерийским начальником. Именно при деятельном участии великого князя в России был принят хороший кавалерийский устав. Генерал А.А. Мосолов, начальник канцелярии министра двора, писал о нем: «Следует отдать должное великому князю; он сделал многое для воспитания и приведения в порядок нашей кавалерии. При нем она могла считаться одной из лучших в мире»[2].

О заслугах великого князя как кавалерийского начальника писал даже такой его непримиримый враг, как генерал В.А. Сухомлинов: «Как инспектор кавалерии Николай Николаевич действительно оказал большие услуги армии. Сам он был хороший и выносливый ездок»[3].

Но уже тогда подчиненные отмечали грубость, нетерпимость и мелочность великого князя Николая Николаевича, его огромное самомнение и стремление доминировать во всем. Все эти качества выявились в полной мере тогда, когда великий князь начал активно вмешиваться во внутренние дела государства. Великий князь Александр Михайлович дает следующую характеристику своему двоюродному брату: «Мой двоюродный брат Николаша был превосходным строевым офицером. Не было равных ему в искусстве поддерживать

---

[1] Рунов В.А. Полководцы Первой мировой. Русская армия в лицах. М., «Яуза» – «ЭКСМО». 2014. – С. 67-69.

[2] Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб.: Наука, 1992. – С. 145.

[3] Цит. по: Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое…» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. М.: «Форум», 2007. – С. 26.

строевую дисциплину, обучать солдат и готовить строевые смотры. Как все военные, привыкшие иметь дело со строго определенными заданиями, Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила желаемого эффекта. Из всех членов императорской семьи великий князь Николай Николаевич имел самое большое влияние на наши государственные дела. Он отличался редкой четностью, но ограниченностью ума, был превосходным строевым офицером, но никудышным политиком»[1].

Николай Николаевич не пожелал участвовать в русско-японской войне лишь потому, что не ладил с адмиралом Е.И. Алексеевым, поставленным царем наместником на Дальнем Востоке.

В 1906 году великий князь Николай Николаевич возглавил Совет обороны. Он предлагал полностью перестроить армию, в частности, ликвидировать резервные войска и ввести единообразие военной организации для всей армии[2]. Великий князь предлагал нацеливать армию на наступательную войну. При этом он был горячим сторонником Франции и Англии и противником Германии. Эти свои чувства он переносил на вопросы политики, что грозило самыми непредвиденными осложнениями. П.А. Столыпин про великого князя Николая Николаевича говорил так: «Удивительно он резок, упрям и бездарен. Все его стремления направлены только к войне, что при его безграничной ненависти к Германии очень опасно. Понять, что нам нужен сейчас мир и спокойное дружное строительство, он не желает и на все доводы отвечает грубостями. Не будь миролюбия Государя, он много мог бы погубить»[3].

[1] Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. Две книги в одном томе. Захаров. М.: АСТ, 1999. – С. 140-141.
[2] Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М.: РОСПЭН, 2000. – С. 124.
[3] Бок (Столыпина) М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М., 1992. – С. 234.

Великий князь любил публично заявлять о своих воинственных намерениях. Немецкий историк Вернер Бемельбург писал: «Осенью 1912 года великий князь Николай Николаевич, который присутствовал на больших французских маневрах как представитель Империи царей, поднял на прощальном ужине свой полный бокал шампанского и воскликнул под восторженные аплодисменты французских офицеров: «Я пью за нашу общую будущую победу! До встречи в Берлине, господа!»[1]

Из многочисленных характеристик великого князя Николая Николаевича приведем на страницах этой книги еще одну. Князь Владимир Трубецкой в своих впечатлениях о великом князе писал: «Великий князь выглядел на коне весьма эффектно. Несмотря на то, что он обладал огромнейшим ростом и чрезмерно длинными ногами, у него была та идеальная, несколько кокетливая, «николаевская» посадка кавалериста старой школы, посадка, которая так красила всадника, сливая его с конем в нераздельное и гармоничное целое. Одет был Николай Николаевич в китель защитного цвета с золотым генерал-адъютантским аксельбантом и простой походной ременной амуницией. На голове у него была по-кавалерийски заломленная мятая защитного цвета фуражка, на ногах длинные рейтузы с яркими лампасами. В то же время он был уже в годах, однако все еще выглядел моложаво. Его лицо, заканчивающееся книзу небольшой бородкой, было загорелое и неправильное. Оно не было красивым, но надолго врезалось в память, потому что оно не было обыкновенным военным лицом пошлого генерала. Это было совсем иное лицо очень большого начальника – вождя – властное, строгое, открытое, решительное и вместе с тем гордое лицо. Взгляд его глаз был пристальный, хищный, как бы всевидящий и ничего не прощаю-

[1] Цит. по: Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое…» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. М.: «Форум», 2007. – С. 28.

щий. Движения – уверенные и непринужденные, голос ре кий, громкий, немного гортанный, привыкший командовать выкрикивающий слова с какой-то полупрезрительной не брежностью. Николай Николаевич был гвардеец с ног до го ловы, гвардеец до мозга костей. И все-таки второго такого гвардии не было. Несмотря на то, что многие офицеры стара лись копировать его манеры, он был неподражаем. Престиж его в то время был огромен. Все трепетали перед ним, а уго дить ему на учениях было нелегко»[1].

В этом отрывке, в общем-то, весьма положительном для великого князя, тем не менее, просматриваются те его черты, которые впоследствии будут играть немалую роль в военных неудачах нашей армии: «полупрезрительное» отношение к людям, «хищность» и «беспощадность». Однако, если бы эти черты сочетались в великом князе с огромным военным дарованием, то о них можно было бы забыть, сославшись на оригинальность гения. Но в том-то и дело, что за образом «отличного служаки скрывался весьма посредственный стратег», но об этом до начала мировой войны знали немногие.

Ставка Верховного главнокомандующего развернулась в Барановичах. При Верховном состоял штаб, который включал ряд управлений. Важнейшими из них были: генерал-квартирмейстера (ведало разработкой оперативных вопросов), дежурного генерала (занималось организационными вопросами, в том числе укомплектованием войск кадрами), начальника военных сообщений, военно-морской, коменданта главной квартиры. В штате Ставки летом 1914 года насчитывалось 9 генералов, 38 офицеров, 12 чиновников, около 150 солдат. В последующие годы состав Ставки возрос до 2 тыс. человек.

[1] Цит. по: Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое…». – С. 32-33.

Северо-Западный фронт идет в наступление

Театр военных действий был образован из двух фронтов – Северо-Западного (главком Я. Жилинский) против Германии и Юго-Западного (главком Н. Иванов) против Австро-Венгрии. Несколько позднее была развернута отдельная Кавказская армия, предназначенная для борьбы с Турцией. Вся территория империи делилась на 2 части: фронтовую и внутреннюю, тыловую. Верховный главнокомандующий получал неограниченные права на фронте, подчиняясь непосредственно царю. В тылу войска по-прежнему подчинялись военному министру Сухомлинову. В его ведении оставалось боевое снабжение всей русской армии. Таким образом, с самого начала войны было поставлено под угрозу единство фронта и тыла. Это самым отрицательным образом сказалось на организации всенародного отпора врагу.

Возникший в короткие августовские дни Восточный фронт простирался на полторы тысячи километров между Мемелем на Балтике и Буковиной в предгорьях Карпат. Военные планы России предусматривали не одну, а сразу две наступательные операции – против Австро-Венгрии и Германии. Но это было самое оптимальное решение. Если все силы направить против Австро-Венгрии, немцы без помех могли бы раздавить Францию, а потом перенацелиться на восток, против России. А если бы наши армии были брошены на Германию, они получили бы мощный удар во фланг и тыл со стороны Австро-Венгрии. Кроме того, подобный вариант обрекал на гибель Сербию. Не только союзники были заинтересованы в русской помощи, но и сама Россия была заинтересована, чтобы выручить их и не остаться в одиночестве против своих врагов.

Серьезной проблемой нашей страны были сроки сосредоточения войск – сложно было перебросить вновь формируемые по мобилизации полки по бескрайним просторам России. Но генштаб нашел весьма мудрый выход: поэтапное развертывание частей. На 15-й день мобилизации на фронте сосре-

доточить одну треть всех войск. Через 8 дней добавлялась еще одна треть. К 30-40-му дню мобилизации вводилось еще 15-17%. А потом прибывали войска из Сибири. Германия и Франция все еще использовали примитивную стратегию прошлых веков, а русские впервые применили эшелонирование боевых порядков. Ведь на самом деле не обязательно сразу бросать в бой всю массу войск. Для начала операции достаточно лишь части сил, а остальные можно вводить в бой по мере их подхода и готовности. Это позволяло маневрировать войсками, наращивать удары в глубину. Поэтому Северо-Западный фронт должен был перейти в наступление на 18-й день мобилизации – 17 августа, а Юго-Западный на 20-й день – 19 августа.

Однако не все военноначальники соответствовали задачам, возложенным на них. Главнокомандующим Северо-Западным фронтом был назначен 61-летний генерал от кавалерии Яков Григорьевич Жилинский[1]. Перед самой войной стал командо-

[1] Жилинский Яков Григорьевич родился 15 (27) марта 1853 года в Рязанской губернии в семье потомственных дворян, корни которых уходили в смоленское шляхетство. Его предки служили российскому престолу в разных чинах и были жалованы государем деревнями. Отец Якова Григорий Иванович 25 лет отдал служению в русской армии, выслужив чин майора. В 20-летнем возрасте Яков поступил на военную службу в 1-й гвардейский Сумский его королевского величества наследника принца Датского полк. Через год был зачислен в Николаевское кавалерийское училище, которое корнет Жилинской закончил в 1876 году по первому разряду.
Офицерскую службу Жилинский начал в том же полку, из которого поступил в училище, а позднее переводится в Кавалергардский его величества полк. Поступает в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил по первому разряду, был причислен к Генарльному штабу. Являлся квартирмейстером в штабе 1-ой гренадерской дивизии, а затем 13 лет проработал в военно-учетном комитете Главного штаба. Принимал активное участие в исследовании военного опыта иностранных государств, в результате чего появились первые научные труды, не подлежащие в то время оглашению. За свои труды был удостоен ряда российских и зарубежных наград.

В декабре 1896 г. служба полковника Жилинского в Главном штабе прерывается, он прикомандировывается на полтора года к лейб-гвардии Уланскому полку для практического изучения кавалерийской службы. По истечении назначенного срока Яков Григорьевич назначается в распоряжение начальника Главного штаба.
В мае 1898 г. он направляется на театр испано-американской войны на остров Кубу в качестве военного агента России при испанской армии. Через 5 месяцев вернулся в Россию и представил отчет, в котором выявил причины поражений испанской армии, сделал полезные для российской армии обобщения и выводы. Этот отчет внимательно изучался в войсках и военно-учебных заведениях. Испанское правительство наградило полковника Жилинского орденом, а император Николай II присвоеил ему почетное звание гражданина города Михайлова Рязанской губернии, на территории которой Яков Григорьевич имел родовое наследство в 670 гектаров земли.
Полковник Жилинский был включен в состав делегации Военного министерства на Гаагскую конференцию, на которой 26 государств приняло три конвенции о законах и обычаях войны.
В августе 1899 г. Я.Г. Жилинский вступил в коандование 52-м драгунским Нежинском полком, через год, в возрасте 47 лет, он был произведен в генерал-майоры и назначен на пост генерал-квартирмейстера Главного штаба, в круг видения которого входила тогда вся служба Генерального штаба. Его усердие по службе за это время было отмечено восемью отечественными и зарубежными орденами, а также подарком с вензелевым изображением имени Его императорского Величества.
С началом русско-японской войны 1904-1905 гг. Жилинский назначается на должность начальника штаба при главнокомандующем всеми сухопутными силами, действовавшими против Японии, адмирале и генерал-адъютанте Е.И. Алексееве. При штабе главнокомандующего состоял многочисленный штат адъютантов, генералов, штаб и обер-офицеров Генерального штаба (свыше 100 человек).
Но между царским наместником и начальником штаба взаимодоверие отсутствовало. Это было следствием того, что наместник Алексеев хотел иметь начальником штаба своего старого постоянного и доверенного сотрудника 44-летнего генерала В.Е. Флуга.
Но в Петербурге сочли, что он слишком молод и послали к наместнику генерала Жилинского. Генерал Флуг оставался при наместнике в роли генерал-квартирмейстера, служил передаточным звеном между наместником и начальником штаба. Такая связь была очень опасной, разъединявшей двух весьма важных должностных лиц, живших в отдельных поездах и сравнительно редко встречавшихся.

вать Варшавским военным округом, но с этой должностью освоиться не успел, был назначен главкомом фронта, во главе которого чувствовал себя неуверенно.

А между тем в его распоряжении оказались немалые силы, на фронте предполагалось развернуть 30 пехотных и 9,5 кавалерийских дивизий, из них к началу наступления – 17,5 пехотных и 8,5 кавалерийских. План военных действий диктовался самой картой Восточной Пруссии. У побережья располагался мощный Кенигсбергский укрепрайон. Южнее – система Мазурских озер и крепость Летци. 1-ая армия должна была с востока, с рубежа р. Неман, наступать в промежуток между этими препятствиями. 2-я армия шла с юга, с рубежа р. Нарев, обходила Мазурские озера и Летци с другой стороны. Они должны были соединиться у г. Алленштайн, расчленив, таким образом, вражескую группировку и разгромив ее.

В октябре 1904 г. с ликвидацией штаба наместника, завершилась деятельность Я.Г. Жилинского в русско-японской войне. По возвращению в столицу Жилинский около полутора лет командовал 14-й кавалерийской дивизией Варшавского военного округа. Затем он был назначен командиром 10-го армейского корпуса.

22 февраля 1911 года Я.Г. Жилинский принял должность начальника Генерального штаба Сухопутных войск Российской империи, сменив на этом посту генерала Ф.Ф. Палицына. В этой должности Яков Григорьевич принимал участие в разработке и согласовании планов ведения войны с союзными штабами стран Антанты.

В начале 1914 г. в возрасте 67 умер варшавский генерал-губернатор и командующий восками Варшавского военного округа генерал-адъютант от кавалерии Г.А. Скалон. Приемником его стал генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский, который к этому времени утратил симпатии со стороны как военного министра В.А. Сухомлинова, так и царя Николая II. Новым начальником Генерального штаба был назначен начальник императорской Военной академии генерал Н.Н. Янушкевич.

С началом Первой мировой войны согласно стратегическому плану в командование Северо-Западным фронтом вступил генерал-губернатор и командующий восками Варшавского военного округа генерал Я.Г. Жилинский.

Но в полосе 1-ой армии, в Прибалтике, была развитая сеть железных дорог, сюда можно было быстро направить войска из столичного округа. В Польше, в полосе 2-ой армии, с транспортом было хуже, полки подводились издалека. Срок готовности получался разным, и командование приняло ошибочное решение. Оно приказало армиям открывать боевые действия не синхронно, а по очереди. Кроме того, поступили данные разведки, что главные силы немцев собраны в Пруссии, а границу в Польше прикрывает лишь ландверный корпус. В связи с этим возник импровизированный план – собрать новую, непредусмотренную группировку войск, а когда Северо-Западный и Юго-Западный фронт свяжут противника на флангах, ударить прямо по Берлину. Эта идея понравилась Жилинскому. И он вместо того, чтобы направлять прибывающие части на усиление 1-й и 2-й армий, начал формировать из них новую, 9-ю армию, нацеливаемую для похода на Берлин.

10 августа Ставка приказала Северо-Западному фронту: «Германия направила свои главные силы против Франции, оставив против нас меньшую часть своих сил… Необходимо в силу союзнических обязательств поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев… Армиям Северо-Западного фронта необходимо теперь же подготовиться к тому, чтобы в ближайшее время, осенив себя крестным знамением, перейти в спокойное и планомерное наступление»[1].

Главной целью русского наступления стала Восточная Пруссия – страна озер и болот, ставшая пашней Германии, благодаря удивительному трудолюбию немецких крестьян. Они применили дренаж и опоясали эту страну туманов и лесов сетью дорог. Военной особенностью Восточной Пруссии была линия выдвинутых вперед укреплений, получивших на-

---

[1] Уткин А.А. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич. 2000. – С. 41.

звание «линии Ангерап». За ней настоящим щитом Берлин располагались четыре германские крепости – Кенигсберг, Торн, Позен и Бреслау. В каждой из них после мобилизации было до 40 тысяч войск. Соединявшие их дороги были результатом железнодорожного искусства – эти дороги позволяли перемещать большие контингенты войск в кратчайшие сроки.

Изменение русского стратегического плана – ускорение развертывания войск – противоречило мнению профессиональных военных. Приказ о наступлении в Восточной Пруссии издал командующий Северо-Западным фронтом генерал Жилинский. Видимо, этот приказ был результатом рискованного обещания, данного Жилинским генералу Жоффру во время визита в Париж в 1913 году: Россия выставит на пятнадцатый день войны 800 тысяч солдат для наступления против Германии. Окружавшие Жилинского эксперты выступали тогда против столь определенного обещания. Французскому военному атташе генералу Лагишу Жилинский в сердцах сказал: «История проклянет меня, но я отдал приказ двигаться вперед»[1].

Таким образом, Я. Жилинский сам изначально считал, что неподготовленное наступление в Восточной Пруссии обречено на неудачу, потому что русские войска были разбросаны и перемещение с целью их концентрации встретит много препятствий. Местность была пересечена лесами, реками и озерами, «разжавшими» кулак наступающих армий. Армия еще не была организована, а местность с ее лесами и болотами была своего рода губкой, впитывающей в себя войска. Начальник генштаба русской армии генерал Янушкевич[2] разде-

[1] Цит. по: Уткин А.А. Забытая трагедия. – С. 41-42.

[2] Янушкевич Николай Николаевич родился 1 мая 1868 г. в Петербурге, окончил Михайловское артиллерийское училище, в 1896 г. – Академию Генрального штаба. Службу проходил в Киевском военном округе, а с 1897 г. работал на различных административных должностях в Главном штабе, Военном совете и канцелярии Военного министерства, с 1905 года

ял мнение Жилинского и отговаривал великого князя Николая Николаевича от наступления.

Но перед Россией стоял высший вопрос сохранения солидарности с Западом, и Россия принесла жертву. Британский посол Бьюкенен писал в связи с этим: «Если бы Россия считалась только со своими интересами, это не был бы для нее наилучший способ действия, но ей приходилось считаться со своими союзниками. Наступление германской армии на западе вызвало необходимость отвлечь ее на восток. Поэтому первоначальный план был соответствующим образом изменен, и 17 августа, на следующий день после окончания мобилизации, армии генералов Ренненкампфа и Самсонова начали наступление на Восточную Пруссию.... Россия не могла оставаться глухой к голосу союзника, столица которого оказалась под угрозой».

Под общим командованием генерала Я. Жилинского 17 августа 1914 г. русские войска в составе двух армий (1-я Ренненкампфа и 2-я Самсонова) вступили на германскую территорию. Идея заключалась в том, чтобы двумя огромными клещами, создаваемыми первой и второй русскими армиями, окружить войска генерал-полковника фон Притвица, защищавшего Восточную Пруссию. Первая армия генерала Ренненкампфа выступила прямо на запад в центр юнкерской Пруссии, а Самсонов должен был проделать серповидное движение и сомкнуться с ней с юга, примерно в районе Мазурских озер. Тогда дорога на Берлин была бы открыта.

заведующий законодательным отделом канцелярии Военного министерства, генерал-майор, 1911 – помощник начальника канцелярии. В 1913 г. был назначен начальником академии Генерального штаба. Именно тогда, по мнению современников, он и приглянулся великому князю Николаю Николаевичу своим веселым характером, шутками, анекдотами, умением вести застолье...

Одновременно с январем 1910 года экстраординарный, а с октября 1911 года – ординарный профессор военной администрации в Николаевской военной академии Генерального штаба.

Это был весьма смелый замысел. Но он требовал четкой координации всех участвующих в нем сторон. Однако Жилинский, мало служивший в полевых условиях, не знал, как вести наступательные бои. Он оказался бесталанным и беспечным организатором и сразу же допустил несколько грубых ошибок. Прежде всего, он не обеспечил надлежащую связь с обеими наступающими армиями. Он оставил артиллерию в безнадежно устаревших крепостях. Дивизии резерва никак не были связаны с вступившими в боевые соприкосновения войсками. Немцы знали, что войска Ренненкампфа превосходят их по численности, но они также знали, что у русских нет под рукой готовых к бою резервов.

Тогдашние генералы еще не предполагали, что 70% потерь в наступившей войне будет приходиться на огонь артиллерии. В состав русской дивизии входило шесть батарей легких орудий, а в состав германской дивизии – двенадцать батарей, из которых три батареи тяжелых орудий. Огневая сила германской пехотной дивизии в среднем равнялась огневой силе более чем полутора русских пехотных дивизий[1].

В Восточной Пруссии нашим войскам противостояла 8-я армия фон Притвица. У него было 15 пехотных дивизий, а в двух противостоящих ему русских армиях – 17,5, но после того, как часть сил русских раздергали в 9-ю армию, осталось лишь 13 дивизий. Правда, у русских был заметный перевес в коннице, но в лесах и болотах Восточной Пруссии действовать ей было очень неудобно. В итоге получилось, что численным превосходством русские почти не обладали. А в наступлении численное превосходство имеет решающее значение. Это один из законов военного искусства.

[1] Уткин А.А. Забытая трагедия. – С. 43-44.

Первые победы в Восточной Пруссии

Оба командующих армиями – Ренненкампф и Самсонов – были назначены на свои должности по критерию компетентности, опыта и энергии. Оба воевали в Маньчжурии и представляли собой лучшие кадры русской армии. П.К. Ренненкампф[1], происходивший из старинной остзейской немецкой семьи, был умелым и боевым военачальником.

[1] Ренненкампф Павел Карлович родился 17 апреля 1854 года в семье потомственных дворян Эстляндской губернии. В 16 лет поступил на службу в 89-й Беломорский пехотный полк унтер-офицером, через 5 месяцев был направлен в Гельсингфорское пехотное юнкерское училище, которое окончил с высокими результатами. Полковую службу начал в июне 1882 г. В 25 лет штаб-ротмистр Ренненкампф поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Окончив академию по первому разряду, был причислен к Генеральному штабу и направлен в Варшавский военный округ обер-офицером для поручений при штабе 14-го армейского корпуса. Командовал ротой, исполнял должности офицера для поручений при штабе Казанского военного округа, старшего адъюнкта штаба Донского войска, начальника штаба Осовецкой крепости, начальника штаба 14-й кавалерийской дивизии.
Будучи командиром 360-го Ахтырского драгунского полка, Павел Карлович «отличился» тем, что посягнул на казенный денежный сундук. Командующий Киевским военным округом генерал М.И. Драгомиров предложил ему убраться. Но сработали какие-то неизвестные связи, и он уехал в Сибирь, получив назначение на должность начальника штаба войск Забайкальской области. В апреле 1890 г. Ренненкампф был произведен в полковники, а ровно через 10 лет, в возрасте 46 лет ему было присвоено военное звание генерал-майора.
В 1900 году имя Ренненкампфа стало известно всей России. Участвуя в подавлении «боксерского восстания», он совершил дерзкий рейд по Маньчжурии, прошел с боями 500 километров, с несколькими казачьими сотнями, внезапными налетами брал города, разоружал огромные гарнизоны китайцев. Спас тысячи русских рабочих и членов их семей, приговоренных китайцами к смерти. В ходе этих рейдов генерал Ренненкампф не только громил повстанческие китайские отряды, но и захватывал большие запасы серебра, которые добывались и хранились в этой местности. За умелое руководство отрядами Павел Карлович был награжден орденами Св. Георгия 4-й степени и 3-й степени.

В русско-японской войне Павел Карлович командовал смешанным отр
дом, состоявшим из пехоты, кавалерии и артиллерии, действуя на фланг
армии. Все без исключения современники отмечали личное бесстраш
Ренненкампфа. Храбрый генерал с маузером в руке лично водил в ата
цепи пехоты, почти всегда оказывался невредимым. Лишь однажды
был ранен в ногу. Но через два месяца после выздоровления, Ренненкам
вновь возвратился в отряд, которым руководил до конца войны. За геро
ческие личные поступки генерал был награжден золотым оружием с на
писью «За храбрость» и орденом Св. Станислава 1-й степени.

По окончании войны генерал-лейтенант Ренненкампф был назначен ко
мандиром 7-го Сибирского армейского корпуса и его имя снова замелька
ло на страницах газет, но уже по другому поводу.

В 1905 году революционные выступления захлестнули районы Дальнего
Востока и Сибири. В октябре этого года железнодорожники Сибири
Дальнего Востока приняли участие во всеобщей политической стачке. Т
гда это была единственная артерия, связывающая эти регионы с централ
ными районами страны, по которым во все стороны шли непрерывные по
токи военных и гражданских грузов. В связи с завершением войны и отво
дом армии грузооборот резко возрос, а всеобщая стачка парализовала же
лезные дороги. На больших станциях все пути были забиты вагонами
солдатами, которые возвращались из Маньчжурии. Подавить революцион
ное выступление было поручено генералу Ренненкампфу и барон
А.Н. Меллер-Закомельскому. Ренненкампфу было выделено две дивизии
полевых войск и 100 тысяч золотых рублей для карательной экспедиции
Прикомандированным офицерам выдавалось двойное жалованье. Прича
тались и подъемные – четыре месячных оклада семейным и два оклада
холостым. Ренненкампфу были предоставлены чрезвычайные полномочия
И он выполнил поставленную задачу – Читинская республика была ликви
дирована, восставшие рабочие – разгромлены. Только по известным пр
цессам военного суда при Ренненкампфе было вынесено 77 смертных пр
говоров, 15 каторжных и 18 тюремных приговоров. Кроме того большое
количество рабочих и служащих, большевиков и беспартийных были рас
стреляны без суда Меллер-Закомельским.

Услуги Ренненкампфа были отблагодарены царем. Из его рук Павел Кар
лович получил бриллиантовые украшения к золотому оружию.

После этих кровавых событий многие в России считали карьеру Ренне
кампфа конченой. Но только не он сам. Павел Карлович, который был на
значен командиром армейского корпуса, дислоцированного в Царстве
Польском на границе в Германией.

В 1912 году генерал от кавалерии П.К. Ренненкампф вступил в командова
ние Виленским военным округом, по мобилизационному расписанию к

С 1912 года Ренненкампф командовал войсками Виленско
военного округа, хорошо знал свои войска и театр пред
стоящих действий[1]. Годы командования округом, видимо,
притупили его таланты. Его вера во всесокрушающую силу
кавалерии, безразличие к разведке, неумение наладить снаб
жение наступающей армии, слепая жажда увидеть врага и
броситься на него – сыграли дурную службу[2].

Выдвигая свои войска, Ренненкампф докладывал Жилин
скому с высокой степенью оптимизма: «Там, где немцам уда
ется использовать свое превосходство в технике, они наносят
нам большой урон, но в непосредственной стратегии, в мо
ральном состоянии у них нет превосходства над нами»[3].

17 августа 1914 г. пересекла границу вся 1-я армия Рен
ненкампфа. Она двигалась на 60-километровом фронте, на се
верном крыле – 20-й корпус, южнее – 3-й, еще южнее – 4-й.
Кавалерия располагалась по флангам. На правом фланге –
цвет гвардии, корпус Хана Нахичеванского из четырех диви
зий. Там же двигалась конная бригада генерала Орановского.
Левый фланг прикрывала группа генерала Гурко, состоявшая
из кавалерийской дивизии и стрелковой бригады.

Немцы решили дать бой русским в районе г. Гумбинен в
40 километрах от границы. Сюда были брошены пехотные и
кавалерийские дивизии. Но самонадеянный и взбалмошный
командир 1-го корпуса генерал Франсуа решил проявить себя
острее: возле Гумбинена не остановился и рванул вперед ос
новных сил, собираясь сам атаковать русских. В 8 километрах

случае войны на базе которого должна была формироваться 1-ая армия. 14
июля 1914 года генерал Ренненкампф вступил в командование 1-й армии
(Неманской) армией Северо-Западного фронта. Исходя из замысла Ставки
той армии ставилась задача овладеть Восточной Пруссией включительно
до Нижней Вислы.

Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 91.

Уткин А.А. Забытая трагедия. – С. 44.

Байончковский А.М. Мировая война 1914-1918 годов. М., 1938. Т. 1. – С.
138-140; Уткин А.А. Забытая трагедия. – С. 45.

от границы у г. Шталлупен немцы схлестнулись с русскими, бои шли с переменным успехом, но в конечном итоге наши войска захватили этот город, взяли большие обозы и 7 немецких орудий. Противник поспешно бежал, бросив своих раненых солдат на произвол судьбы.

Обнаружив, что дальнейшая дорога открыта, Ренненкампф 19 августа отправил в рейд по тылам врага конный корпус Хана Нахичеванского, поставив ему задачу разгромить неприятельские коммуникации. Но замысел сразу скомкался. Немцы, узнав о рейде русской кавалерии, перебросили по железной дороге наперерез ландверную бригаду. Хан Нахичеванский вместо того, чтобы обойти ее и как следует прошерстить неприятеля, полез в лобовой бой. Ведь это была лейб-гвардия! В ней служили представители самых знатных семей, они с молоком матери и родословными отцов впитали традиции воинской славы. Разве могли они пройти мимо немцев? На пространстве в 10 километров четыре дивизии русской кавалерии спешились и атаковали в лоб. Шли в атаку в полный рост, не пригибаясь, каждый демонстрировал презрение к опасности. Кавалергарды маршировали, как на параде, без выстрелов. Командир полка князь Долгоруков возглавил атаку с сигарой в зубах. Зрелище выглядело эффектно.

Немцы положили их большое количество. А 1-я бригада лейб-гвардии кавалерийской дивизии вообще попала в беду. Она взяла деревню Краупишкен, но противник с двумя орудиями закрепился в соседнем селе и поливал наших гвардейцев картечью. Атака русских на село Каушен захлебнулась, и немцы пристрелялись. И при отступлении, и при атаке потери были неизбежны.

Чтобы подавить неприятельские пушки, начальник дивизии Казнаков поднял резерв, 3-й эскадрон Конно-гвардейского полка. Командир эскадрона, ротмистр Петр Врангель, был опытным офицером, на японской войне добровольцем командовал казаками. Он сообразил, что наступать по открытому полю в пешем строю безнадежно. Единственный шанс заклю-

чался в том, чтобы проскочить на скорости. И Врангель повел эскадрон в конную атаку. Шквал пуль и картечи выбил всех офицеров, многих солдат, под Врангелем убило коня, но до врага доскакали, немецких артиллеристов порубили и пушки взяли.

Петр Николаевич Врангель, будущий участник белого движения на юге России, первым на этой войне был награжден офицерским орденом Святого Георгия. Зато потрепанный корпус пришлось вместо рейда отводить во второй эшелон и приводить в порядок. Хана Нахичеванского за неумелые действия Ренненкампф отстранил от должности. Но тот был любимцем гвардии, офицеры обратились с ходатайством к Верховному главнокомандующему, и великий князь Николай Николаевич упросил Ренненкампфа отменить приказ.

Основные силы генерала Притвица ожидали русских на удобной для немцев позиции по реке Ангерапп. Но корпус Франсуа оставался несколько впереди, он снова предлагал атаковать русских, уверяя, что можно обойти их северный фланг. В это время к Притвицу поступили донесения – 2-я русская армия уже вышла к границе. И к тому же немцы перехватили шифрованную радиограмму Жилинского. Он нервничал, полагая, что противник бежит перед 1-й армией, оставляет Пруссию без боя и срывается план окружения. Жилинский приказывал Ренненкампфу остановиться, подождать, пока 2-я армия Самсонова выйдет во вражеские тылы. В штабе Притвица служил профессор математики, который сумел расшифровать русские коды. И вот тогда занервничали немцы. Оставаясь на позициях, они как раз и попадали в клещи между двумя русскими армиями. И Притвицу пришлось согласиться с идеей Франсуа самим нанести удар.

Битва грянула 20 августа на фронте в 50 километрах от г. Гумбинен до г. Гольдан. Соотношение сил было не в пользу русских. У них было 6,5 пехотных и 1,5 кавалерийских дивизий (63,8 тысяч бойцов, 380 орудий, 252 пулемета) против 8,8 пехотных и 1 кавалерийской дивизии немцев (74,5 тысяч че-

ловек, 408 легких и 44 тяжелых орудий, 224 пулеметов). Вначале схватка завязалась на северном крыле, где атаковал генерал Франсуа. Он полагал, что наносит удар во фланг 20-го корпуса, хотя ошибался и развернул наступление в лоб. Он был настолько уверен в своем превосходстве, что сразу, без разведки, бросил в бой все свои силы. Как вспоминал очевидец, немцы «шли густыми цепями, почти колоннами, со знаменами и пением, без достаточного применения к местности, там и сям виднелись гарцующие верхом командиры».

Целый корпус навалился на 28-ю русскую дивизию. А кавалерийскую дивизию с тремя батареями Франсуа послал в обход. Кавкорпус Хана Нахичеванского был отведен в тыл после вчерашнего неудачного рейда, и на фланге оставалась только бригада Орановского. В жестоком встречном бою немцы отбросили ее и погромили обозы 28-й дивизии. Но углубиться в наши тылы им не позволили, заставили повернуть назад. Немецкий полковник Франц писал: «Русские показали себя как очень серьезный противник. Хорошие по природе солдаты, они были дисциплинированы, имели хорошую боевую подготовку и были хорошо снаряжены. Они храбры, упорны, умело применяются к местности, и мастера в закрытом размещении артиллерии и пулеметов. Особенно же искусны они оказались в полевой фортификации: как по мановению волшебного жезла вырастает ряд расположенных друг с другом окопов».

Участник боя лейтенант Гессель вспоминал: «Перед нами как бы развернулся ад… врага не видно, только огонь тысяч винтовок, пулеметов и артиллерии. Части быстро редеют. Целыми рядами уже лежат убитые. Стоны и крики раздаются по всему полю. Своя артиллерия запаздывает с открытием огня, из пехотных частей посылаются настойчивые просьбы о выезде артиллерии на позиции. Несколько батарей выезжают на открытую позицию на высотах, но почти немедленно мы видим, как между орудий рвутся снаряды, зарядные ящики уносятся во все стороны, по полю скачут лошади без всадников.

На батареях взлетают в воздух зарядные ящики. Пехота прижата к земле русским огнем… Никто не смеет даже приподнять голову»[1].

А вот описание того же боя из уст русского артиллериста: «Утром на 28-ю дивизию обрушился удар германского корпуса… Долго и упорно держалась наша пехота. Отдельных выстрелов слышно не было, казалось, что все кипело в каком-то гигантском котле. Все ближе и ближе, и вот на батарее стали свистеть немецкие пули. Под страшным огнем, наполовину растаявшая и потерявшая почти всех офицеров, медленно отходила 28-я дивизия на линию артиллерии 4-й, 5-й и 6-й батарей. Меньше, чем в версте тянулось шоссе, и через минуту, насколько хватало глаз, по шоссе хлынула серая волна густых немецких колонн. Батареи открыли огонь, и белая полоса дороги стала серой от массы трупов. Вторая волна людей в остроконечных касках – снова беглый огонь, и снова все легло на шоссе. Тогда до дерзости смело выехала на открытую позицию германская батарея, и в то же время над нашими батареями пролетел немецкий аэроплан с черными крестами. На батареях стоял ад. Немецкая пехота надвигалась на батареи и обходила 4-ю, которая била на картечь, а в ее тылу уже трещал неприятельский пулемет, она погибла. С фронта немецкая пехота подошла к нашей батарее на 500-600 шагов и, стреляя, лежала. Батареи били по противнику лишь редким огнем, ибо уже не было патронов. Понесшие большие потери немцы дальше не пошли»[2].

Наша 28-я дивизия потеряла до 60% личного состава. Однако и немцы, сумев всего лишь потеснить русских, заплатили за это очень дорого. Их соединения поредели и были неспособны больше атаковать. А к полудню на помощь 28-й подтянулась 29-я дивизия, и они перешли в контратаку. Германские

[1] Цит. по: Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 95.
[2] Шамбаров В.Е. Последняя битва императоров. – С. 95-96.

части перемешались и бросились наутек. Генерал Франсуа вообще утратил управление своими войсками.

Еще больше досталось его соседям. Наступавший в центре германских боевых порядков 17-й корпус Макензена выдвинулся на исходные рубежи к 8 часам утра. Но русские обнаружили его и первыми открыли огонь. Пехоту прижали к земле и не давали подняться. Рвались зарядные ящики. Войска нашего 3-го корпуса переходили в атаки, теснили неприятеля. Потери Макензена достигли 8 тысяч солдат и 200 офицеров, что составило треть всех наличных сил. Во второй половине дня побежала сначала одна рота, бросая оружие, потом другая. Потом целый полк, потом вся 35-я германская дивизия. А офицеры штаба опережали их на машинах. Позже они оправдывались, что хотели якобы остановить подчиненных. Русские захватили 12 орудий и взяли в плен 1 тысячу человек.

А на южном фланге 1-й резервный корпус фон Белова промешкал с выступлением, сбился с маршрута и вышел на рубеж атаки лишь к полудню. Он встретил плотную и хорошо подготовленную оборону, а вскоре узнал о разгроме Макензена и отдал приказ об отходе. Ренненкампф вначале дал команду преследовать врага, но потом отменил ее. Артиллерия полностью расстреляла боекомплект, тылы отстали. По данным воздушной разведки Ренненкампф знал о рубеже обороны на р. Ангерапп – лезть туда без снарядов было рискованно. Кроме того, он уже получил приказ Жилинского остановиться.

А утром 21 августа русские не обнаружили перед собой противника, потому что немцы удирали резво, некоторые части остановились только через 20 километров. В штабе 8-й армии Притвица царила паника. Выяснилось, что корпуса Макензена и Франсуа потеряли до трети личного состава. А по Пруссии уже двигалась 2-я армия Самсонова.

Выдвижение русских армий в Восточную Пруссию вызвало замешательство в стане немцев. Главнокомандующий германскими войсками в Восточной Пруссии генерал Притвиц не смел полагаться на свои четыре корпуса и начал готовиться к отступ-

лению за Вислу. Проблема для немцев заключалась в том, что, обратившись против одной из русских армий, они рисковали получить удар с тыла, со стороны второй. Во время беседы с главной штаб-квартирой в Кобленце Притвиц впал в истерику – он не только предположил возможность потери всей Восточной Пруссии, но поставил под сомнение свою способность защитить даже рубеж по реке Висла «ввиду ее мелководья».

Стресс оказал дурную услугу немецкому генералу. Притвиц был смещен с должности главнокомандующего в Восточной Пруссии. Его место занял отставной генерал Гинденбург, а начальником штаба к нему был назначен генерал-майор Людендорф. Оба они никогда не были фаворитами высшего командования. Людендорф до 48 лет так и не сумел получить в командование полк, и лишь война открыла его исключительный талант.

Он был героем штурма Льежа и подавал большие надежды. Но оставалась проблема с его возрастом и происхождением. Из этого положения вышли, назначив его начальником штаба, а командующего подобрали такого, чтобы не мешал Людендорфу. Им и стал 67-летний генерал-полковник Пауль фон Гинденбург, который с 1911 года пребывал в отставке.

Начальник германского генштаба Мольтке лихорадочно выискивал, каким образом усилить Восточный фронт. Стратегических резервов у немцев не было, а значит, усилить его можно было только за счет Западного фронта, войска которого успешно рвались к Парижу. И именно из ударной группировки, нацеленной на столицу Франции, 23 августа было решено направить в Пруссию 2 корпуса и кавалерийскую дивизию.

Удача в данном случае способствовала нашим западным союзникам. Возможно, именно этих корпусов не хватило Германии на пути к Парижу, и в этом смысле смелое вхождение в Пруссию армий Ренненкампфа и Самсонова изменило конечный итог войны.

Русская победа под Гумбиненом на исходе третьей недели войны вызвала страшный психологический шок в Германии, сорвала немецкие планы молниеносной войны. То был первый шаг

на пути к конечному поражению Германии в Первой мировой войне.

Русская армия блестяще выполнила свой долг в коалиционной войне, но союзник не унимался. 21 августа, на следующий день после Гумбинена, французский посол в Петербурге Палеолог записывает: «На Бельгийском фронте наши операции принимают дурной оборот. Я получил указание воздействовать на Императорское Правительство, дабы ускорить насколько возможно начало наступления русских армий».

Посол бегает по министерским кабинетам, жестикулирует, закатывает глаза, рисует самое бедственное положение любимой Франции. 26 августа у министра иностранных дел С.Д. Сазонова Палеолог трагически декламирует: «Подумайте, какой тяжелый час наступил для Франции». Сазонов попытался осадить разгорячившегося посла. Он осторожно заметил, что в высших русских штабах растет убеждение, что поспешное наступление в Восточной Пруссии осуждено на неизбежную неудачу, «так как наши войска еще слишком разбросаны и перевозка их встречает много препятствий». Посол всем своим видом изображает величайшую скорбь. Вздохнув, Сазонов заканчивает: «Но так как мы не имеем права дать погибнуть нашему союзнику, то, несмотря на неоспоримый риск предпринятой операции, наш долг немедленно наступать, что и приказал великий князь»[1].

В тот же день, 26 августа, Палеологу из Парижа пришла телеграмма, в которой говорилось о том, что якобы немцы сняли два корпуса на восточной границе и перебрасывают их на французское направление, заменив их частями ландвера, и потому необходимо настаивать на необходимости самого решительного наступления русских армий на Берлин. Французскому правительству было мало русского наступления в Восточной Пруссии, оно требовало наступления теперь уже на берлинском направлении.

[1] Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М.: Просвещение, 1994. – С. 41.

Звездный час и катастрофа генерала Самсонова

А реалии Западного фронта немцев были совершенно другими. Два корпуса и кавалерийская дивизия с французского фронта в эти дни спешили на восток. Нажим союзников на русское высшее командование приобрел неприличный характер. Верховный главнокомандующий Николай Николаевич с ложным рыцарством торопит генерала Жилинского, а тот в свою очередь погоняет А.В. Самсонова, 2-я армия которого несет тяжкий крест наступления на северо-западе через Восточную Пруссию. Основные силы 2-й армии пересекли границу 21 августа. В этот день произошло солнечное затмение. В частях специально разъясняли небесное явление, но солдаты сочли его дурным предзнаменованием. Да и офицеры вспомнили «Слово о полку Игореве». Эта армия вообще оказалась «невезучей». Если штаб Варшавского округа стал штабом Северо-Западного фронта, а штаб Виленского округа – штабом 1-й армии, то штаб 2-й армии собирали, что называется, с миру по нитке. Командующий тоже был человеком со стороны, можно сказать, случайный, 55-летний Александр Васильевич Самсонов[1]. Он был болен астмой, летом 1914 года лечился в

[1] Самсонов Александр Васильевич родился 2 ноября 1859 года в бедной дворянской семье. После завершения курса Владимирской гимназии в Киеве он, 16 лет от роду поступил на военную службу, приняв присягу в столичном Николаевском кавалерийском училище. Закончив училище по 2-му разряду, юный корнет сразу же попал на русско-турецкую войну в Болгарии. Действовал в составе летучего отряда под командованием графа И.И. Воронцова-Дашкова. Самостоятельно командуя эскадроном, Александр Васильевич проявил инициативу, смелость, твердость духа и способность к грамотному тактическому расчету. Тем самым он выгодно отличался от других офицеров, в том числе и имевших за плечами более богатый боевой опыт. Был удостоен в конце 1877 года первой награды – ордена Св. Анны 4-й степени на именном оружии с надписью «За храбрость».

За 39 лет ратной службы А.В. Самсонов был отмечен также орденами Св. Георгия 4-й степени, Св. Александра Невского, Белого орла, Св. Владими-

Пятигорске. В начале войны начались должностные перестановки, в верхах вспомнили, что он служил в Варшавском округе, вызвали с курорта к царю и назначили командующим 2-й армии. А он не посмел отказаться, поскольку ему доверяли.

Александр Васильевич получил в свое подчинение вдруг огромные силы, 7 корпусов. Но и тут начались перестановки. Штаб фронта рассудил, что войск у Самсонова в избытке и забрал в формирующуюся 9-ю армию 2 корпуса, часть артиллерии и конницы. П. Жилинский и его штаб грезили походом на Берлин. А фланговые корпуса 2-й армии должны были прикрывать стыки с соседями, их запретили передвигать. Потом спохватились, что для наступления остается слишком мало войск. Вернули один корпус из 3-й армии, разрешили использовать фланговые соединения, но они уже отстали от

ра 2, 3 и 4-й степеней, Св. Станислава 1-й степени, а также иностранными – сербским орденом Такова 3-й степени и Большим офицерским крестом французского ордена Почетного Легиона.

После завершения Русско-турецкой войны Александр Васильевич не сразу вернулся в Россию, а только через 16 месяцев, побывав в это время во многих городах Болгарии.

В 1884 году, после окончания Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду, Самсонов был направлен для прохождения службы на Кавказ. Вскоре, получив чин полковника, он возглавил Елизаветградское кавалерийское училище.

По собственному желанию Александр Васильевич попросился на Русско-японскую войну. Сначала он был командиром Уссурийской конной бригады, а спустя неделю – 1-й Сибирской казачьей дивизии, которая успешно сражалась на многих участках фронта. В мае 1905 года Самсонову было присвоено военное звание генерал-лейтенанта.

После Дальнего Востока Александр Васильевич был назначен начальником штаба Варшавского военного округа. С марта 1907 года он в течение двух лет – наказной атаман казачьего войска Донского, в последующие пять лет – Туркестанский генерал-губернатор, командующий Туркестанским военным округом и наказной атаман Семиреченского казачьего войска. С 1910 года – генерал от кавалерии. 17 июля 1914 года, в первый день мобилизации, Александр Васильевич получил предписание принять 2-ю (Нарвскую) армию, формируемую в Варшавском военном округе.

главных сил, а 2-й корпус на правом фланге оторвался слишком далеко, его переподчинили Ренненкампфу[1].

Участок наступления 2-й армии был трудным. К прусской границе с нашей стороны подходила лишь одна железная дорога. Части выгружались далеко от исходных позиций, несколько дней по летней жаре топали пешком по плохим дорогам. Колеса вязли в песке, обозы и артиллерия отставали. А комфронта Жилинский подгонял, указывал, что противник бежит перед Реннекампфом, его надо перехватить. Самсонов в непривычных для него делах сразу запутался, не знал, за что ухватиться, и только передавал приказы Жилинского, подгонял корпуса. Войска шли без привалов, все дальше отрываясь от тылов. А Ренненкампфу вместо того, чтобы отдать приказ быстрее двигаться на юг для соединения со 2-й армией, подтвердили приказ остановиться, чтобы немцы не сбежали. Ведь их хотели окружить.

Железная дорога, ведущая к прусской границе, была на левом фланге, и здесь в городе Зольдау скопилось множество русских войск. Разбирать эту массу войск Самсонов не стал, переподчинив 1-му корпусу генерала Артаманова. Правее далеко углубились в прусскую территорию 15-й корпус Мартоса, занявший без боя г. Найденбург, 13-й Клюева, их догоняла 2-я дивизия 23-го корпуса, а правый фланг прикрывал 6-й корпус Благовещенского. Эти начальники очень отличались по своим качествам. Николай Николаевич Мартос был храбрым и умным генералом, его корпус считался одним из лучших. Еще в Японскую войну Артамонов проявил себя трусом и паникером, но выкрутился благодаря связям и знакомствам и подвизался в основном в дипломатических миссиях. Клюев прежде служил «генералом для поручений», а Благовещен-

[1] Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 105-106; ср.: Шамбаров В.Е. Последняя битва императоров. – С. 105-106.

ский – по линии военных сообщений, необходимых навыков для организации боевых действий они не имели[1].

А штаб армии, отставший от наступавших войск на 120 километров, находился в Остроленке – там имелась телефонная линия с Белостоком, где располагался штаб фронта. Разведки Самсонов не организовал, сведения о противнике он получал от Жилинского, который и сам мало что знал. Телефонной связи с корпусами не было, потому что немцы резали постоянно провода. Распоряжения передавали по радио, а чаще слали с ними конных нарочных.

К вторжению русских Германия была подготовлена заблаговременно. Все припасы немцы вывезли или уничтожили. В городе Найденбург они подожгли большие склады и магазины. И русским воинам пришлось их тушить. Часть жителей, в основном поляки, встретили наших солдат как своих лучших друзей. Большинство немцев эвакуировалось. Оставшиеся держались любезно, но… сообщали своему командованию о передвижении русских по телефону – звонками в соседний город. Телефонные линии у них работали исправно.

Разведка генерала Мартоса обнаружила противника севернее Найденбурга, где стоял корпус генерала Шольца. Его Притвиц оставил заслоном против армии Самсонова. У деревень Орлау и Франкенау немцы построили укрепленные позиции и выставили 16 батарей. Корпус был усилен ландверными соединениями и по численности соответствовал двум русским. Генерал Мартос этого не знал. Он 23 августа развернул свои части для атаки. После артиллерийской подготовки Симбирский, Полтавский, Черниговский полки ринулись на штурм и ворвались в Орлау. Но Шольц ввел в бой резервы и отбросил русских. Черниговский полк побежал, его командир Алексеев остановил солдат и с поднятым знаменем повел их в штыковую атаку. Он был убит во время этой атаки. Вокруг знамени полка (Георгиевского – за 1812 год) завязалась рукопашная схватка. Знаменосец получил три раны. Заменивший его поручик погиб. Немцам удалось окружить полк, и лишь ночью он прорвался к своим.

[1] Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 106.

Но Мартос организовал новый удар. Еще в темноте его пехота подползла к вражеским позициям. На рассвете артиллерия накрыла немцев, и солдаты ринулись на них. Немцы не выдержали натиска и, бросив пушки, побежали. Русские потеряли 2,5 тысячи убитых и раненых, но 37-я германская дивизия была полностью разгромлена, остальные потрепаны, 15-й корпус двинулся преследовать их. Это усугубило панику в Германии. После Гумбинена это было еще одно поражение. Обер-президент Пруссии помчался к кайзеру, умоляя о спасении. Начальник генштаба Мольтке намеревался снять с Западного фронта еще 6 корпусов. Но, поразмыслив, ограничился лишь теми, которые уже снял.

В 8-й германской армии потрясение Гумбинена успело пройти. Полки приводились в порядок. Собирались разбежавшиеся и отставшие солдаты. Новые начальники армии, Гинденбург и Лидендорф, начали принимать активные меры. Было решено оторваться от 1-й русской армии и навалиться на 2-ю. Географические особенности Пруссии позволяли выявить схему наступления русских. На учениях в предвоенное время отрабатывались разные варианты. В том числе, если русские прорвутся с юга. Через Пруссию проходили три рокадные железные дороги (вдоль линии фронта), их связывали поперечные ветки, что позволяло свободно маневрировать войсками. Нужно было собрать две группировки и ударить по флангам наступавшей русской армии, под основание прорыва. Против Ренненкампфа оставляли 3 дивизии. Корпуса Макензена и Тослова должны были повернуться к 1-й армии спиной и навалиться на 2-ю армию с востока. А корпус Франсуа отвозили в Кенигсберг, грузили в вагоны и кружным путем перебрасывали на другой фланг, чтобы атаковать с запада.

Русская разведка сумела засечь все эти перемещения и необходимые сведения были переданы в штаб Северо-Западного

фронта. Однако Жилинский не понял сути всех этих перемещений противника и начал принимать неадекватные решения. Он подумал, что разгромленные немцы хотят укрыться в Кенигсберге. Ренненкампфу было приказано продолжить движение, но не на соединение со 2-й армией, а повернуть северней на Кенигсберг. А к Самсонову поступили сведения, что враг накапливается у него на левом фланге. 24 августа он запросил разрешения остановиться, уточнить расположение противника. Жилинский обругал его: «Видеть противника там, где его нет – трусость, а трусость я не позволю генералу Самсонову».

После такого оскорбления Самсонов отбросил всякую осторожность, подтвердил войскам приказ «вперед» и велел перенести свой штаб в Найденбург. А его соединения действовали сами по себе, на фронте в 200 километров расходились веером в разные стороны.

26 августа германские части атаковали авангард 2-й армии. Наши солдаты и офицеры оборонялись мужественно. Казалось, все попытки немцев потеснить их обречены, но на следующий день после начала наступления немцы передали по радио от имени русского командования первого корпуса ложный приказ оставить позиции. В итоге к концу 27 августа положение 2-й армии резко ухудшилось.

Два дня русским войскам пришлось вести тяжелые оборонительные бои. Планы окружения двух русских корпусов были сорваны, но решающими стали действия командования 1-й армии Ренненкампфа, части которой отстали от расположения 2-й армии более чем на 100 км. Приди Ренненкампф на помощь своему соседу – и наступление немцев неизбежно заглохло бы. Однако Ренненкампф проявил преступную нерешительность, бросил в трудную минуту на произвол судьбы целую армию.

Характерно, что незадолго до войны с участием императора проходила своеобразная «переаттестация» командиров дивизий, корпусов и армий, которые должны были вступить в должность после объявления мобилизации и повести свои

войска к победе. Когда речь зашла о генерале Реннекампфе, то его кандидатура вызвала возражение и военного министра, и начальника генерального штаба. Однако на их прошение о снятии с занимаемых должностей Реннекампфа царь собственноручно написал: «Не орел, но проявил твердость в 1905 году». Николай посчитал, что проявленная политическая благонадежность генерала, наглядно проявленная им во время кровавого подавления революции 1905 года в Забайкалье, куда более важна, чем его профессиональные качества[1].

Штаб Самсонова находился в Найденбурге и реальной обстановки боев своих корпусов и дивизий не представлял. Со всех сторон сыпались тревожные донесения, но на них не реагировали, рассылали прежние приказы – наступать.

Как считают специалисты, в общем-то ситуацию еще можно было исправить, даже переломить в свою сторону. Для этого Самсонову стоило поехать на левый фланг своей армии, где скопилась без толку третья часть армии, наладить там управление и нанести контрудар по наступавшей немецкой группировке.

Можно было поступить проще: отвести центральные корпуса назад. Самсонов не сделал ни того, ни другого. Он принял единственное решение, которого не должен был принимать ни в коем случае: лично ехать на передовую, в 15-й корпус. Он приказал штабу разделиться, канцелярским службам эвакуироваться в тыл, а сам с группой офицеров и конвоем казаков отправился в эпицентр боев. И все. С этого момента 2-я армия лишилась единого руководства. Курьеры с донесениями безуспешно искали командующего, который потерял связь и с тылом, и с корпусами[2].

В штабе фронта тоже вдруг поняли, что немцы вовсе не удирают за Вислу, а атакуют. И только теперь полетел приказ Ренненкампфу – помочь Самсонову. Части 1-й армии высту-

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 103.
[2] Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 111-112.

пили без промедления, 28 августа, но заведомо опаздывали к развязке – между армиями было 95 км.

А для 13-го корпуса генерала Клюева, глубже всех за бравшегося на германскую территорию, настоящая война еще только начиналась. Он вошел во второй по величине город Пруссии Аленштайн без боев. Город выглядел вполне мирно. Работали кафе, магазины. Жители вежливо кланялись военным, даже рядовым. На больницах висели плакаты с просьбой не беспокоить пациентов. Их русские солдаты не беспокоили. О соседе справа, 6-м корпусе Благовещенского, Клюев ничего не знал. Оттуда получили радиограмму, но на этот раз она оказалась шифрованной. Расшифровать ее не сумели. А с самолета наша разведка заметила, что с востока приближаются войска, около корпуса. Решили, что это и есть 6-й корпус Благовещенского.

Согласно приказу, Клюев двинул свои дивизии на подкрепление Мартоса, а в Алленштайне оставил «до подхода Благовещенского» по батальону от Дорогобужского и Можайского полков. Но к городу подошел корпус не Благовещенского, а германский фон Белова. Два русских батальона, оставшихся в городе, были смяты мгновенно. Этому активно помогли горожане. Они стреляли из окон, с чердака больницы, которую «не беспокоили», ударили пулеметы. Немцы устремились вдогон за ушедшими русскими. Преследование обнаружили, но Клюев счел, что за ним увязались небольшие неприятельские отряды. Велел неполному Дорогобужскому полку отогнать их. Полку не оставили артиллерии, запасы патронов ушли с обозами, а на полк обрушилась лавина немцев. Отбивались пулеметами, пока имелись боеприпасы. Потом остались только штыки. Но дорогобужцы заняли дефиле между двумя озерами, враг не мог развернуться широким фронтом, и его раз за разом осаживали смелыми контратаками. Погиб командир полка полковник Кабанов, редели батальоны, но удержали неприятеля до вечера. Лишь с наступлением темноты остатки полка снялись и пошли искать своих, унося тело командира.

Под Мюленом 28 августа наседали уже не русские, а немцы, которые войска генерала Мартоса обтекали со всех сторон. Германская дивизия генерала Зонтага попыталась ночью обойти с юга и захватить господствующие высоты. Но ее заметили и изготовились к бою. На рассвете штурм высот был встречен дружным русским огнем. Немцы покатились назад, по ним ударила своя же артиллерия, приняв за русских, а штыковая контратака довершила разгром, было взято 2200 пленных, 13 орудий. Гинденбург и Людендорф нервничали, подтянули еще одну дивизию из группировки Франсуа. Она зарылась в оборону Кексгольмского полка, и обход с юга так и не удался.

На северном фланге немцы рвались обойти русских через городок Хохштайн. Здесь отбивались Нарвский и Копорский полки. Они попали в полуокружение, оборона простреливалась противником с трех сторон. Но наши бойцы отвечали огнем трех батарей и отразили все атаки, усеяв окрестности германскими трупами. На высоты недалеко от Хохштайна вышел 13-й корпус Клюева. Командир не смог разобраться, что происходит вокруг, приказал войскам остановиться и ждал приказов свыше. А в 15-м корпусе кончались боеприпасы, исчезло продовольствие. Оставалось только отступать.

Вечером 28 августа сюда прибыл Самсонов со своими штабными офицерами. Оценив положение, он разрешил отход к Найденбургу. Но начал лично распоряжаться и окончательно все погубил. Штаб Самсонова предложил слишком сложный план отступления «скользящего щита». Соединения по очереди должны перемещаться с северной оконечности фронта на южную. Сперва обозы, потом 13-й корпус, потом 15-й, потом 23-й. Потом все повторяется, и весь фронт будет постепенно «скользить» на юг. А Мартосу со штабом корпуса приказали ехать в Найденбург, заранее выбрать позиции для обороны. Лучший корпус был обезглавлен. Но и Самсонов не остался с войсками. Сказывалась болезнь, перенапряжение, рыба на передовую выплеснул остатки его сил. Штабные офи-

церы уговорили его уехать, организовать управление на новом месте, а командование всеми отходящими корпусами поручили Клюеву.

«Скользящий щит» сразу же рухнул. Невозможно было регулировать движение войск в лесах без связи. Соединения хлынули как придется. Немцы сунулись было в погоню, но корпус Мартоса даже без своего командира был еще боеспособен. У села Кунхенгут Кременчугский и Алексопольский полки устроили засаду. Промерили расстояния, навели заранее пулеметы и в темноте расстреляли немецкую колонну, двинувшуюся за ними. А Гинденбург после бесплодных атак и огромных потерь уже вообще отказался от окружения русских. Он слал приказы командирам корпусов отменить прежние планы, просто преследовать и вытеснять отступающих. А фон Белову и Макензену было приказано разворачиваться против Ренненкампфа.

Однако его приказы запоздали. Генерал Франсуа продолжал атаки и взял Зольдау. У него заблаговременно был подготовлен летучий отряд – кавалерия, пехотная бригада на машинах и повозках, велосипедисты. Теперь его бросили на Найденбург, перерезая нашим частям пути отхода. Самсонов, уезжая из этого города, не позаботился организовать его оборону. Здесь находился командир раздерганного 23-го корпуса генерал Кондратович с одной бригадой. Этого было достаточно для обороны от бригады немцев. Но Кондратович предпочел спасать свою бригаду и себя лично, бросив обозы и раненых. Летучий отряд немцев захватил город почти без боя, навстречу ему двигались части Макензена, замыкая кольцо.

А часть штаба Самсонова, которая эвакуировалась на свою территорию, утром 29 августа доложила Жилинскому, что армия отступает. Он рассудил, что напрасно послал туда 1-ю армию и телеграфировал Ренненкампфу: «2-я армия отошла к границе. Приостановить дальнейшее выдвижение корпусов на поддержку». Но Ренненкампф, понимая ситуацию глубже, отдал своим частям приказ ввиду тяжелых боев 2-й армии идти

ей на помощь. Действительно, бои еще продолжались. Клюев оставил в Хохштейне арьергард Каширский полк, к нему примкнули подразделения Нарвского полка. Их окружили, против 18 русских орудий гремели 86 германских. Но солдаты дрались до вечера, в последней рукопашной схватке пал командир полка Каховский со знаменем в руках.

Еще один арьергард, Софийский полк, встретил преследующих немцев между двумя озерами у с. Шведрех. Сражался отчаянно, сильно поредел, но неприятели отстали. Сплошного окружения не было. Сквозь жиденькую цепочку германских застав вполне можно было прорваться. Но ночью на лесных дорогах части перемешались, тащились из последних сил, голодные: 15-й корпус четверо суток не выходил из боев, 13-й за двое суток прошагал 80 километров. А прусский лес не был надежным укрытием. Через каждые 2 км. тянулись просеки, было много речушек и болот с дамбами. Немцы следили с самолетов, где находятся русские, устраивали на их пути засеки, ставили заслоны с пулеметами и пушками.

У каждой дамбы или перекрестка наших бойцов встречал огонь. Вся масса солдат останавливалась, передовые подразделения разворачивались и атаками прогоняли врага. А через пару километров ждал новый заслон, и все повторялось.

Около села Саддек, попав под очередной обстрел, Клюев решил «во избежание ненужного кровопролития» сдаться. Правда, он предоставил желающим спасаться самостоятельно. Одни отделились, пошли на прорыв и в большинстве вырвались. У других больше не было сил. Они подчинились решению начальника. Некоторые предпочли погибнуть в бою, группа смельчаков из 13-го корпуса захватила 4 немецких орудия, заняла круговую оборону и дралась до последнего.

Генерал Мартос, посланный вперед своих войск, нарвался на немцев. Офицеры его штаба погибли и рассеялись. Ночью услышали рядом солдат и подумали, что свои. Но вспыхнул немецкий прожектор, ударил пулемет, под Мартосом убило коня, и его схватили. Его доставили в «маленькую грязную

гостиницу в городе Остероде». Людендорф как всегда был груб, а Гинденбург проявлял рыцарственность. «Как достойному противнику» он приказал возвратить Мартосу золотую саблю. Но саблю не вернули. До конца войны генерал Мартос, находившийся в немецком плену, в России считался погибшим.

Так же блуждал и командарм Самсонов. Попав в хаос отступления, он пытался командовать на дорогах ротами и батальонами, но вскоре понял, что восстановить управление уже невозможно, и впал в полную прострацию. Ехали с офицерами штаба, несколько раз натыкались на немцев. Направились через лес. Лошади выбились из сил, сделали привал. Командующий тяжело переживал случившееся, говорил: «Царь доверился мне. Как я встречусь с ним после такого разгрома?» Еще три дня назад в его руках была четверть миллиона элитных войск России. Страдая от астмы, посерев от несчастья, генерал отошел от семерых сопровождавших его офицеров в лес. Его спутники услышали выстрел. Все поняли, что это означает. Тело Самсонова не смогли найти в темноте, а утром появились немцы. Офицеры штаба бежали, а через час встретили казачий патруль – вышли к своим[1].

Группа немцев нашла в чаще седовласого генерала с пристреленной головой и револьвером в руке. Доклад германского генштаба гласил: «Невозможно отрицать настойчивости и энергии, с которыми он командовал своей армией, но задача, данная ему, находилась за пределами его возможностей»[2]. Отечественный исследователь битвы размышлял так: Самсонов «был, несомненно, честным и бравым солдатом… Но для военной истории генерал Самсонов – прежде всего командующий армией. Не требует особых доказательств оценка его самоубийства как акта глубокого отчаяния и отсутствия силы воли. Для простого человека такой поступок, конечно, не бес-

[1] Шамбаров В.Е. Великие войны России. – С. 115.
[2] Цит. по: Уткин А.А. Забытая трагедия. – С. 52.

стен, но для командующего армией уход из жизни свидетельствует лишь о глубокой неподготовленности к своим высоким обязанностям. На войне есть достаточно возможностей погибнуть с честью, и для этого не надо прибегать к самоубийству. Если бы генерал Самсонов нашел в себе достаточно воли объединить войска для организованного прорыва, если бы он с боем вышел из окружения, хотя бы с одним полком своей армии. Если бы он, наконец, в последнем бою был сражен пулей противника, – история могла бы сказать: да, армия Самсонова потерпела грандиозное поражение, к тому было много глубоких причин, но она все же имела достойного командующего. Но так не случилось, и так история сказать не может. Наоборот, она говорит: было бы неправильно считать его действия единичными в русской армии; нет; и он и его действия являются, пожалуй, проявлением того самого благородного, что можно было найти в русской царской армии… Полная неподготовленность к управлению большими вооруженными массами, непонимание самой техники управления, притупленность оперативной восприимчивости и косность оперативной мысли – все эти черты, так наглядно выявившиеся в действиях генерала Самсонова, были характерны для всей старой русской военной школы»[1].

Но имеется несколько иная оценка генерала А.В. Самсонова и его действий. Она принадлежит Маршалу Советского Союза Борису Михайловичу Шапошникову, который дал ее незадолго до своей кончины в 1945 году. Русский офицер Б.М. Шапошников служил под командованием Самсонова в Средней Азии, а в августе 1914 года сражался на том же театре военных действий, что и 2-я армия. Он писал: «К сожалению, русские военные историки, под влиянием миража немецких побед под Сольдау, критически относятся к личности генерала Самсонова. Иные авторы готовы смешать его имя с

[1] Нессерсон Г. Канун мировой войны (гибель армии Самсонова). – М., 1928, С. 115; Уткин А. Забытая трагедия. – С. 52.

грязью, что и проделывается не раз на страницах журналов. Пусть это останется на их совести, но я твердо верю, что найдется исследователь, который отвергнет все гнусное, что писалось о Самсонове, и выявит его истинное лицо. Самсонов был умным военачальником. Будучи начальником штаба Варшавского военного округа, он отлично знал Восточно-Прусский театр и все время ожидал удара немцев с запада в левый фланг своей армии. Если бы Самсонов выполнял все директивы командующего Северо-Западным фронтом генерала Жилинского, то он понес бы еще большее поражение. Пусть историк разберется в действиях Северо-Западного фронта и верховного главнокомандующего, и тогда солдатская операция представится в ином свете и вина Самсонова в значительной степени уменьшится.

Наделенный острым чувством воинской чести, Самсонов не пережил своего поражения и покончил жизнь самоубийством.... И как начальник, и как человек Самсонов был обаятельной личностью. Строгий к себе, приветливый к подчиненным, он был высоко честным человеком. Но жизнь бывает жестока, сплошь и рядом такие люди, как Самсонов, становятся жертвами ее ударов, а негодяи торжествуют, так как они умеют лгать, изворачиваться и вовремя продать самого себя за чечевичную похлебку в угоду другим. Самсонов не был таковым»[1].

Так писал Б.М. Шапошников в своих воспоминаниях «Пройденный путь 1882-1915 гг», обусловив: «Публикуется через 20 лет после моей смерти», что и было выполнено: написанное Шапошниковым увидело свет в «Военно-историческом журнале» в 1966-1967 годах.

[1] Цит. по: Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – С. 47-48.

Завершение Восточно-Прусской операции

Только вечером 29 августа командование фронтом уяснило картину и забило тревогу. Ренненкампфу приказали срочно организовать поиск конницей. Но направление дали неверное – на Алленштайн, где русских давно уже не было. А 1-му и 6-му корпусам приказали нанести удары по флангам, чтобы облегчить выход окруженной группировке Самсонова. Среди русского командования сложилась напряженная обстановка. Благовещенский, боясь, что немцы пойдут на него, выделил для операции лишь отряд Нечволодова и Ладожский полк с двумя батареями. В 1-м корпусе царило безвластие: Артамонов, Душкевич и Мосальский разбирались, кто же из них начальник. После понуканий определили для наступления генерала Сирелиуса с Варшавской гвардейской дивизией.

Тем не менее даже небольшие русские силы прорвали вражеское кольцо. 30 августа Нечволодов вышиб немцев из города Вилленберга. Как раз на этом участке пробивалась из окружения русская конница из состава 2-й армии. Атака помогла ей перейти линию фронта. Сирелиус разметал неплотные германские заслоны и взял Найденбург. В связи с этим у немцев поднялся переполох. Совсем недавно Гинденбург доложил в Берлин о блестящей победе, и вдруг такое! Но удары русских были слишком слабыми и разрозненными. Против дивизии Сирелиуса стягивалось целых 5 германских дивизий, и ему пришлось отступить. Нечволодов тоже получил приказ отходить.

Между тем войска Ренненкампфа, громя выставленные против них части кавалерии и ландштурма, неудержимо продвигались вперед. К 31 августа они вышли на ближние подступы к Кенигсбергу, заняли Фридланд и городишко Растенбург (он станет знаменитым лишь во Вторую мировую войну как ставка Гитлера). А конный корпус Хана Нахичеванского и кавалерийская дивизия Гурко докатились до Алленштайна. Наши бойцы снова увидели чистенький, вполне мирный го-

род. Жители вежливо раскланивались, а на вопросы о русских недоуменно пожимали плечами – вроде, тут их никогда и не было.

Командующий фронтом Жилинский направил Ренненкампфу новый приказ. Он писал, что Самсонова постигла неудача и требовал вернуть кавалерию из рейда. Но командарм рассудил иначе: поскольку его конница очутилась в тылах у немцев, он приказал ей погулять как следует, взрывая железнодорожные пути, дамбы, порушить станции и линии связи.

Эти прорывы русской кавалерии вызвали у немцев сильный переполох. Вспыхнула ложная тревога: «Русские идут!» Открывали огонь по своим, было немало жертв. Очевидцы утверждали, что при ночном шуме в Найденбурге генерал Моргентау удрал босиком, надев ремень с кобурой поверх нательного белья.

Зато на русских окруженцев началась настоящая охота. К солдатам подключились полиция, егеря, штатские добровольцы с ружьями и собаками. Очевидцы описывали, как тяжелораненых пристреливали, забивали прикладами, «стрельба по нашим санитарным отрядам и полевым лазаретам стала обычным явлением». Над пленными измывались, их избивали, впрягали в трофейные пушки вместо лошадей и заставляли тащить. В плен попало 9 наших генералов.

Германская военная пропаганда непомерно раздула масштабы победы, трубила сначала о 70, потом о 90 тыс. пленных, о 20 тыс. убитых русских, а число трофейных орудий постепенно росло от 300 до 600. Реальные потери наших войск были скромнее. Погибло 6 тыс. воинов, попало в плен 50 тыс. (из них 20 тыс. раненых), немцам досталось 200 орудий, часть из которых были подбиты или выведены из строя артиллеристами. Как сообщалось в одном из докладов, «большинство офицеров, пробивавшихся в одиночку или с нижними чинами, выдержали ряд самых тяжелых испытаний и опасностей и выказали незаурядное личное мужество и храбрость, преодолевая на своем пути превосходимого по силе противника, борясь

с бронированными автомобилями… и даже артиллерией противника, уничтожая то и другое»[1].

Немецкая пропаганда громогласно заявила о «гибели 2-й армии». Но это было далеко от истины. Им удалось разгромить 5 русских дивизий, и победа обошлась недешево: немцы потеряли 30 тыс. убитыми и ранеными. Мало того, за успех на Востоке им пришлось заплатить стратегическим проигрышем на Западе, откуда снимались подкрепления. А 2-я русская армия была жива, большая часть ее сил просто отступила. Новым командующим стал энергичный генерал Шейдеман. Он очень быстро привел армию в порядок. И всего лишь через неделю она снова вела активные боевые действия.

После окружения частей 2-й армии немцы, оставив против нее заслон, решили приступить к разгрому 1-й армии. Наступление началось 6 сентября. Несмотря на то, что наши войска располагали вполне достаточными силами, командующие Северо-Западным фронтом Жилинский и 1-й армией Ренненкампф не выполнили своего долга. К исходу 9 сентября противник прорвал слабую оборону русских войск в районе Мазурских озер, поставив тем самым под удар левый фланг 1-й армии.

Разрозненные действия царских генералов крайне отрицательно отразились на так удачно начавшейся Восточно-Прусской операции. Отход 1-й армии начался в ночь на 10 сентября. От окончательного разгрома ее спасла лишь нерешительность немецкого командования, опасавшегося контрудара русских, которого, впрочем, так и не произошло.

13 сентября командование Северо-Западного фронта отдало приказ, по которому 1-й армии предписывалось отойти за Неман, 2-й – за Нарев, а 10-й армии, обороняясь на р. Бобр, прикрывать район Августов, Гродно. Восточно-Прусская опе-

[1] Шамбаров В.Е. Великие войны России XX века. – С. 117; Шамбаров В.Е. Последняя битва императоров. – С. 117.

рация завершилась. В ходе ее русская армия потеряла 245 тысяч человек, в том числе 135 тысяч пленными.

Исследовавший Восточно-Прусскую операцию советский военный историк профессор А.М. Зайончковский недвусмысленно писал в своих выводах: «Германское командование не имело никаких оснований венчать себя лаврами Ганнибала и провозглашать Танненберг «новыми Каннами», но дело не в форме, по которой было разбито 5 русских дивизий, а в том, что сами по себе «Канны и явились последним, случайным и при этом не главным этапом армейской операции 8-й германской армии. Русские войска в основном потерпели поражение не столько от германских войск, сколько от своих бездарных высших военачальников». В первую голову виновники Николай Николаевич и Жилинский, проявившие неслыханное легкомыслие и безответственность.

Как могла сложиться иначе судьба войск А.В. Самсонова, когда 1-я армия Ренненкампфа простояла без движения, в то время как решалась их судьба. Масса конницы Хана Нахичеванского жалась к пехоте, а не пошла в рейд, чего смертельно боялись в немецких штабах. Ренненкампф и по личным склонностям не мог рвануться помочь попавшему в беду русскому генералу. Слишком натерпелся он от этих «русских». В самом начале века командир Ахтырского гусарского полка Павел Георг Карлович Эллер фон Ренненкампф был замечен в близости к казенному сундуку. Командующий Киевским округом Драгомиров приказал ему убраться в Сибирь…. В канун войны он командовал Виленским округом. Отсюда «командование 1-й армией, бездействие которой только и дало возможность Гинденбургу и Людендорфу собрать превосходящие силы против 2-й русской армии. К этому нужно добавить небрежность русских штабов в пользовании радиосвязью: важнейшие сообщения шли либо открытым текстом, либо незамысловатым кодом. Людендорф без труда заглядывал в карты русского командования.

Армию Самсонова безоговорочно принесли в жертву, чтобы выправить положение на Западном фронте. Корпуса, снятые из ударной немецкой группировки, заходившей на Париж, не поспели к Танненбергу. Но их не было и в сражении на Марне, решавшем судьбу Франции.

Не только их не было на Марне. Из 27 корпусов, вторгнувшихся в Северную Францию, помимо этих двух, еще четыре корпуса были выведены из подступавшей к Парижу немецкой группировки. Они были сняты и ожидали приказа уйти на восток.

Маршал Фош, не любивший особенно Россию, размышляя в старости о событиях Первой мировой войны, воздал должное русским: «Большие войны, особенно те, которые затрагивают несколько союзных государств, и большие сражения, разыгрывающиеся во время таких войн, нельзя рассматривать только с точки зрения каждой из участвующих в них групп сил… Мы не можем забывать о наших союзниках на Восточном фронте, о русской армии, которая своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил противника и тем позволила нам одержать победу на Марне». Как пишет Н.Н. Яковлев, «ему, командующему 9-й французской армией, решившей исход битвы на Марне, это было ясно как день»[1].

Если рассматривать итоги Восточно-Прусской операции в целом, то следует отметить, как пишет В.К. Шацилло, «бесплодность стратегических усилий немецкого верховного командования. Ему не удалось разгромить русские армии, они были лишь вытеснены к государственной границе. Устойчивость Северо-Западного фронта не была нарушена, и по-прежнему оставалась угроза его вторжения в Восточную Пруссию».

В то же время действия русской армии, наоборот, имели огромное стратегическое значение. Верное своим союзническим обязательствам русское командование пришло на помощь по-

[1] Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – С. 50.

павшей в беду Франции и начало не совсем подготовленное наступление. Вторжение в Восточную Пруссию вынудило германское командование перебросить из Франции два армейских корпуса под Кенигсберг и одну кавалерийскую дивизию, что серьезно ослабило их ударную группировку на западе и стало одной из причин поражения немцев в битве на Марне. План немцев молниеносного разгрома одного противника за другим был сорван. Вместо него кайзеровская Германия встала перед необходимостью вести затяжную войну на два фронта, а ее могли выиграть не тот, кто нападал первым и делал ставку на «блицкриг», а тот, у кого было больше потенциальных людских и материальных средств, необходимых для длительной войны «на истощение». Не дав разгромить союзника, верховное командование русской армии сорвало хваленый «план Шлиффена», чем направило ход мировой войны совсем не в то русло, на которое рассчитывали немецкие милитаристы.

Стратегическое значение Восточно-Прусской операции состоит и в том, что своими активными действиями армии Северо-Западного фронта сковали немецкие войска и не дали им возможности оказать помощь австро-венгерским дивизиям, что позволило нанести крупное поражение войскам Австро-Венгрии в Галицийском сражении.

Важно подчеркнуть и другое: в ходе Восточно-Прусской операции русские войска показали, что они по уровню своей боевой подготовки ни в чем не уступали германским. Ряд тяжелых поражений немцев это подтвердили. Вместе с тем первое крупное сражение мировой войны показало и некомпетентность высшего русского командования, не сумевшего должным образом использовать свои войска и реализовать полученные возможности.

Но тогда, в августе 1914 года, война только начиналась. И русским войскам еще не раз приходилось показывать свою стойкость, героизм, мужество и верность союзническому долгу.

Для расследования причин поражения русских войск в Восточно-Прусской операции была назначена правительственная

комиссия. Жилинский попытался свалить вину на Ренненкампфа. Мол, струсил и вовремя не помог Самсонову. Но великий князь Николай Николаевич представлял истинное положение, хорошо знал командующего 1-й армией и возмутился такой клевете. Он заявил: «Жилинский сам потерял голову и не способен управлять боевыми действиями». Для проверки в 1-ю армию направили генерала Янушкевича, доклад которого был очень лаконичным: «Ренненкампф остался тем, кем был». По результатам расследования сняли командиров корпусов Артамонова, Кондратовича, Благовещенского и самого Жилинского.

3 сентября 1914 года генерал Я.Г. Жилинский был отстранен от командования, а на следующий день в командование Северо-Западным фронтом вступил генерал от инфантерии Н.В. Рузский, командовавший до этого 3-й армией.

Итог первой операции русских войск оказался неутешительным. Однако Я.Г. Жилинский, как отмечали современники, не видел в этом своей вины. Главным виновником личной и боевой неудачи он называл начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Янушкевича, который якобы своим непристойным и мелочным вмешательством в дела Северо-западного фронта предопределил исход Восточно-Прусской операции.

В течение года Я.Г. Жилинский находился в распоряжении военного министра. В конце 1915 года он был направлен представителем Верховного главнокомандующего России в Париж и пребывал там до лета 1917 года, когда был отозван Временным правительством [1].

---

[1] Рунов В.А. Полководцы Первой мировой войны. Русская армия в лицах. М., 2014. – С. 290-299..

Глава V. ЖЕЛЕЗНАЯ ПОСТУПЬ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Битва за Галицию

Активные боевые действия войск Юго-Западного фронта также начались преждевременно и тоже связаны были с обращением союзников о помощи. 14 августа 1914 года генерал Янушкевич телеграфировал командующему фронтом Н.И. Иванову о том, что Франция просила «поддержать ее наступлением не только армиями Северо-Западного фронта, но Юго-Западного»[1]. В связи с этим было решено, не дожидаясь полного сосредоточения и развертывания своих армий, атаковать австро-венгерские войска в Галиции, разгромить их и не дать им отойти на юг за Днестр и на запад к Кракову.

Главнокомандующим Юго-Западным фронтом был 61-летний генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов. В молодости в чине поручика он отличился в русско-турецкой войне. «Но с той поры утратил пыл, военными талантами не выделялся, его считали в большей степени хозяйственником, чем полководцем»[2]. Иванов был близок к придворным кругам, стал крестным наследника престола Алексея. Хорошо воевал в Маньчжурии, где командовал корпусом. А в 1906 году сумел утихомирить мятеж в Кронштадте с арестом 3 тыс. солдат. С 1908 года до начала войны он командовал Киевским военным округом. Он внес существенный вклад в боевую подготовку вверенных ему войск.

Генералу Иванову повезло с начальником штаба. Ему достался отличный штабист генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. Отец его был крепостным крестьянином, попал в солдаты и выслужил чин майора. Сам Михаил Васильевич окончил Московское юнкерское пехотное училище

[1] История Первой мировой войны 1914-1918. Т. 1. М., 1975. – С. 329.
[2] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 118.

Началась война с турками, и он ушел на фронт прапорщиком в составе 84 пехотного Казанского полка. За личную храбрость был удостоен пяти боевых наград. Обладал редким трудолюбием, учился самостоятельно и поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Проявил себя великолепно, стал профессором военной истории. На русско-японскую войну пошел генерал-квартирмейстером 3-й армии, был награжден несколькими орденами и Золотым оружием. Потом служил в Генштабе и в Киевском округе, на маневрах понравился царю детальным разбором операции. Командовал 13-м корпусом, тем самым, который летом 1914 года погубил генерал Клюев[1].

А.А. Брусилов отмечал, что это был «человек очень умный, быстро схватывающий обстановку, отличный стратег»[2]. А профессор академии генштаба Головин вспоминал: «Алексеев является выдающимся представителем нашего генерального штаба. Благодаря присущему ему глубокому уму, громадной трудоспособности и военным знаниям, приобретенным им самим в индивидуальном порядке, он был на голову выше других представителей русского генерального штаба». Генерал Алексеев был глубоко и искренне православным верующим. В трудной обстановке становился перед иконой на колени, молился долго и истово. Считал, что именно тогда к нему приходят правильные решения. Вот только обладал он слишком мягким характером, что является определенным минусом для военного человека. Он не умел стукнуть кулаком, «нажать». Не любил спорить, убеждать других в своей правоте. Поэтому старался избегать совещаний, всю работу предпочитал делать один. Но командующий ему, собственно, и не мешал. Разработку Галицийской операции, о которой у нас пойдет речь, осуществлял начальник штаба Юго-Западного

[1] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 118-119.
[2] Брусилов А.А. Воспоминания // Гумилев Н.С. Записки кавалериста. М., АСТ, 2014. – С. 106.

фронта М.В. Алексеев, он же фактически руководил войсками, а Иванов лишь подписывал представленные ему документы. Так считает историк-писатель Валерий Шамбаров.

Австрийская территория дугой вдавалась в русскую, и предусматривалось несколько концентрических ударов. С востока, на Украине, наступали на Львов 3-я и 8-я армии. С юга их прикрывал небольшой Днестровский отряд. Второй удар наносился с севера, из Польши. 5-я армия из Ковеля тоже нацеливалась на Львов, а 4-я располагалась западнее и наступала от Люблино и Холма – на Перемышль. В составе фронта должно было собраться 47 пехотных и 18,5 кавалерийских дивизий. Хотя к началу сражения имелось лишь 34,5 пехотных и 12,5 кавалерийских дивизий – около 650 тыс. бойцов. Остальные войска должны были подтянуться позднее.

Столь же амбициозные цели ставило и австро-венгерское командование перед собой: оно предполагало нанести главный удар силами 1-й и 4-й армий между Вислой и Бугом в северном направлении, чтобы разгромить 4-ю и 5-ю русские армии у Люблина и Холма и выйти в тыл войск Юго-Западного фронта. Подразумевалось, что одновременно с ударом 1-й и 4-й армий на север Германии войска разовьют наступление на Седлец, о чем еще до войны австрийцы договорились с начальником германского генштаба Мольтке. 3-я армия прикрывала район Львова[1].

Обе стороны проявили настойчивое стремление добиться осуществления своих замыслов. Это привело к грандиозной Галицийской битве, развернувшейся между Днестром и Вислой. Ее главнейшими событиями были Люблин-Холмская операция, Галичско-Львовская операция и Городецкое сражение.

Силы противника превосходили русских, у него было 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий (около 750 тыс. штыков и сабель). По мере развития операции должны были подойти еще 250 тыс. Главный удар наносился австро-венгерскими войсками на север, в Польше. Тут австрийцы создали двойной перевес, против наших 4-й и 5-й армий развертывались 1-я и 4-я армии, с левого фланга их прикрывали армейская группа Куммера и германский корпус Войрша. На восточном участке, в Галиции, превосходство было у русских. Против 3-й и 8-й наших армий выдвигались 3-я австрийская и армейская группы Кевеса. Предполагалось, что они измочалят русских в активной обороне и тоже перейдут в наступление.

[1] История Первой мировой войны 1914 -1918. Т. 1. – С. 330.

Пока шло сосредоточение русских ударных группировок, вся граница полыхала – с обеих сторон забрасывались разведывательные отряды, иногда до бригады. В некоторые приграничные русские города врывались немцы или австрийцы. Поведение их было неописуемо – массовый грабеж, расстрелы заложников, насилие над женщинами. В Ченстохове было расстреляно 18 человек, богатейший Ясногорский монастырь был разграблен и осквернен. Немецкая солдатня устраивала там дикии оргии, куда сгоняли местных женщин. Так уже в первые дни войны «цивилизованная Европа» демонстрировала свою дикость.

Местом жуткой бойни стал город Калиш. В официальном сообщении главного управления Генерального штаба России сухо перечислялись только считанные злодеяния, совершенные по приказу немецкого командования: «Когда президент города Буковинский, собрав с населения по приказу генерала Прейсковера 50 тыс. рублей, вручил их немцам, то был тотчас же сбит с ног, подвергнут побоям ногами и истязанию, после чего лишился чувств. Когда же один из сторожей магистрата подложил ему под голову свое пальто, то был расстрелян тут же у стены. Губернский казначей Соколов был подвергнут расстрелу после того, как на вопрос – где деньги? – ответил, что уничтожил их по приказанию министра финансов, в удостоверение чего показал телеграмму». Местных жителей расстреливали на каждом шагу: «трупы лежат неубранными на

улицах и в канавах… За нарушение каждого постановления генерала Прейскевера приказано расстреливать десятого»[1].

Люди 1914 года были потрясены: вести о чудовищных зверствах потоком шли из Бельгии, Франции, России – отовсюду, куда вступал кованый сапог немецкого солдата. Мир еще не знал фашизма, Освенцима, Дахау, гитлеровского геноцида, но зверства над мирными людьми широким потоком захлестнули территории, где немцы вступали на чужую землю.

Уже тогда, летом 1914 года, четко увидели, что враг систематически нарушает законы и обычаи войны. Пытки и убийство пленных германцами и австрийцами были не исключением, а правилом. В первые недели войны немцы стали применять разрывные пули дум-дум, запрещенные Гаагской конвенцией. Мирные города беспощадно обстреливались из тяжелых орудий.

Это не были эксцессы отдельных командиров на местах. Это был приведен в действие механизм «скоротечной войны», основа плана Шлиффена. Его установки конкретизировались относительно Востока так: «Все должно быть утоплено в огне и крови – учил кайзер Вильгельм II, – необходимо убивать мужчин, женщин, детей и стариков, нельзя оставить ни одного дома, ни одного дерева. Этими террористическими методами, единственными, которые способны устрашить такой выродившийся народ как французы, война будет окончена менее чем в два месяца, в то время как, если я приму во внимание гуманные соображения, война продлится несколько лет»[2].

Грабежи также были запланированы и претворялись в жизнь с немецкой педантичностью. Наставление для командного состава немецкой армии гласило: «Самый простой и самый удобной для солдат способ продовольствия – это от квартирохозяев; этим сберегутся собственные запасы… Реквизиции, производимые как административными учреждениями в

[1] Цит. по: Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994. – С. 51.
[2] Цит. по: Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – С. 52.

больших размерах, так и войсками для удовлетворения их потребностей данного момента, являются наиболее выгодными способами продовольствия в неприятельской части театра военных действий».

Русские офицеры хорошо знали об этом еще до войны. Генштаб озаботился издать в 1912 году в Варшаве перевод этих бесподобных по своей варварской сути документов – «Германские основные принципы высшего командования войсками». Теперь немцы претворяли эти принципы в практику. Притворяли и на Западе, и на Востоке.

Русские командующие, зная о происходящем, сжав зубы, методично готовили общее наступление, отклоняя настойчивые просьбы выгнать врага из того или иного города. Когда и Верховный главнокомандующий попытался побудить командующего 8-й армией А.А. Брусилова выбить австрийцев из захваченного Каменец-Подольска, то получил отказ. «Разбрасывать свои силы перед самым началом боевых действий я не считаю возможным, – телеграфировал Брусилов в Ставку. – Когда я перейду в наступление и вступлю на австрийскую территорию, то эта колонна, боясь быть отрезанной, сама побежит назад без всякого понукания».

Так оно и случилось. Стоило Юго-Западному фронту прийти в движение, писал позднее Брусилов, и австрийцы поспешно покинули Каменец-Подольск и полностью вернули контрибуцию, которую собрали с жителей города. Это было совершенно естественно, потому что они хорошо знали, что если они возьмут контрибуцию с жителей Каменец-Подольска, то я, в свою очередь, заняв Тарнополь, Трембовлю и Чертков, не пощажу этих городов и обложу их такой же, если не большей контрибуцией». Впрочем, это были в основном угрозы: не в обычае русской армии предавать разграблению занятые города. После занятия Львова Брусилов заверил явившуюся к нему депутацию от городского управления: «Никакой контрибуции на город я накладывать не буду».

В приказе по армии от 7 августа 1914 года Брусилов, поздравив войска «с переходом границы», потребовал: «объяснить нижним чинам, что мы вступаем в Галицию, хотя и составляющую теперь часть Австро-Венгрии, но это – исконная русская земля, населенная, главным образом, русским же народом, для освобождения которого война и ведется. Русская армия не ведет войны с мирными жителями. Русский солдат для мирного жителя, к какой бы он народности не принадлежал, не враг, а защитник, а тем более он защитник для родного по крови галичанина. Я выражаю полную уверенность, что никто из чинов, имеющих честь принадлежать к армии, не позволит себе какого-нибудь насилия над мирным жителем и не осрамит имя русского солдата. С мирным населением каждый из нас должен обращаться так же, как это было в родной России»[1].

Облик врага вырисовывался достаточно четко и ясно. Это был облик варваров и вандалов по отношению к противнику, особенно к русским. Однако русские войска придерживались рыцарского кодекса ведения войны. В традициях его соблюдения и был воспитан офицерский корпус. Отступление от кодекса считалось, помимо прочего, вредным для успеха на поле боя. Нарушители немедленно призывались к порядку.

Дух русской армии перед сражением был высочайшим. Прекрасно было налажено снабжение. Пайку русского солдата мог позавидовать боец любой другой армии того времени. На день полагалось 3 фунта хлеба (1230 гр.), мяса – 615 гр., жиров – 106 гр., сахара – 68 гр. на человека. Плюс масло, крупа, овощи. Такая норма продержалась до весны 1916 года. Однажды командир Каргопольского драгунского полка был даже вынужден отдавать приказ – каждый нижний чин «обязан» съедать выданное продовольствие, «дабы иметь силы в предстоящей ему боевой работе»[2].

[1] Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – С. 53.
[2] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 120.

Стоит упомянуть и о некоторых других особенностях русской императорской армии. Пехотные и кавалерийские полки, кроме номеров, имели названия по городам. Это не означало места их дислокации. Название указывало на место рождения полка или было символическим. Но города «шефствовали» над «своими» полками, поддерживали связи, присылали подарки. Казачьи полки назывались по месту их формирования, а номер означал очередность призыва.

В войсках был очень сильны боевые традиции. Любой офицер и солдат знал историю своей части так детально, будто речь шла о собственных предках. Очень престижными были коллективные отличия, заслуженные полками за подвиги прошлых войн – это могли быть наградные знамена, добавка к названию, серебряные трубы, особые значки или отклонения от формы одежды (скажем, Апшеронскому полку полагались красные отвороты на сапогах в память о том, что в битве при Кунерсдорфе полк выстоял «по колено в крови»). Такими отличиями гордились все солдаты части.

Очень высоко ставилось понятие офицерской чести. Но и понятию солдатской чести придавалось большое значение. Устав гласил: «Солдат есть имя общее, знаменитое, имя солдата носит всякий военнослужащий от генерала до последнего рядового». Важнейшую роль в армии играли унтер-офицеры. Это были профессионалы высочайшего уровня, костяк любого полка, «отцы родные» солдат – их непосредственные учителя и наставники. Армия воспитывалась в строгой духовности, священник в полку был далеко не последним лицом. Хотя при этом допускалась широкая веротерпимость – мусульманам, католикам, лютеранам, даже язычникам из народов Поволжья и Сибири разрешалось отправлять свои обряды, присягу каждый принимал по обычаям своей веры.

В подготовке пехоты важное значение имел штыковой бой, учили ему основательно, существовало настоящее искусство фехтования на штыках. А конницу, соответственно, учили мастерски владеть шашками. Пулеметчики были «элитой»

и даже в пехотных полках обижались, если их путали с пехотой – сами они причисляли себя к коннице. Пулеметы появились недавно, и расчет «максима» состоял не из двух бойцов, как впоследствии, а из 9. Командир, наводчик, его помощник, дальномерщик-наблюдатель, подносчик патронов, пулеметная и патронная двуколка с ездовыми, двое верховых – разведчики и связные. Полковая пулеметная команда из 8 пулеметов, 80 человек и 16 легких повозок была сама по себе сильным и мобильным подразделением. А военным музыкантам приходилось не только играть марши – в боях на них возлагались обязанности санитаров и похоронной команды.

Перед началом русского наступления 10 августа 1914 года появился приказ № 40 главкома Юго-Западным фронтом Иванова, подготовленный при живейшем участии начальника штаба фронта Алексеева. Этот приказ вводил командный состав в мир политики. «Необходимо помнить, что крестьянское население восточной Галитчины представляет собой коренной русский народ. Поселянин в этих областях говорит на малорусском наречии, а интеллигент – на чистом русском языке... Отношение наших войск, особенно к крестьянам, должно быть доброжелательным и мягким, чтобы они могли видеть в нас действительно избавителей зарубежной Руси от австрийского гнета...».

Предписывалась «особая осторожность при реквизициях», раздавать при нужде русскому населению муку или хлеб, относиться к ним как к «родным братьям», ибо «родная нам по крови Галитчина с открытым сердцем и добрыми чувствами должна войти в лоно великой Матери Руси». Всем офицерам предписывалось почерпнуть дополнительные сведения из брошюры «Современная Галитчина», составленной при военно-цензурном отделении штаба Верховного главнокомандующего, разосланной по штабам всех армий. Это были добрые намерения, но трудно представить поголовно всех офицеров усердными читателями рекомендованной брошюры. Они были заняты прямым своим делом – войной. А операциям на

ном театре военных действий был задан изначально головокружительный темп.

На Юго-Западном фронте сроки развертывания получились тоже разные, поэтому 8-я армия выступила 18 августа, 3-я – 19, а 4-я и 5-я – 23 августа. 8-й армией командовал Алексей Алексеевич Брусилов[1]. У него было 3 неполных корпуса

---

[1] А.А. Брусилов родился 19 августа 1853 года в городе Тифлисе. Дальние его предки были выходцами из Речи Посполитой. Отец – Алексей Николаевич – майором участвовал в Бородинском сражении, был ранен. Дошел до Парижа. Брат Алексея, Лев, посвятил себя тоже военной службе. В русско-японскую войну командовал крейсером «Громобой», умер в чине контр-адмирала будучи начальником Морского Генерального штаба. Второй брат, Борис, впоследствии стал крупным московским землевладельцем.

Рано оставшись без родителей, братья были приняты в семью дяди – военного инженера Карла Антоновича Гагемейстера. Здесь они получили прекрасное домашнее образование. В 14 лет Алексей Брусилов выдержал экзамен в четвертый класс Пажеского корпуса.

Но проучившись два года, Брусилов не смог сдать очередные переводные экзамены и вынужден был вернуться в Кутаиси к дяде. С помощью репетиторов он наверстал упущенное, и год спустя успешно отчитался не только за пятый, но и за шестой классы, догнав, таким образом, своих сверстников. Однако срыв в учебе не прошел бесследно. По выпуску из Пажеского корпуса прапорщик А.А. Брусилов лишался привилегии служить в гвардии и направлялся в армейский драгунный полк, дислоцированный в Закавказье.

С августа 1872 года служил в должности младшего офицера 1-го кавалерийского эскадрона.

На русско-турецкой войне поручик Брусилов служил в должности адъютанта полка, на котором лежала ответственность за многочисленные штабные и хозяйственные дела. Он неплохо справлялся с ними.

С особым азартом А.А. Брусилов участвовал в боевых вылазках, был награжден тремя орденами, досрочно произведен в штабс-капитаны. Молодой офицер набрался богатого боевого опыта, стал свидетелем блестящих побед и горьких поражений. Это заставило его задуматься и критически отнестись к своим военным знаниям. В 1881 году Алексей Алексеевич поступил в только что открывшуюся в Петербурге Офицерскую кавалерийскую школу.

(119 тыс. штыков и шашек при 472 орудиях). В наступлении армию Брусилова должен был нагнать еще один, 24-й корпус, подойти три казачьи дивизии с Кавказа.

Австрийцы попытались сорвать русское наступление упреждающим ударом. 17 августа их части вторглись на нашу территорию, захватили Каменец-Подольск, под угрозой артиллерийской бомбардировки потребовали от города уплатить большую контрибуцию. Обеспокоенный Иванов потребовал от Брусилова направить войска и выбить врага. Но Брусилов и Алексеев указали, что не следует разбрасывать силы – начнется операция, и австрийцы сами уйдут, чтобы их не отрезали от своих. На следующий день 8-я армия двинулась в наступле-

---

За примерную службу был награжден орденом Анны 2-й степени. Его оставили адъютантом школы. Это позволило ему на прекрасной учебной материальной базе продолжать самообразование.

Вскоре он был назначен преподавателем верховой езды, а после производства в полковники, стал начальником основного отдела эскадронных и сотенных командиров. Он был замечен инспектором кавалерии Великим князем Николаем Николаевичем.

Со временем Брусилов стал широко известен и весьма авторитетен среди нескольких сотен полковников, состоявших на военной службе. За многие годы преподавания перед ним прошел чуть ли не весь обер-офицерский состав русской кавалерии. В 1900 году Алексей Алексеевич был произведен в генерал-майоры.

В 1902 году Брусилов возглавил Офицерскую кавалерийскую школу. В апереле 1906 года он был назначен командиром 2-й кавалерийской гвардейской дивизии. В 1908 году получил назначение на должность командира 14-го армейского корпуса, дислоцированного под Люблином. В мае 1912 г. Брусилов был назначен помощником командующего Варшавским военным округом, в декабре стал генералом от кавалерии, достигнув тем самым высшей ступени в иерархии военных чинов Российской империи. Летом 1913 года был переведен в Киевский военный округ командиром 12-го армейского корпуса. С началом мобилизационного развертывания русских войск Брусилов переходит в командование 8-й армией Юго-Западного фронта. 2 августа 1914 г, еще до сосредоточения корпусов и дивизий армии в назначенных районах, Брусилов получил приказ на наступление. (Рунов В.А. Полководцы Первой мировой. – С. 427-432).

ние, отбросила прикрывающую берег р. Збруч кавалерийскую дивизию противника.

Предположения Брусилова оправдались. Едва узнав о форсировании Збруча, австрийцы сразу убрались из Каменец-Подольска, а контрибуцию вернули до копейки – ведь русские могли ответить им тем же. Австро-венгерское командование рассчитывало, что Юго-Западный фронт сможет завершить мобилизацию только недели через две, и наступление стало для врага полной неожиданностью. С Балканского фронта спешно повернули в Галицию 2-ю армию. А навстречу Брусилову, чтобы задержать его на рубеже р. Серет, выслали 3 кавалерийские дивизии и несколько пехотных бригад. Но конница, продвигавшаяся в авангарде 8-й армии, обнаружила противника и опрокинула его одной атакой. Многих порубили, остальных обратили в бегство и взяли г. Тарнополь.

Справа от Брусилова вступила в бой 3-я армия. Командовал ею генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский[1]. Войск у его было побольше, чем у Брусилова – 4 кор-

---

[1] Н.В. Рузский родился 6 (18) марта 1854 года в семье беспоместных служилых дворян Калужской губернии. В детстве одел погоны воспитанника Петербургской военной гимназии, а в юности – юнкера Константиновского военного училища, после окончания которого был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Гренадерский полк. В составе этого полка принял первое боевое крещение в войне с Турцией 1877-1878 года. Был ранен в сражении под Горьким Дубняком, но подлечившись, вскоре вернулся в строй. С Балкан Николай Владимирович вернулся штабс-капитаном, награжденным Анненковским оружием с надписью «За храбрость» и орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

В 1878-1881 гг. был слушателем Николаевской академии Генерального штаба, которую в то время возглавлял известный военный теоретик генерал М.И. Драгомиров. Рузский был произведен в капитаны, причислен к Генеральному штабу и направлен на службу в Киевский военный округ. В этом округе он прослужил с небольшими перерывами почти 30 лет, последовательно пройдя ряд командных и штабных должностей, вплоть до генерал-квартирмейстера (начальника оперативно отдела) штаба округа. Причем с 1888 по 1898 гг. ему пришлось работать непосредственно под

пуса (215 тыс. человек и 685 орудий). Кавалерия Рузского с налета взяла приграничные города Лешнюв, Станиславчик, Броды. С ней схлестнулась венгерская конница и потеснила во встречных боях. Нашим частям было приказано остановиться на р. Стырь. Подтянувшаяся австрийская пехота бросилась в контратаку. Но казачьи батареи встретили их шрапнелью, наши командиры умело разместили пулеметы, поливавшие неприятеля фланговым огнем. Атаки австрийцев захлебнулись. А русская 11-я кавалерийская дивизия форсировала Стырь в стороне, южнее вышла в тыл противнику и заставила бежать его. 3-я армия устремилась вперед.

Так начиналась Галицийская битва, которая продолжалась месяц с небольшим (18 августа – 21 сентября 1914 г.). Ставка

руководством Драгомирова, который был командующим войсками Киевского округа.

По воспоминаниям сослуживцев Н.В. Рузский был блестящим генерал-квартирмейстером и умело руководил боевой подготовкой офицеров округа.

Вскоре генерал Рузский был назначен начальником штаба Виленского военного округа, на базе которого часто проводились крупные войсковые учения.

В период русско-японской войны Рузский был командирован в Маньчжурию, где возглавил штаб 2-й армии. Он участвовал в разработке и проведении целого ряда операций, командовал аръергардом армии при ее отходе от Мукдена. Был награжден двумя орденами.

В начале Первой мировой войны Н.В. Рузский командовал войсками 3-й армии Юго-Западного фронта. С осени 1914 года до лета 1917 года, с некоторыми перерывами, он командовал войсками Северо-Западного и Северного фронтов, который принял участие в нескольких крупных операциях. Именно Рузский стал одним их четырех русских военачальников, которые были награждены орденом Св. Георгия 2-й степени.

Но судьбе угодно было распорядиться так, что именно с именем генерала Рузского историки связывают отречение Николая II от российского престола. Это поставило Николая Владимировича в ряды тех, кто не только был противником российской монархии, но и непосредственно внес вклад в ее крушение. Но в отличие от некоторых других генералов, Рузский не стал сотрудничать ни с Временным правительством, ни с большевиками, за что и был зверски убит последними в 1918 году в г. Пятигорске.

требовала от Юго-Западного фронта вести не только «стремительное», но даже «непреклонно ураганное наступление». Как отмечал позднее в своих мемуарах А.А. Брусилов, «такая спешка была вызвана необходимостью помочь англо-французам, которым приходилось плохо, чтобы нашими наступательными действиями оттянуть хотя бы часть вражеских сил с Западного фронта на Восточный, против нас».

С потрясающей быстротой сражения в Галиции сменяли друг друга – у Красника и Томашува (Люблин-Холмская операция), на реках Золотой Липе и Гнилой Липе (Галич-Львовская операция), бои у Городка. Русские войска с тяжелыми боями шли вперед, отбивая постоянные попытки австрийцев и немцев перейти в контрнаступление. Поражение Самсонова побудило русские штабы быть осмотрительнее, и продвижение носило очень упорядоченный характер, даже с чрезмерной заботой о флангах[1]. Но стратегически наступление было дерзким – командование фронтом презрительно игнорировало вполне реальную угрозу удара 8-й немецкой армии из Восточной Пруссии в свой тыл. Русские генералы признали тактическое умение немцев, но не верили в их стратегическое искусство. И в этом они оказались правы.

Начавшееся 18 августа наступление войск Юго-Западного фронта на территории в 400 км. по фронту от Ивангорода до Каменец-Подольска брало «в клещи» весь район между Перемышлем и Львовом. Ставилась задача захватить Галицию. В свою очередь австрийцы силами четырех своих армий планировали вторжение в Польшу с целью разгрома русских войск, расположенных в междуречье Вислы и Буга.

23 августа произошло столкновение противников у города Красники, переросшее позднее в Галицийскую битву. В ходе упорных боев русские войска прорвали оборону австрийцев и 3 сентября взяли Львов. Спустя еще два дня 8-я армия генерала Брусилова заняла хорошо укрепленную крепость Га-

[1] Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – С. 55.

лич, в которой австрийцы бросили много тяжелой артиллерии и снаряжения. В ходе Галицийской битвы героически погиб, впервые в мировой истории применив воздушный таран и сбив самолет противника, выдающийся русский военный летчик штабс-капитан П. Нестеров[1].

Развивая успех, русская армия перешла в наступление по всему фронту. К 13 (26) сентября после 33 дней упорных боев она продвинулась вглубь на 280-300 км. и вышла к реке Вислока, что в 80-90 км. от Кракова, завершив тем самым победную битву за Галицию, имевшую громадное значение для всей кампании 1914 года. Австрийская армия была поставлена на грань катастрофы. Оставив Галицию, австрийцы потеряли почти половину своей армии. Потери противника составили 400 тыс. человек, из них 100 тыс. сдались в плен. Было брошено свыше 400 орудий. Русские потеряли 230 тыс. человек (94 % ранеными), 94 орудия. В осаде оказался Перемышль – последний оплот сопротивления австрийских войск. Перед русской армией открывалась дорога на Венгерскую равнину, через Краков – в немецкую Силезию – промышленную область Германии. По военному престижу Австро-Венгрии был нанесен непоправимый удар.

[1] Петр Николаевич Нестеров (1887-1914) родился в Нижнем Новгороде в семье офицера. В 1906 году окончил Михайловское артиллерийское училище, в 1912 – Петербургскую офицерскую воздухоплавательную школу. В 1913 г. получил звание военного летчика, разработал и внедрил в практику полетов технику кренов, впервые выполнил ряд фигур высшего пилотажа, в том числе «мертвую петлю» - «петлю Нестерова». Штабс-капитан П. Нестеров - основатель высшего пилотажа. В 1913-1914 гг. совершил рекордные перелеты Киев-Одесса-Севастополь и Киев-Гатчина. С начала войны Нестеров в действующей армии; осуществил 7 боевых вылетов. На фронте он командовал 11-м авиаотрядом 3-й армии, вел воздушную разведку, бомбил гранатами обозы противника. 8 сентября в полете у г. Жолква он встретил большой австрийский самолет, бомбивший нашу пехоту. «Моран» Нестерова не имел вооружения, и летчик впервые в истории авиации пошел на таран. Сбил противника, но и сам погиб. Посмертно был награжден орденом Св. Георгия IV степени. (В советские времена г. Жолква был переименован в Нестеров. Теперь называется Жовква).

От вторжения русских войск в Германию спасло не сопротивление австро-немецких войск, а нарастающая нехватка снарядов на Юго-Западном фронте. С первых же дней боевых действий выяснилось, что артиллерия начинала бой, вела его и решала исход. Противник называл русскую артиллерию «волшебной», своя пехота именовала ее «спасительницей». В отчете в русский генеральный штаб в период Галицийской битвы подчеркивалось: «Блестящие, выше всех похвал действия артиллерии в техническом (стрелковом) отношении заслужили полное одобрение и восхищение, наша артиллерия стрелять умела, она не забыла уроков полигонных, каждый раз, когда надо, она давала то, что может дать современная артиллерия в умелых руках»[1].

Австро-германской пехоте был преподан ужасающий урок. В первое время войны она наступала густыми цепями с интервалами между пехотинцами в один метр, двигавшимися на 100-200 м. друг за другом. Советский специалист Е.З. Барсуков отмечал: «Шрапнель 76 мм. пушек русской артиллерии находила себе обильную жатву в скоплении 3000-4000 человек открыто наступавшего неприятельского пехотного полка на площади до 2 км. по фронту и не более 1000 шагов в глубину; не исключением бывало, что наступавшая таким образом австро-германская пехота, попадая под убийственный огонь шрапнели 76 мм. полевых пушек, уничтожалась почти до последнего человека»[2].

В ходе Галицийской битвы была жестоко наказана австро-германская артиллерия за свои промахи предвоенной подготовки – стрельба только с открытых или полузакрытых позиций. Классический пример показала русская гаубичная батарея мортирного дивизиона в бою под Тарнавкой 26 августа. Она сумела, выпустив всего 200 гранат, подавить огонь шести немецких батарей. На вражеской позиции было захвачено 34

[1] Цит. по: Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – С. 56-57.
[2] Цит. по: Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – С. 57.

орудия, вокруг них лежали перебитые расчеты и лошади. Немцы сунулись было вывезти орудия из-под огня, но этим лишь умножили свои потери.

Пехота Юго-Западного фронта шла в наступление под оглушительный грохот своей артиллерии. Стрелковые командиры требовали вести огонь не только по видимым целям, но и для поддержания морального духа наступающих солдат, звукового и зрительного эффекта. При таком темпе стрельбы «случайно попадавшая на тело орудия шапка орудийной прислуги загоралась как в печке». И было от чего – инспектора без восторга отмечали частые случаи, когда орудийные стволы от продолжительной и скорой стрельбы разогревались «до красного каления». Отсюда проистекал чудовищный расход снарядов – батареи Юго-Западного фронта, имевшего свыше 2 тыс. орудий, расстреляли за три недели по 1000 снарядов на орудие, т.е. запас, заготовленный на всю войну. Начальство наступавших частей категорически требовало от тыла подвезти снарядов, запас которых был израсходован менее чем за месяц боев.

Но на ближайших тыловых складах снарядов не оказалось, и 21 сентября Юго-Западный фронт приостановил операции. Командование просило Ставку «местные парки довести до 100 патронов на орудие», ибо с 15 сентября их было «всего лишь по 25». Сведения о снарядном голоде молниеносно разнеслись по фронту, просочились в тыл и произвели гнетущее впечатление. После поражения армии Самсонова эти сведения ставили под сомнение способность страны вести войну. Доморощенные стратеги сокрушенно качали головами, молниеносно распространялись дикие слухи. Подхватив и усилив их, буржуазная «общественность» открывает злобную кампанию против «бездарных царских генералов».

Осенью 1914 года эта тяжелая клевета еще не смогла подавить здравый смысл – Юго-Западный фронт одержал блистательные победы. Австро-венгерская армия лишилась 45 % своего состава. Австрийские дивизии потеряли в среднем по

7,5 тыс. человек и были обескровлены. Перемышль попал в осаду, открывалась дорога на Венгерскую равнину.

Юго-Западный фронт добился внушительных успехов. Относительно умеренной ценой, потеряв по 4,5 тыс. в среднем на дивизию. В середине сентября враг потерпел поражение на Востоке и Западе.

За тридцать три дня Галицийской битвы русские войска продвинулись на 200 километров, а в сражении на Марне французам удалось отогнать немцев на 50 километров. Из Галицийской битвы Австро-Венгрия вышла с подорванными силами, отныне, вплоть до самого конца войны, ее армия на Восточном фронте могла держаться только при прямой поддержке немцев. В сентябре 1914 года русские войска, оставив за собой Галицию, готовились нанести решающий удар по австрийцам, бежавшим за Карпаты и откатившимся к Кракову.

Варшавско-Ивангородская операция

Очищение Галиции поставило русское командование перед необходимостью определить очередную стратегическую задачу. В штабе Юго-Западного фронта созрел замысел по завершении переправы главных сил через реку Сан двинуть их затем в северо-западном направлении, перевести на левый берег Вислы. И, развернув на рубеже реки Нида, действовать смотря по обстановке: атаковать или на Краков, или на Бреслау[1]. Ставка не возражала против такого решения и поддержала идею вторжения в пределы Верхней Силезии.

Но успех наступления Юго-Западного фронта, как и выполнение задачи на вторжение в Силезию, во многом зависел от действий Северо-Западного фронта. Однако вскоре выяснилось, что состояние этого фронта оставляет желать лучшего.

---

[1] Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов. – М., 1938. – С. 31.

Германское командование сообразило, наконец, что утрата времени смерти подобна: после оперативной паузы Юго-Западный фронт снова пойдет вперед. Последствия было легко предвидеть: в Вене уже пошли разговоры о том, что нужно пойти на мир с Россией. Немецкая разведка представила командованию еще более тревожные сведения: русские собирают мощный кулак в районе Варшавы – Ивангорода и явно для наступления прямо на Запад, т.е. на Берлин. Немцам пришлось принимать срочные меры для спасения своего союзника и для защиты от вторжения русской армии в сердце Германии. Германский генеральный штаб, всерьез обеспокоенный сложившейся ситуацией, пошел на переброску из Восточной Пруссии в Силезию четырех своих корпусов и одной кавалерийской дивизии, составлявших основу 9-й армии.

Назначенный командующим Восточным фронтом Гинденбург решил упредить русское наступление, прикрыв границу Германии. Почти вся 8-я армия перебрасывается сюда из Восточной Пруссии, к ней добавляются войска, снятые с Западного фронта. Немцы вводят в заблуждение командующего австро-венгерскими войсками Конрада, заверяя его, что явились помочь Австрии, а на самом деле втягивают австрийцев в свою операцию – защищать Германию.

Германский генштаб наметил силами вновь сформированной 9-й армии совместно с 1-й австро-венгерской армией предпринять наступление на Средней Висле с целью выйти во фланг и тыл войск Юго-Западного фронта. На 8-ю армию, командование которой перешло к генералу Шуберту Р., возлагалась задача обеспечить оборону Восточной Пруссии от возможного вторжения русских. Перевозка боевых соединений из Восточной Пруссии в Верхнюю Силезию была произведена с 4 (17) по 15 (28) сентября 1914 года.

28 сентября германо-австрийские войска перешли в наступление. Они имели неоспоримое превосходство в силах, бои охватили всю западную часть Польши. К десятым числам октября немцы вышли к Варшаве, а австрийцы к Ивангороду.

Попытка взять штурмом не удалась. Людендорф вспоминал: «В дни боев под Варшавой и Ивангородом приходилось целые ночи не смыкать глаз, а уцелевшие солдаты вспоминают о них с ужасом». К этому времени закаленные дивизии Юго-Западного фронта, совершив беспримерный марш в сотни километров от реки Сан, обрушились на германо-австрийскую группировку. Сокрушенный в сражении враг побежал. Людендорф записывал: «27 октября был отдан приказ об отступлении, вероятность которого, так сказать, уже висела в воздухе. Положение было исключительно критическое. Теперь, казалось, должно произойти то, чему помешало наше наступление в Верхней Силезии в конце сентября и последующее наступление – вторжение превосходящих сил противника в Польшу, Силезию и Моравию»[1].

Чтобы задержать преследовавших их русских, немцы прибегли к разрушению железных дорог. В осеннюю распутицу это снизило преследование, и разбитым германским войскам удалось убраться на свою территорию, очистив все районы, занятые во время похода к Висле. В Варшавско-Ивангородской операции с обеих сторон сражалось шесть армий, почти миллион человек. Потери были велики. Жесточайшему избиению подверглась 1-я австрийская армия, потерявшая 75 тыс. человек из 150 тыс. своего состава[2]. Операция завершилась крупной победой русского оружия, развеяв этим легенду о непобедимости германской армии. Однако русское командование не проявило должной твердости руководства войсками и позволило противнику увлечь себя на путь разрешения второстепенных задач. Это дало возможность немцам избежать окончательного разгрома и приступить к выработке нового плана, выполнение которого привело к Лодзинской операции.

---

[1] Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая в записках германского полководца. 1914 -1918. М., Центрполиграф. 2007. – С. 53.

[2] Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – С. 59-60.

Лодзинская операция

После поражения австро-германских армий в Варшавско-Ивангородской операции русская Ставка приступила к выработке плана дальнейших действий. Намечалось продолжить наступление с целью глубокого вторжения в пределы Германии. К участию в новой операции привлекались четыре армии: 2-я и 5-я Северо-Западного и 4-я и 9-я Западного фронтов. С севера операция обеспечивалась наступлением 10-й и 1-й армий в Восточной Пруссии, а с юга – наступлением 3-й и 8-й армий к Карпатам. 11-я армия продолжала блокаду Перемышля. Наступление на русском фронте в значительной мере отвечало интересам союзников, войска которых в это время отражали мощное германское наступление у Ипра, во Франции.

Окрыленное новой, после Галицийской битвы, победой, русское командование рвалось вступить на территорию Германии. Боевой дух русских войск был исключительно высок, хотя сказывалась усталость, обнаружилась нехватка боеприпасов. Горя стремлением отомстить за павших бойцов армии Самсонова, русские войска глубокой осенью снова вернулись в Восточную Пруссию и загнали противника за укрепления у Мазурских озер, а 2-я и 5-я русские армии получили приказ двигаться на Познань.

Положение дел немцев складывалось критическое. И неизвестно, как бы повернулись дальнейшие события, если бы не повторилась старая ошибка русских штабов – систематическая передача приказов по радио простым кодом. Благодаря этому уже 1 ноября немецкое командование узнало, что русские пехотные дивизии «после 120-верстного преследования» от Варшавы остановились для приведения себя в порядок перед вторжением в Германию. Начальник германского Генштаба Фалькенгайн, назначенный вместо Мольтке, писал позднее, что перехват русских радиограмм «давал нам возможность с начала войны на Востоке до середины 1915 г. точно следить за

движением неприятеля с недели на неделю и даже зачастую со дня на день и принимать соответствующие противомеры»[1].

Учитывая географические особенности фронта – русский клин, устремленный в Германию – немцы решили ударом во фланг из Западной Пруссии (района Торна) отрезать русские 2-ю и 5-ю армии. Недавно бежавшие от Варшавы немецкие войска скрытно перевели на 300 километров северо-восточнее и 11 ноября внезапно двинули на русских. Руководивший операцией генерал Макензен самоуверенно приступил к ее первой части – «сбить в кучу» русскую армию. Однако это ему не удалось. Неожиданный удар немцев от Торна создал громадные затруднения для русских. Однако занимавшие исходное положение для наступления на Запад, вытянутые в линию и не имевшие фронтовых и армейских резервов русские войска без большого труда оправились от германского удара. Лодзинская операция стремительно разгоралась. В ней с обеих сторон сражалось до 600 тысяч человек. Немецкий клин, острием которого было пять дивизий генерала Шеффера, был, в свою очередь, охвачен русскими войсками в районе Лодзи. Наступавшие немцы сами оказались в ловушке.

В штабе Гинденбурга возникла растерянность. Командующий Восточным фронтом не имел никаких сил, чтобы помочь находившейся под Лодзью в тяжелом бою своей 9-й армии. Утром 24 ноября Людендорф пришел в неописуемый ужас. В своих мемуарах этот немецкий полководец откровенно описал создавшееся положение и свое состояние: «Из регулярно перехватываемых радиопереговоров противника мы узнавали, насколько оптимистично он оценивает сложившуюся обстановку, где и когда собирается наступать, как радуется в предвкушении пленения целых германских корпусов, заранее готовя железнодорожные вагоны для транспортировки военнопленных. Что я при этом чувствовал, описать невозмож-

[1] Цит. По: Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., «Молодая Гвардия». 1974. – С. 72.

но. Ведь речь шла не только о потере множества отважных солдат, но и о решающем поражении! После такого фиаско 9-ю армию непременно должны бы были отвести в тыл. Чем бы тогда закончился для Германии 1914 год?»[1]

В итоге боевых действий 22 ноября группа Шеффера оказалась в отчаянном положении и к вечеру получила приказ начать отступление. В свою очередь и генерал Рузский расценил обстановку как неблагоприятную для себя и отдал директиву об отступлении всех трех армий. Только под нажимом сверху и из-за резкого протеста командующих армиями директива главкома фронта была отменена.

Осведомленность противника о планах русского командования привела к прискорбным последствиям. Это, а также ошибки генерала Ренненкампфа, дали возможность остаткам группировки Шеффера прорвать кольцо окружения русских армий и выйти в промежуток между 17-м и 20-м корпусами, потеряв 40 тысяч человек или 80% состава[2]. «Крупная оперативная цель, – писал Людендорф в своих воспоминаниях, – уничтожить русских в излучине Вислы, – не была достигнута. Нам для этого просто не хватило сил, но мощное наступление русских удалось все-таки остановить»[3].

Обозленные неудачами в Лодзинской операции Гинденбург и Людендорф втянулись в затяжные бои. Они оставили охваты наших войск, отложили в сторону шлиффеновские клещи и стали заниматься тем, что раньше избегали – стали бросать свои дивизии в лобовые атаки на русские позиции. Пошла схватка на истребление, в ходе которой русские войска несли значительные потери, однако немецким доставалось больше.

Русские солдаты и офицеры столкнулись осенью 1914 года с поразившей их особенностью немцев: замордованные казарменной муштрой, они не умели наступать рассыпным строем. В открытом поле вновь и вновь вырастали не только густые цепи, но и сомкнутые колонны немцев, чаще всего пьяных, пытавшихся пробить русский фронт.

Очевидец этих сражений записал: «Эту колонну косят пулеметы, ужасающие пулеметы, вырывающие буквально целый строй, – первая шеренга падает, выступает вторая и, отбивая такт кованным альпийскими гвоздями сапогом по лицам, по телам павших, наступает, как первая, и погибает. За ней третья, четвертая, а пулеметы трещат, особый, с характерным сухим звуком немецкий барабан рокочет в опьянении, и рожки, коротенькие медные германские рожки, пронзительно завывают, – и люди падают горой трупов. Из тел образуется вал – настоящий вал в рост человека, но и это не останавливает упорного наступления; пьяные немецкие солдаты карабкаются по трупам, пулемет русских поднимает свой смертельный хобот, и влезшие на груды павших раньше венчают ее своими трупами»[1].

Однако возникает вопрос: а откуда у немцев берутся новые войска, ведь люди тысячами бездумно расходуются ежедневно. Пленные германцы охотно поясняют: «С французского фронта. Два месяца были там, потом посадили нас в вагоны и перевезли сюда. Оттуда все время берут – по восемьдесят вагонов в день отправляют – и все сюда».

Решение о переброске на Восточный фронт еще пяти корпусов было принято 20 ноября 1914 г. Это решение советский историк Н.Н. Яковлев назвал в стратегическом отношении «сущей чепухой». Если бы оно было принято на две недели раньше, то затеянный Шеффером охват 2-й и 5-й русских армий мог бы удастся. Теперь же новые германские части, уплотнившие, конечно, фронт, бессмысленно расточались в напрасной надежде хоть на какой-либо успех. Между тем, в отличие от России, в Германии военная пропаганда, как тяже-

[1] Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая в записках германского полководца. 1914 -1918. М., Центрполиграф. 2007. – С. 58-59.
[2] Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – С. 61.
[3] Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. – С. 59.

[1] Цит. по: Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – С. 63.

лый молот, вколачивала в сознание тыла: кайзеровские войска безупречны.

Обилие войск не давало немецким генералам покоя, у них чесались руки, они затевали большие и малые наступательные операции. Но они неизменно захлебывались. Не помогала и тевтонская хитрость, которую в немецких штабах считали совершенно недоступной для низшей расы, к коей, прежде всего, относили русских.

Н.Н. Яковлев, опираясь на очерк русского журналиста, описывает события, имевшие место в католический сочельник 25 декабря 1914 года. Немцы вознамерились форсировать реку Бзуру и улучшить свои позиции. Чтобы усыпить бдительность русских бойцов, немецкие самолеты накануне забросали наши окопы вместо бомб листовками с сообщением, что на следующий день стрельбы не будет в связи с праздником.

Сидевшие в укреплениях на правом берегу православные сначала так и порешили – немцы завтра стрелять не будут. Понятное дело – христианский же праздник, – рассуждал один православный, – наше дело уважать веру противника.

Однако другой православный, умудренный опытом этой войны, видевший своими глазами, как немцы палят в Красный Крест, как, спрятав у себя за спиной целый отряд стрелков, они поднимают руки и коварно заявляют о своем желании сдаться в плен, дабы приманить к себе доверчивых русских солдат и в самый последний момент открыть по ним огонь из винтовок, этот другой православный с обер-офицерскими или штабс-капитанскими погонами на плечах озабоченно хмурился и ворчал:

– Гм…, конечно, само собой разумеется – праздник… А все-таки…, кто его знает, народ лукавый, примеров такому не искать! Как бы чего не вышло, – на всякий случай… Эй, Воронков! Распорядись-ка, любезный, чтобы на флангах окопа пулеметы были в порядке, людям раздать патроны полным комплектом… Но… без приказания ни одного выстрела!!! Слышишь? Ты отвечаешь!

За ночь немецкие понтонеры подготовили у берега плоты, которые с рассветом двинулись через студеную реку.

– Ах, нехристи! – изумлялся засевший на правом берегу православный, осматривая затвор винтовки и вдавливая в магазин новую обойму. – Вот нехристи-то… Сами же заявления кидали, а гляди что делают! Ладно же!

Плоты заняли соответствующее положение, и … два полка двинулись встречать Рождество. Им дали дойти до половины реки. Они шли уверенные в своей безопасности, потому что сделали заявление, чтобы не стреляли. К тому же эти дикари – русские, называющие какие-то бумажонки международными договорами, эти сибирские медведи ведь совершенно не знают великого дела войны и не могут разгадать простой военной хитрости!».

Потом случилось то, что должно было случится. Ударила русская артиллерия, включились пулеметы и винтовки. Темные воды Бзури закружили трупы – даже легкораненые захлебывались в ледяной декабрьской реке. Более трех тысяч немцев погибли совершенно напрасно, немногие чудом выплыли на русский берег и, дрожа, как морские собаки, подползли к русским окопам, моля о пощаде. Их взяли в плен…»[1].

… До 24 ноября ударная группировка немцев, пять дивизий Шеффер – Баяделля, вела жестокие бои в окружении, пробовала пробиться назад. Чтобы помочь им генерал Макензен бросил свои корпуса в отчаянную лобовую атаку на фронте 1-й русской армии. В одном месте они потеснили русских, овладели позициями. И командарм Ренненкампф попался на хитрость. Он забрал часть своих войск из-под г. Ловича, послав их ликвидировать опасность.

Окруженным немцам этого только и требовалось. Ночной атакой они опрокинули боевые порядки 6-й Сибирской дивизии и вырвались из окружения. За ними бросилась наша кавалерия, но они ушли и добрались до своих. Точнее, из 48 тысяч

[1] Цит. по: Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. – С. 64-65.

добрались лишь 6 тысяч. Остальные погибли или угодили в русский плен. Вместо «второго Танненберга» германское командование с огромным трудом и потерями вытащило из мешка жалкие остатки ударной группы генерала Шеффера. Но и это преподносилось немецкой пропагандой как блестящий успех.

Гинденбург приказал перейти к обороне, но не угомонился. К нему начали прибывать обещанные корпуса из Франции, и фельдмаршал ждал, когда корпуса соберутся, чтобы снова атаковать русских. Он рассчитывал, что 2-я и 5-я русские армии ослаблены боями, и надеялся прорвать их фланги и окружить уже не одну, а сразу две наши армии. Но русское командование в это же время приняло решение отвести свои войска несколько назад – сократить тем самым линию фронта, уплотнить боевые порядки и приблизиться к тыловым базам.

Чтобы подготовить позиции на новых рубежах, требовалось выиграть время, отвлечь противника. Для этого 1-й армии было приказано предпринять частное наступление у Ловича. Наши солдаты поднялись в атаку и… спутали все планы противника. Они уже были утверждены, армия Макензена готовилась атаковать, и участок прорыва ей определен был как раз здесь, у Ловича. Свыше корпуса немцев еще не подошли, но когда русские начали бой, Макензен принялся действовать по готовым планам, бросил свои силы вперед, раньше срока. 1 декабря 1914 года закипело встречное сражение. А в это время 2-я австрийская армия с германскими соединениями должна была осуществить второй прорыв, обойти с юга 5-ю русскую армии. Опасаясь, что она выступит в разнобой с Макензеном, Гинденбург и ей приказал атаковать раньше намеченного срока.

Русская ставка и штаб фронта старались оттянуть немцев от эпицентра возобновившейся битвы. Для этого в Восточной Пруссии 10-я армия предприняла штурм крепости Летцен. Русские бойцы взяли несколько высот, отбили немецкие контратаки, но оборона была слишком сильной. Промежутки

между озерами и каналами простреливались вражеской артиллерией, были перекрыты траншеями с пулеметными гнездами, перепутаны колючей проволокой и спиралями Бруно. Стали готовиться более тщательно. В тылу построили похожие укрепления, тренировались их преодолевать.

Когда пошли морозы и появилась возможность пройти по льду, атаку повторили. Но тяжелой артиллерии было мало, подавить орудия крепости не удалось. А вдобавок морозы вдруг сменились оттепелью. 64-я дивизия бросилась на штурм, но шквальный огонь противника заставил ее залечь в болоте перед заграждениями. Целый день солдаты и офицеры пролежали, вжимаясь в грязь. Вечером захолодало, шинели вмерзли в землю, и их откапывали штыками. Под покровом темноты возвратились в свои блиндажи. Для оказания помощи собрали всех врачей, фельдшеров, санитаров, людей оттирали денатуратом, от переохлаждения давали пить пивные дрожжи. Но обмороженных было много[1].

К Гинденбургу один за другим прибывали воинские эшелоны с Запада, теперь у него было ощущение превосходства. Однако удары наших 1-й и 10-й армий, контратаки на других участках помешали его замыслам и не дали сконцентрировать силы. Новые соединения ему пришлось вводить в бой по очереди, разбрасывать по разным направлениям. Две недели немцы наседали на наши войска, но решающего перелома так и не добились. Наши части понесли большие потери, израсходовали боеприпасы, и 13 декабря Верховный главнокомандующий приказал отвести войска на уже подготовленные позиции по рекам Бзура, Равка и Нида. А немцы и австрийцы были настолько измотаны, что даже не могли выступить вдогон. Русские армии отошли беспрепятственно и заняли указанные им рубежи. Стали закрепляться на зиму, приводить себя в порядок, принимать и обустраивать пополнения. На Восточном фронте, как и на Западном, установилась позиционная война.

[1] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 207-208.

В целом, подводя итоги Лодзинской операции, следует отметить, как пишет В.К. Шацилло, что «стратегический план русской Ставки – глубокое вторжение в пределы Германии – исходил из общего плана Антанты. Но, сосредоточив крупные силы на левом берегу Вислы, русское командование своевременно не сумело обнаружить переброску главных сил германцев в район Торна, которая существенно изменила всю оперативно-стратегическую обстановку. Разведка своевременно донесла о маневре германцев в сторону Торна, но отсутствие твердого руководства Ставки фронтами привело к тому, что генерал Рузский и его штаб продолжали упорно держаться старого плана. Это привело к дезорганизации всего фронта и обеспечило первоначальный успех германцев.

Только после поражения двух изолированных русских корпусов генерал Рузский и штаб его фронта, наконец, уяснили обстановку и стали принимать меры для ликвидации угрозы окружения 2-й армии. Поворот фронта 2-й армии обеспечил перелом в ходе лодзинских боев в пользу русских. Обходящая германская группа генерала Шеффера сама попа в окружение, и лишь ошибки в управлении русскими войсками, разделенными на ряд отрядов, действовавших вне оперативной связи между собой, позволили германцам, отбросив слабый заслон, пробиться на север и выйти из кольца окружения»[1].

По поводу серьезных просчетов в Лодзинской операции генерал Рузский сумел выкрутиться, козырял при этом репутацией «героя Львова», а думская «общественность» и газеты дружно славили его, приписывали ему все успехи. Валерий Шамбаров объясняет столь горячие симпатии по отношению к Рузскому тем, что он был масоном[2]. Зато на Ренненкампфа опять катились бочки, «общественное мнение» яростно обрушилось на «немца» (хотя среди наших офицеров было

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 126-127.
[2] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С 209.

9% немцев, и сражались они ничуть не хуже русских, их Отечеством была Россия, а не Германия). Не без содействия Рузского, ловко переложившего вину, Ренненкампфа вновь отстранили от командования. По грязным наветам было начато следствие «об измене». Оно полностью оправдало генерала, выявив лишь его ошибки, и не более того. Но материалы расследования снова были засекречены, а враги Ренненкампфа в руководстве фронта и при дворе постарались, чтобы официальное оправдание не было опубликовано. Он вышел в отставку[1].

Операция в Карпатах

В то время, когда шли упорные бои у Лодзи и Летцена, 3-я армия генерала Радко-Дмитриева[2] продвигалась к Кракову, а

[1] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С 210.
[2] Дмитриев Радко (Радко Русков Дмитриев) родился 24 сентября 1859 года в Болгарии. Образование получил в гимназии. В 1876 году участвовал в национально-освободительном движении, а во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов был зачислен в лейб-гвардии Уланский полк русской армии. После обретения Болгарией независимости окончил военное училище в Софии. В 1884 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба, произведен в капитаны и назначен в болгарскую армию. Во время сербско-болгарской войны 1885 года был помощником начальника штаба Западного корпуса. Принадлежал к прорусски настроенной группы офицеров, был одним из главных организаторов заговора, в результате которого был свергнут с престола князь Александр. После переворота в августе 1886 года уехал в Румынию, вел работу по заданию Петербурга, а затем перешел на русскую службу. Служил на Кавказе.
После примирения между русским и болгарским правительством, в 1898 году вернулся на родину. Был произведен в полковники и назначен начальником штаба 5-й Дунайской пехотной дивизии, с 1900 года – начальник оперативного отделения болгарского Генарльного штаба, с 1904 года – начальник Генерального штаба. Во время 1-й Болгарской войны 1912 г., командовал 3-й болгарской армией, нанес поражение в одном бою, но потерпел поражение в другом.
Во время 2-й Болгарской войны 1913 г. в чине генерал-лейтенанта занимал пост помощника главнокомандующего действующей армии. Затем был

8-я армия генерала А.А. Брусилова входила в предгорье Карпат. Сам по себе Карпатский хребет представляет мощную естественную крепость. Он имеет форму подковы, выдвинутой в сторону России и прикрывающей Венгерскую равнину. Точнее, не один хребет, а несколько тянущихся один за другим и прорезанных лишь «воротами» перевалов. Горы тут очень крутые, высотой 1000-3000 метров, поросшие лесом и кустарником. Дорог было очень мало, после дождей они превращались в месиво непролазной глины. В долинах часто садились густые, тяжелые туманы, а на вершинах рано выпадал снег, начинались метели.

Отступившие в горы австрийцы могли в любой момент нанести оттуда удар, что они и пытались сделать. Брусилов и штаб Юго-Западного фронта полагали, что надо самим занять перевал и прикрыться Карпатами от врага. Однако возникли разногласия. По планам Ставки основным направлением для фронта считался Краков. Фронт должен был поддерживать своим правым крылом наступление Северо-Западного фронта. 8-й армии было приказано частью сил занять горные проходы, помочь 3-й армии. Брусилов пытался доказать, что это нереально. У него было 4 корпуса, а у противника в Карпатах находилось не менее 4 корпусов. Если выделить против них мало войск, враг сомнёт армии и ударит в тыл. Был принят компромиссный вариант: для операции в горах выделялись два корпуса, 24-й и 8-й, им ставилась задача овладеть главным хребтом от Ростокского до Лупковского перевалов.

Сил действительно было недостаточно. Восьмая армия в боях понесла большие потери, а все подкрепления направля-

болгарским посланником в Петербурге. После того, как с началом Первой мировой войны Болгария приняла сторону Германии, принял русское подданство.

Был назначен командиром 8-го армейского корпуса 8-й армии А.А. Брусилова. Отличился в Галицкой битве и в сентябре 1914 года был произведен в генералы от инфантерии и сменил Н.В. Рузского на посту командующего 3-й армией. (Рунов В.А. Полководцы Первой мировой. – С. 739-740).

лись на Северо-Западный фронт, где развёртывались главные события. Только после настоятельных просьб Ставка выделила две дивизии, одну для 8-й, другую для 3-й армии. Плохо обстояло дело и со снабжением. По разнарядке зимним обмундированием сначала обеспечивался Северо-Западный фронт, где зима начиналась раньше. Но в горах уже выпал снег, и Брусилов приказал приобретать тёплые вещи, минуя интендантскую службу.

20 ноября 1914 г. войска А.А. Брусилова пошли на штурм перевалов. 48-я дивизия Л.Г. Корнилова на Ростокский, правее – 49-я и 2-я Сводная казачьи дивизии выходили на дорогу к местечку Цисну, ещё правее двигалась 4-я Железная стрелковая бригада генерала А.И. Деникина. Перед ней перевалов не было. А части 8-го корпуса генерала Орлова наступали на Лупковский перевал. Противник ожесточенно сопротивлялся. Особенно упорно дрались венгерские части, защищавшие подступы к своей родине. Но в жарком бою Корнилов взял перевал и, преследуя неприятеля, спустился с гор, захватил город и важный железнодорожный узел Гуменне (ныне он находится в Словакии). 49-я дивизия тоже сбила противника с позиций, перевалила Карпаты и заняла станцию Кошнац, перерезала шоссе и железную дорогу – главные коммуникации австрийского фронта. Казачья дивизия Павлова ринулась в рейд по Венгерской равнине, наводя сильнейшую панику.

8-му корпусу и 4-й стрелковой бригаде пришлось труднее. У станции Лупково австрийцы организовали сильную оборону, и атаки корпуса Орлова захлебнулись. Деникин[1] решил

[1] Деникин Антон Иванович родился 4 (17) декабря 1872 года в деревне Шпеталь Дальний, пригороде Влоцлавска Варшавской губернии, входившей тогда в состав Российской империи. Отец его происходил из крепостных крестьян Саратовской губернии. Двадцати семи лет от роду он был сдан помещиком в рекруты на 25 лет. Но в армии Иван Ефимович прослужил 42 года. Дослужился до прапорщика, служил в пограничной страже в Польше. Мать Антона происходила из семьи обедневших польских землевладельцев.

Детство Антона прошло в большой нужде. Мальчиком он воспринимал бедность своей семьи как нечто вполне естественное, поскольку его друзья жили примерно в таких же условиях.

Антон поступил учиться во Влоцлавское реальное училище, в 13 лет стал подрабатывать репетиторством по математике, чтобы поддержать материальное положение семьи после смерти отца. Высокие успехи были у него и в изучении русского языка.

В 1890 г. Антон Деникин поступил на службу вольноопределяющимся в 1-й стрелковый полк, а вскоре поступил в Киевское пехотное юнкерское училище, которое закончил через 2 года в числе первых по списку. Получил назначение в полевую артиллерийскую бригаду г. Бела, Седлецкой губернии. В течение года он овладел профессией артиллериста, был назначен преподавателем в бригадную учебную команду по подготовке унтер-офицеров. В 1895 году поступил в академию генерального штаба. Но в конце первого курса не выдержал экзамена по истории военного искусства и был отчислен из академии. Однако через три месяца он вновь успешно выдержал конкурсные экзамены и стал слушателем первого курса академии.

Через три года А.И. Деникин завершил обучение в академии Генштаба. К Генеральному штабу он не был причислен, хотя имел на это право. Более двух лет он вел борьбу за восстановление справедливости, написал долгое письмо военному министру А.Н. Куропаткину. Своего добился.

Командовал ротой в пехотной дивизии, был старшим адъютантом штаба 2-го кавалерийского корпуса в Варшаве.

В годы русско-японской войны 1904-1905 гг. служил начальником штаба одной из бригад Заамурского округа пограничной стражи, потом стал начальником штаба Забайкальской казачьей дивизии, которой командовал генерал П.К. Ренненкапф. Закончил войну начальником штаба Урало-Забайкальской дивизии. Проявил себя весьма умелым руководителем.

После войны служил начальником штаба 57-й пехотной резервной бригады в Саратове, командовал пехотным полком в Житомире. В марте 1914 года он был назначен на должность генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа. Войну встретил в должности начальника оперативного отдела штаба армии. Через 6 недель он стал командиром 4-й стрелковой бригады.

Еще со времен русско-турецкой войны эта бригада получила почетное наименование «Железная». Под командованием А.И. Деникина бригада, развернутая в 1915 г. в дивизию, приобрела широкую известность, вписав немало страниц в летопись войны. Правда, послереволюционная цензура тщательно вытравила все эпизоды боевой деятельности героического со-

помочь соседу и двинул туда своих железных стрелков. Три дня его бригада вела бой за Лупково, и противника разгромили, а некоторые его части были полностью уничтожены. Пока шли схватки за Лупково, противник успел укрепить Лупковский перевал, собрал войска. Штурм последнего имел мало шансов на успех, огромные потери были бы неизбежны. Тогда А.И. Деникин решился на отчаянный по смелости шаг: без дорог, козьими тропами обойти перевал и ударить в тыл его защитникам. Он оставил у Лупкова батальон с артиллерией и обозами, приказал навьючить имеющихся лошадей патронами и сухарями и повел бригаду в горы.

Между тем ударил двадцатиградусный мороз, на высоте было ещё холоднее, бушевала вьюга. Солдаты и офицеры пробивались сквозь снежные заносы. Поддерживая съезжающих коней и цепляясь за мелкий кустарник, бойцы упорно карабкались по обледенелым склонам. Австрийцы считали, что в таких условиях по бездорожью пройти невозможно, поэтому отсиживались в тёплых блиндажах и укрытиях. Но деникинцы, преодолев беспрецедентные трудности, внезапно обрушались на них в клубах метели, сжимая в замерших руках винтовки и согреваясь в рукопашной. Атака получилась яростная. Побили и раскидали австрийцев, погнали их вниз, не давая опомниться и зацепиться на тыловых рубежах. Опрокинули отряд, прикрывавший станцию и город Медзилаборце, взяли его. В атакующей бригаде было всего четыре тысячи штыков, но в дерзком порыве она захватила 3700 пленных, 9 орудий, эшелоны с грузами. Сами потеряли 164 человека убитыми, 1100 ранеными и обмороженными. Получив сведения об этом подвиге, деникинским стрелкам прислали восторженные телеграммы и командарм А.А. Брусилов, и Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич[1].

единения, командир которого в годы Гражданской войны был одним из вождей «белого движения».

[1] Шамбаров В. Последняя битва императоров. Параллельная история Первой мировой. М., Алгоритм, 2013. – С. 211-212.

Но как раз в это же самое время немцы прорвались у Лодзи. На Юго-Западный фронт полетели приказы – усилить наступление на Краков, оттянуть как можно больше неприятеля на себя. Все наличные войска 8-й армии стягивались к северу, на правое крыло. Подкрепить прорыв на Карпаты стало нечем. А австрийцы быстро опомнились. Для перегруппировки им даже не потребовалось времени. Они сами готовились к контрудару со стороны Карпат, войска были под рукою. Корнилов, преследуя отступавшего врага, продвигался на юг. Чтобы прикрыть свой фланг и шоссе, ведущее в тыл, к Ростокскому перевалу, он оставил один полк с батареей у села Такошаны. А возле Ужгорода выдвигалась к фронту венгерская гонведская дивизия. Ее срочно повернули назад, и она с востока навалилась на русский заслон у Такошан.

Первые атаки венгров полк отразил, но на него наседали четыре полка неприятеля. 24 ноября русский заслон смяли и отбросили к перевалу. Враг перехватил шоссе, и 48-я дивизия оказалась отрезанной от тылов и своего отступившего полка. 25 ноября к австрийцам подошли другие подкрепления и начали атаки на Гуменне еще и с запада. На помощь нашей 48-й дивизии подошли части 49-й дивизии. Корнилов[1] передал им

[1] Корнилов Лавр Георгиевич родился 18 (30) августа 1870 года в Усть-Каменогорске. Его отец – казак станицы Каракаминской Сибирского казачьего войска – дослужился до первого офицерского чина – хорунжего и вышел в отставку. Лавр получил первоначальное образование в приходской школе. Самостоятельно подготовился для поступления в кадетский корпус, к 30 годам овладел английским, немецким, французским и татарским языками.
После окончания кадетского корпуса с наивысшими баллами среди кадетов, в 1889 г. Лавр стал юнкером Михайловского артиллерийского училища, в по его окончании в 1892 году отправился в Туркестанскую артбригаду. Осенью 1898 года стал слушателем академии Генерального штаба. Окончил ее с малой серебряной медалью. Он снова выбрал местом своей службы Туркестан, причем не Ташкент, уже довольно обжитый к тому времени русскими, а беспокойную границу с Афганистаном. За 5 лет службы он совершил ряд служебных поездок в Персию, Афганистан, Индию и Китай. Будучи военным разведчиком, он в 1901 году с четырьмя

оборону города, а свои 3 полка бросил на Такошаны, чтобы расчистить шоссе. Но неприятель и здесь наращивал свои силы, русских встретили 6 полков. Двое суток продолжался тяжелый бой. 27 ноября 48-я дивизия дралась уже почти в окружении. У нее оставалась свободной лишь одна горная дорога, вьющаяся крутым серпантином над ущельями и занесённая снегом.

Командир корпуса генерал Цуриков отдал приказ Корнилову отступать и солдаты, осаживая врага контратаками, стали уходить в горы. Растянулись по единственной узкой дороге, кое-как тащили повозки и пушки. Но оказалось, что у се-

казаками семь месяцев скитался по пустыням Восточной Персии, которые считались непроходимыми. Ему приходилось менять обличье, преображаться в мусульманина, выдавать себя за восточного купца. Составленные Корниловым военно-научные обзоры стран Среднего Востока были предметом зависти для прославленных британских специалистов. Он внес серьезный вклад в географию и этнографию Восточного Туркестана.
В 1904 г. Корнилов был назначен штаб-офицером при управлении 1-й стрелковой бригады, с которой вступил в Маньчжурию. Принимал участие в сражениях при Сандену и под Мукденом. За вывод трех стрелковых полков, которым грозило окружение при отступлении, получил орден Св. Георгия 4-й степени. Полученный тогда полковничий чин давал ему право потомственного дворянства.
По заключении мира Лавр Георгиевич 11 месяцев прослужил делопроизводителем управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба. В 1907 г. он назначается военным агентом и атташе в Китай, работал на дипломатическом фронте 4 года.
По возвращении из Китая назначается командиром 8-го пехотного Эстляндского полка близ Варшавы. Вскоре был переведен в Заамурский округ пограничной стражи и назначен командиром 2-го отряда, состоявшего из двух пехотных и трех конных полков. Был произведен в чин генерал-майора. В феврале 1913 г. Корнилов был возвращен в военное ведомство в назначением командиром 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии, расквартированной на острове Русский во Владивостоке.
С началом Первой мировой войны генерал-майор Л.Г. Корнилов вступил в командование 2-й бригады 49-й пехотной дивизии, а вскоре был назначен на должность начальника 48-й пехотной дивизии 8-й армии, которой командовал А.А. Брусилов.

ления Сины враг перерезал и ее. Обойти было невозможно. Чтобы вывезти артиллерию, приходилось прорываться через поселок. Завязалась схватка на улицах между домами. Корнилов собрал все резервы: роту саперов, штабных писарей, оказавшиеся рядом подразделения и сам повел их в атаку. И пробились, вышли к своим, не потеряли ни одного орудия, более того, вывели 2 тысячи пленных.

Отчаянные бои 48-й дивизии сковали австрийцев, прикрыли соседей. 49-я дивизия и 4-я бригада смогли отойти с равнины беспрепятственно и закрепиться на перевалах. Но рейд за Карпаты был ненапрасным. Неприятелю был нанесён серьёзный материальный урон и потери сильно перепугали его, заставили австро-венгерское командование путать и менять планы. Добавило паники также и наступление 3-й армии Радко-Дмитриева. Она одолела оборону противника по реке Дунаец, взяла ряд городов и оказалась в 15 км от Кракова. К северу от нее, за Вислой, также успешно продвигались на запад 9-я и 4-я армии. Но на этих рубежах операция застопорилась. Соединения Радко-Дмитриева вышли к внешним обводам Краковской крепости, но все атаки русских войск разбились о сильные укрепления противника.

Гинденбург на начало декабря запланировал очередное общее наступление. На Северо-Западном фронте предполагал окружить 2-ю и 5-ю русские армии, а на Юго-Западном 3-я армия углублялась на Краков, обтекала Карпаты, и линия фронта образовала длинный выступ. Австрийцы наметили ударить под его основание, отрезать армию Радко-Дмитриева от Брусилова, прижать к Висле и уничтожить. Одновременно атаковать с Карпат, проломить растянувшиеся боевые порядки 8-й армии и деблокировать Перемышль. Таким образом, все южное крыло русского фронта оказалось бы разрушенным, для чего стягивались ударные группировки, пополняясь свежими соединениями. Сюда был переброшен германский корпус.

Радко-Дмитриев был встревожен полученной информацией о планах неприятеля, потребовал поддержки. Штаб фронта нацеливал к нему 8-ю армию. Однако Брусилов выступал против, указывая, что прикрыть весь выступ у него не хватит наличных сил: в дивизиях вместо 15-16 тысяч оставалось 5-6 тысяч бойцов, а в некоторых даже 3 тысячи. А Польские Западные Карпаты (Бескиды), в отличие от Восточных, не представляли серьезной преграды – вражеская пехота с горной артиллерией могла пройти где угодно, без всяких перевалов. Но альтернативное решение было одно – отступать от Кракова, оставить опасный выступ. В этом случае пришлось бы отходить и 9-й, и 4-й армиям. Сохранялась и главная задача фронта – отвлекать на себя побольше австро-германских сил. Гинденбургу придется слать подкрепления сюда, а не снимать их отсюда.

Командование фронтом подтвердило приказ Брусилову идти к 3-й армии. К Кракову он направил два корпуса, их на перевалах сменил лишь один. Командующий перенес свой штаб в Кросно, а его войска растянулись на 200 километров вдоль Бескид, с востока на запад. Чтобы облегчить положение Радко-Дмитриева, 8-му корпусу Орлова было приказано срочно выдвинуться к г. Новый Сандец и с ходу наступать на г. Лиманов, во фланг краковской группировки противника. А 24-й корпус отправлялся к фронту другими, тыловыми дорогами. Брусилову стали поступать данные разведки, что противник накапливается за горами, явно готовит контрудар. Предпринять он почти ничего не успел.

Австрийцы скрытно вывели из краковской крепости часть своей 4-й армии и обходными путями перебросили к Лиманову. Здесь собралась группировка из двух австрийских пехотных дивизий и германской пехотной дивизии. На нее-то и ринулся корпус Орлова. Успехов он, конечно, не добился. А 2 декабря, одновременно с наступлением Гинденбурга, Конрад нанес удар под Краковом, но само выдвижение соединений нашей 8-й армии заставило его срочно перенацеливать

свои войска, и удар получился размазанным по нескольким направлениям. На север к Висле, чтобы отрезать 3-ю армию, двинулся только один корпус. Он разбил левофланговые части Радко-Дмитриева и вышел ему в тыл. Остальные дивизии ударной группировки развернулись на запад, против атакующего корпуса Орлова, смяли его и погнали назад.

А за Карпатскими горами изготовилась наступать 3-я австрийская армия Бороевича. Перевалы прикрывал наш 12-й корпус генерала Леша[1], вынужденный раскидать три дивизии на

[1] Леш Леонтий Вильгельмович родился 9 января 1862 г. в Киеве в семье тайного советника Вильгельма Антоновича Леша (1826-1902), представителя русской ветви баварского рода Леш, и баронессы Елены Федоровны, урожденной Дитрихс (1871-1922), дочери генерала от артиллерии, предки которого были выходцами из Прусских земель.

Леонтий окончил Киевское военное училище, командовал полуротой, был полковым адъютантом, командовал учебной командой по подготовке унтер-офицеров. В 1888 г. окончил обучение в Николаевской академии Генштаба, проходил службу в Одесском военном округе старшим адъютантом штаба пехотной дивизии, командиром батальона, начальником штаба пехотной дивизии, командиром полка. С 1896 г. – начальник отдела Главного штаба, генерал-майор.

В мае 1900 г. командирован в Китай в распоряжение адмирала Е.И. Алексеева. Участвовал в организации и проведении Тяньцзинской операции, в ходе которой был разбит 30-тысячный отряд восставших. В последующем начальник штаба корпуса генерала Н.П. Линевича, наступавшего на Пекин и взявшего его штурмом. В отряде генерала В.В. Сахарова деблокировал Харбин, исполнял обязанности военного коменданта города. За кампанию в Китае награжден орденом Св. Владимира и Золотым оружием. С января 1904 г. командир бригады 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Во главе ее вступил в Русско-японскую войну. Хорошо рекомендовал себя в ряде операций, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

С 1907 г. начальник 2-й Финской стрелковой дивизии, с 1908 г. – начальник гвардейской стрелковой дивизии, генерал-лейтенант. С 1910 г. – командир 1-го Туркестанского корпуса, с 1913 г. – начальник Закаспийской области и одновременно командир 2-го Туркестанского корпуса.

С начала мировой войны командир 12-го армейского корпуса в составе 8-й армии генерала А.А. Брусилова Юго-Западного фронта. Умело руководил войсками в сражениях под Злочувом и Гнилой Липой, под Рава-Русской и Львовом. Награжден орденом Св. Анны 1-й степени с мечами, в феврале

широком пространстве. На него ринулись четыре неприятельских корпуса, отбросили его и хлынули в тыл 8-й армии. В г. Санок располагался резерв Брусилова, недавно присланная 12-я Сибирская дивизия. Она была еще необстрелянной, офицеры неопытными. А к городу неожиданно прорвались огромные колонны противника, атаковали, и дивизия не выдержала и побежала. Австрийцы, захватив город, перерезали важнейшее шоссе, которое связывало между собой корпуса 8-й армии.

На этом шоссе находился и штаб Брусилова, противнику стоило лишь повернуть на запад – от Санок до штаба было всего 35 километров хорошей дороги и никаких войск. Узнав об этом, Брусилов отправил все службы вглубь своей территории, в Ржешув. Но сам покинуть Кросно не мог, чтобы в критический момент не потерять управление армией. Требовалось также время на переброску линий связи. И без того царил хаос. Куда отступили 12-й корпус и 12-я Сибирская дивизия, было неизвестно. Орлов растерялся и выпустил из рук управление, его части шли куда-то сами по себе. А 24-й корпус находился на марше, исполняя старый приказ – окольными путями шагал на запад.

Командарм А.А Брусилов оказался почти во вражеском тылу. Готовясь к бою, он выдвинул на шоссе все, что у него

1915 г. произведен в генералы от инфантерии и награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

С 7 (20) мая 1915 г. командовал 3-й армией вместо генерала Радко-Дмитриева. Участвовал в целом ряде крупных сражений 1915 г. В кампании 1916 года участвовал в составе Западного фронта, ведя боевые действия на Барановичском направлении. С лета 1916 г. – в составе Юго-Западного фронта на его правом фланге. Участвовал в июньском наступлении этого фронта (Брусиловский прорыв). В конце августа 1916 г. по приказу командующего фронтом произвел неудачное наступление на Червищенском плацдарме.

В марте 1917 г. уволен Временным правительством в отставку и зачислен в резерв штаба Минского военного круга. Позже подал в отставку и выехал на Украину, а после Октябрьской революции – в эмиграцию. Умер в сентябре, 1934 года в городе Дубровник (Югославия).

было – конвойную сотню казаков и полуроту охраны, рассылал гонцов, пытаясь найти и организовать свои войска. К счастью, разведка у австрийцев была поставлена плохо, они не представляли, где находится штаб армии, и повернуть на Кросно не догадались. На следующий день Брусилов благополучно выбрался в Ржешев. Высланные им офицеры и генералы собирали по дорогам отступающие части. В неразберихе они перемешались, растеряли свои подразделения, а это усилило разброд. Казалось, наши войска полностью разгромлены. Но потом находились отбившиеся роты и батальоны, потери оказывались гораздо меньше, полки снова становились боеспособными. Брусилову удалось главное – удержать управление армией, и это спасло ее от разгрома. Участь 2-й армии Самсонова на Юго-Западном фронте не повторилась.

Командование Юго-Западного фронта, 3-й и 8-й армий, выискивали любые возможности, чтобы исправить ситуацию. В армии Радко-Дмитриева сняли с северного фланга из-за Вислы 10-й корпус, экстренно перебросили его на юг. Он контратаками задержал прорвавшегося врага, и войска выбрались из наметившегося мешка. Чтобы ликвидировать прорыв на участке 8-й армии, 24-й корпус повернули на юг, он сомкнулся с отступающей 3-й армией. Для 12-го корпуса нашли выгодную позицию – прикрытие Перемышля, а наряду с этим он угрожал с фланга продвижению австрийцев. Штаб фронта выделил Брусилову свой единственный резерв, 10-ю кавалерийскую дивизию. И она прикрыла брешь между 24-м и 12-м корпусами. Одну дивизию взяли из 11-й осадной армии, приказали ей атаковать г. Санок и выбить оттуда противника. Целостность фронта была восстановлена.

14 декабря 3-я армия отошла за р. Дунаец и заняла позиции по ее берегу. Австрийцы пытались форсировать реку на ее плачах, но были отбиты. А о прорыве армии Бороевича из Карпат Людендорф записал, что он «наткнулся на превосходящие силы противника, который не замедлил перейти в атаку». Однако никаких «превосходящих сил» перед ним не бы-

ло. Русский 8-й корпус пришлось отвести в тыл на переформирование, Орлова отстранили от должности, на его место назначен был генерал Драгомиров. А четыре корпуса Бороевича наткнулись на три корпуса 8-й армии, с которыми уже неоднократно встречались. Но русские контратаковали, в упорных встречных боях остановили зарвавшихся австрийцев и немцев и принялись теснить их обратно. К концу 1914 года войска Юго-Западного фронта снова вышли к Карпатам и заняли перевалы[1].

[1] Данный подраздел о боях за Карпаты основан на материалах В. Шамбарова. – См.: Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 210-217; а также: Последняя битва императоров. – С. 210-217.

ГЛАВА VI. КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ

На Кавказ приходит война

Западный и Восточный были главными фронтами Первой мировой: именно здесь были сосредоточены основные людские и материальные силы противников, именно на севере Франции и на западе Российской империи решалась судьба будущей Европы. Тем не менее кровавые сражения между Антантой и противостоящей ей коалицией во главе с Германией происходили в самых различных уголках мира.

И первые боевые действия в 1914 году, собственно, начались 28 июля после того, как австро-венгерские войска предприняли артиллерийскую бомбардировку столицы Сербии – Белграда. Городу тогда был нанесен значительный ущерб, а сербское правительство даже было вынуждено покинуть столицу и перебраться в Ниш, а верховное командование – в Крагуевац.

Непосредственное вторжение австро-венгерских войск на территорию Сербии началось 12 августа. Однако сербские войска заставили противника через неделю начать отход на всех участках фронта. Тем самым своими действиями сербы оказали помощь России, поскольку австрийцы были вынуждены перебросить на балканский театр значительные силы и задержать их переброску в Галицию.

Перегруппировав свои силы, войска Габсбургской империи 7 сентября перешли в новое наступление в Сербии, и в ноябре 1914 года им удалось захватить Белград. К этому времени, однако, сербская армия успела получить помощь из России и Франции оружием, боеприпасами и продовольствием. Это позволило командованию этой страны 3 декабря начать контрнаступление и 15 декабря освободить столицу.

Австро-Венгерская армия в течение кампании 1914 года потеряла на сербском фронте 7600 офицеров и 274 тыс. солдат[1]. Но победа досталась сербам тяжелой ценой – их армия потеряла в боях 132 тыс. человек, а численность оставшихся в строю не превышала 100 тыс. штыков и сабель. Однако, встретив упорное сопротивление в Сербии, Центральные державы до осени 1915 года отказались от активных военных операций на Балканах.

На второй день начавшейся русско-германской войны (пока еще не Первой мировой), 2 августа 1914 года Султанская Турция официально присоединилась к коалиции держав Центрального блока, заключив соответствующее соглашение с Берлином. Хотя соглашение и было секретным, но уже в начале августа его копия была доставлена в Россию[2].

После этого ждать прихода войны на Кавказ долго не пришлось. Стамбул без заметных колебаний вступил в Первую мировую войну, стремясь стать в ней одним из победителей и желая возвратить немцам часть утерянных Оттоманской империей за последнее столетие территориальных владений, в том числе оказавшихся под властью российской короны.

В их число входили Закавказье, Северный Кавказ (западная часть) и Крым. Война на Кавказе начиналась следующим образом. 27 сентября 1914 года Турция закрыла черноморские проливы для торговых кораблей стран Антанты и, прежде всего, для России. Этот шаг стал как бы актом неофициального объявления Стамбулом войны противникам Германии и Австро-Венгрии. Теперь в Европе знали, на чьей стороне и против кого будет сражаться турецкая армия.

Стамбул выжидал до середины октября 1914 года. Успехи немцев на Французском фронте создавали видимость скорого разгрома Антанты, и 16 октября соединенная турецко-германская эскадра под командованием немецкого контр-адмирала Вильгельма Сушона внезапно бомбардировала го-

[1] Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в Первой Мировой войне. – М., 1968. – С. 41.

[2] Шишов А.В. Юденич. Генерал суворовской школы. – М.: «Вече» 2004. – С. 132.

рода Севастополь, Феодосию, Новороссийск, не принеся каких-либо серьезных разрушений. В состав эскадры входили германский линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау», которые вошли в состав военно-морского флота Турции под ее флагом, будучи переименованы (соответственно) в «Явуз султан Селим» и «Мидилли».

Теперь практически всеми кораблями Оттоманской Порты командовали немецкие офицеры, а контр-адмирал Сушон фактически командовал флотом Турции, отдавая приказы через голову морского министра Джималл-паши.

После бомбардировки Севастополя, Феодосии и Новороссийска союзная эскадра под флагом германского контр-адмирала совершила нападению на Одессу. В ее гавани турецкие миноносцы беспрепятственно потопили русскую канонерскую лодку «Донец».

В ответ на откровенно враждебные акции со стороны Турции 2 ноября 1914 года Россия после некоторого дипломатического промедления объявила ей войну. 5 ноября такое же решение приняла Великобритания, а на следующий день – Франция.

Так мировой пожар 1914-1918 гг. опалил Кавказ бомбардировкой с моря портового Новороссийска. Первая мировая война пришла на Кавказ со стороны Черного моря. И уже вскоре она заполыхала на суше. Турецкая армия изготовилась к широкомасштабной войне. Ее Верховным главнокомандующим 5 ноября был провозглашен султан Мехмед V Решад. Однако фактически турецкой армией руководил военный министр Энвер-Паша и его ближайший помощник – начальник штаба Главного командования германский полковник Ф. фон Шеллендорф и военный адъютант султана германский генерал-фельдмаршал К. фон Гольц.

Вооруженные силы Турции были сведены в четыре армии: 1-я и 2-я армии развертывались в малой Азии для защиты черноморских проливов и столицы, 3-я армия дислоцировалась в Западной Армении и предназначалась для действий

против России, а 4-я армия была развернута на восточном побережье Средиземного моря для защиты Сирии и Палестины. Позднее было сформировано еще две армии: 5-я для защиты Стамбула, проливов и Черноморского побережья и 6-я в Месопотамии. По подсчетам русского генштаба, всего Османская империя имела возможность поставить в строй 1 млн. 300 тыс. человек, из них в частях первой очереди 750 тыс. человек, в том числе 40 тыс. жандармерии и около 70 тыс. в управлениях и тыловых учреждениях[1].

План военных действий турецкой армии разработал Энвер-паша при участии германских военных специалистов. Он предусматривал ведение боевых действий на двух фронтах: на Кавказе против России и в Египте против Великобритании. Чтобы поддержать воинственность турок, Германия 11 октября пообещала Турции заем в 100 млн. франков. Было условлено, что Турция вступит в войну тотчас после фактического получения первой части предоставленных ей средств.

Первая партия золота в счет займа прибыла из Германии в Стамбул 2 октября. Это окончательно решило дело, и Турция вступила в войну на стороне блока Центральных держав.

Но основным противником турецкой армии стала российская Кавказская армия. Именно на Кавказском театре военных действий Энвер-паша предполагал проведение активных операций. В турецких штабах правильно рассчитали, что Россия, вступив в войну против Германии и Австро-Венгрии, не сможет бросить на Кавказ сколько-нибудь значительные подкрепления. Для верховного командования России Кавказский фронт в сложившейся военно-политической обстановке, естественно, не мог являться приоритетным, и Генеральный штаб решил ограничиться здесь ведением активной обороны. На горном театре военных действий она не могла потребовать больших затрат.

---

[1] История Первой мировой войны 1914 – 1918. Т. 1. – С. 388.

Район ближневосточного театра, в котором происходили сражения между русской и турецкой армиями, представлял собой нагорье вредней высоты 1800-2500 м. над уровнем моря (Армянское нагорье). Оно пересечено в направлении с востока на запад пятью труднопроходимыми горными цепями, достигавшими высоты свыше 3000 м. Эти горные цепи сильно затрудняли, а местами и вовсе исключали действия крупных масс войск. Между второй и третьей цепями гор, считая с севера на юг, находится полоса высоких плоскогорий (1800-2000 м.), удобная для действий войск (Эрзерумская долина). По ней проходили колесные пути из Закавказья в Анатолию. Здесь расположен город Эрзерум, запирающий эти пути. С востока этот район прикрыт тремя цепями возвышенностей, представляющими естественные оборонительные рубежи, преграждавшими путь наступления на запад. Район был внешне не благоприятен для размещения войск, значительная часть населенных пунктов была разрушена. Леса встречались лишь на Черноморском побережье и в районе селения Сарыкамыш. Реки района представляли большие трудности для движения войск в весеннее половодье. Обрывистые берега ущелий, в которых протекали реки, требовали создания переходов через них. Климат резко континентальный. Зима с глубокими снегами и низкой температурой (в долинах – 15-25^0, в горах – 30^0 и ниже) длится до пяти месяцев. В силу особенностей горного театра действия войск были возможны только на нескольких изолированных направлениях, из которых лишь экзерумское имело не очень трудные дороги. В целом же район отличался бездорожьем, поскольку и России, и Турции по военным соображениям взаимно тормозили и экономическое развитие и дорожное строительство в приграничных районах[1].

Мы уже отмечали, что Османская империя вступила в войну без официального объявления, обстреляв главную базу

[1] История Первой мировой войны 1914-1919. Т. 1. – С. 392.

Черноморского флота Севастополь, а также Феодосию и Новороссийск 30 октября.

Со своей стороны, в ночь на 2 ноября после объявления войны русская Кавказская армия перешла государственную границу. В тот же день турецкие войска начали наступление в направлении города-крепости Карса и вторглись в Батумскую область, надеясь получить поддержку со стороны мусульман-аджарцев. Одновременно турки начали захват части Иранского Азербайджана, чтобы оттуда ударить во фланг русской армии.

С началом войны Кавказский фронт протянулся на 720 км. от Черного моря до озера Урмия в Иранском Азербайджане. Османская 3-я армия, противостоящая русским, состояла из трех армейских корпусов, одной кавалерийской дивизии и четырех с половиной курдских конных дивизий, а также частей жандармерии с 244 орудиями[1].

Русской Кавказской армией командовал царский наместник на Кавказе престарелый граф И.И. Воронцов-Дашков[2],

[1] Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М., 1946. – С. 5, 23; Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 131.

[2] Воронцов-Дашков Илларион Иванович родился 27 мая 1837 г. в Петербурге в семье действительного тайного советника, члена Государственного совета Ивана Илларионовича Воронцова, с 1807 года (послу смерти Е.Р. Дашковой) Воронцова-Дашкова, крупнейшего землевладельца в России, вдалельца ряда промышленных предприятий.
В 1855 году поступил в Московский университет, в следующем году поступил вольноопределяющимся в гвардию. С 1858 года на Кавказе, участвовал в боях под Ведено и Гунибах, адъютант и командир конвоя А.И. Борятинского, с 1861 года – великого князя Александра Александровича (Александра III), его личный друг.
В 1865 г. направлен в Туркестан, командир авангарда в боях под Мирза-Арабабатом, при штурме Ура-Тюбе и Ждизак – командир колонны. С 1866 года – помощник губернатора Туркестанской области, в следующем году – командир лейб-гвардии Гусарского полка, генерал-майор. Награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

давно утративший качества большого полководца, и фактически ею руководил начальник ее штаба и будущий главнокомандующий Кавказским фронтом генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич. Помощником командующего назначается генерал от инфантерии Александр Захарьевич Мышлаевский. Именно в его руках в первые дни войны с Турцией было сосредоточено все оперативное руководство русскими войсками на горном пограничном рубеже. Из триумвирата, поставленного во главе русских войск на Кавказе, под ранг подлинного полководца подходил только Юденич. Мышлаевский, номинально стоявший над ним в первые дни войны, являлся почетным профессором Николаевской академии генштаба. Он не имел военного опыта и не обладал организаторскими способностями. Царский наместник Воронцов-

---

В 1873 году командир бригады, с 1874 года – начальник штаба Гвардейского корпуса, генерал-адъютант. Во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. – начальник кавалерии Рущукского отряда (во главе отряда стоял наследник престола Александр).

С конца 1878 года начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии, генерал-лейтенант. С 1881 года министр Императорского двора, в 1890 году возведен в звание генерала от кавалерии. В 1894-1897 годах член Государственного Совета. Один из ближайших друзей императора Александра III.

С 1905 года – граф, наместник на Кавказе, командующий восками Кавказского военного округа, наказной атаман Казачьих войск. Много сделал для стабилизации обстановки на Кавказе и развития края.

С началом Первой мировой войны 30 августа 1914 года назначен командующим Кавказской армией.

Но участия в разработке планов операций и управления войсками практически не принимал, передав права вначале генералу А.З. Мышлаевскому, а затем Н.Н. Юденичу. Несмотря на это в июле 1915 года был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

В августе 1915 года, когда Верховным главнокомандующим стал император Николай II, И.И. Воронцов-Дашков был освобожден от должности, на которую назначили великого князя Николая Николаевича. Специально для него была придумана должность – «состоять при Особе Его Величества». Но делами он уже не занимался, жил на юге. Скончался 15 января 1918 года в Алупке Ялтинского уезда.

(Рунов В.А. Полководцы Первой мировой. – 733-734.).

Дашков был слишком стар, хотя, будучи офицером, он являл собою пример личной храбрости. Армия включала в себя два корпуса, одну пехотную дивизию и две казачьи дивизии, две бригады и др. части – всего свыше 170 тыс. человек: 153 пехотных батальона, 175 казачьих сотен, 12 саперных рот, 350 орудий и 5 батальонов крепостной артиллерии[1].

Перед Кавказской армией Ставка поставила задачу не допустить появление турецких войск в Закавказье, а при необходимости главное внимание обратить на оборону важнейшего промышленного центра – Баку и транспортных артерий, ведущих на Северный Кавказ: железной дороги Баку-Владикавказ и Военно-Грузинской дороги Тифлис-Владикавказ.

Такие задачи Кавказская армия получила на случай самого неблагоприятного исхода военного столкновения с Турцией. Для выполнения задач, поставленных на начальный период войны, русским войскам надлежало войти в Западную Армению, разбить передовые группировки противника и после этого вести активную оборону на занятых приграничных рубежах.

С самого начала войны обе стороны стремились захватить в свои руки стратегическую инициативу, которая в дальнейшем могла бы предопределить весь исход войны на Кавказе. На главном, эрзерумском, направлении завязались ожесточенные встречные бои. Овладение Эрзерумом позволяло русским войскам нанести удар в направлении Анатолии – центральной части Турции, где было довольно много дорог и можно было использовать крупные проходы пехоты и кавалерии.

---

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 132.

Сарыкамышская операция

Наступая от Эрзерума, войска Османской империи попытались фланговым ударом захватить железнодорожную станцию Сарыкамыш – главную тыловую базу российской армии. Так началась Сарыкамышская операция, которая продолжалась с 22 декабря 1914 года по 7 января 1915 года. Турки, уверенные в своей победе и шедшие налегке, по пути в заснеженных горах потеряли большое количество людей обмороженными и замерзшими, но все же вышли к Сарыкамышу. Однако русское командование пошло на риск, сняв с фронта большое число войск и перебросив их в тыл к конечной железнодорожной станции Сарыкамыш. Атаки турецкой пехоты с заснеженных гор оказались безуспешными. Контрудары российских войск были удачными, и атакующие турки были разгромлены.

В ходе Сарыкамышской операции, 31 декабря 1914 года приказом императора Николая II командующим Кавказской армией был назначен генерал Н.Н. Юденич[1]. Бывший командующий генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков в силу своего преклонного возраста и неспособности начальствовать над войсками оставался наместником на Кавказе до лета 1915 года, когда на эту должность был назначен великий князь Николай Николаевич. Для Воронцова-Дашкова была специально учреждена должность «состоять при Особе Его Величества».

Следует отметить, что Юденичу удалось организовать надежное управление вверенными ему войсками. Он начал с того, что наладил надежную радиосвязь со всеми своими подразделениями. Связь осуществлялась через десятки радиостанций, благодаря чему командующий мог получать всю картину боевых операций и своевременно принимать правильные решения.

Командующий армией приказал в войсках, действовавших на главных направлениях контрудара, оборудовать несколько

[1] Юденич Николай Николаевич родился в 1862 году в Москве, где и закончил Александровское военное училище. Затем, после успешного окончания Николаевской академии Генерального штаба, он почти 15 лет проходил службу в Туркестанском военном округе.
С началом Русско-японской войны полк, которым командовал Юденич, булл переброшен на Дальний Восток. За отличие в сражении под Мукденом весь личный состав полка был удостоен особого знака отличия с надписью «За янсынтунь. Февраль 1905 года». Сам Николай Николаевич получил Золотое оружие.
Летом того же года он стал командиром бригады. Его умелое управление войсками на поле было отмечено орденами Св. Владимира 3-й степени и Св. Станислава 1-й степени.
В январе 1913 года Юденич назначается начальником штаба Кавказского военного округа с производством в генерал-майоры. В течение следующих полутора лет он много сделал для того, чтобы изучить вероятного противника, свои войска и местность. Это помогло генералу с началом войны быстро овладеть инициативой, одержать ряд побед и завоевать доверие командиров, штабов и войск. Всю войну Николай Николаевич успешно командовал войсками на Кавказе. 7 мая 1917 года он был отстранен от занимаемой должности командующего Кавказским фронтом как «сопротивляющийся указаниям правительства» и отправлен в отставку…
После октябрьского переворота семья Юденича эмигрировала в Финляндию. Там он близко сошелся с генералом К. Маннергеймом – хорошо ему знакомым по Николаевской академии Генштаба. Вместе они организовали на территории Финляндии армию для борьбы с Советской властью. Костяк армии составили русские эмигранты, которых в Финляндии насчитывалось более 20 тыс. человек, в том числе 2,5 тысячи офицеров. В январе 1919 года Юденич обратился с письмом к Колчаку, признавая его первенство и предлагая план совместных действий. Колчак охотно согласился на это предложение, а 24 мая предложил Николаю Николаевичу возглавить все русские силы, действовавшие против большевиков на Северо-Западе.
28 сентября 1919 года армия Юденича прорвала фронт 7-й советской армии и заняла Ямбург, Красное Село, Гатчину, Детское Село. До Петрограда оставалось не более 20 километров. Но в конце октября красные перешли в контрнаступление, и белые были вынуждены отойти в Эстонию, где были разоружены местным правительством.
Юденич эмигрировал в Англию. В последующем, отказавшись от политической деятельности, он жил во Франции и скончался в Каннах 5 октября 1933 года в возрасте 71 года.

радиолиний. Конечные искровые станции размещались в армейском штабе, а также в штабах дивизий и отдельных отрядов. Приказы Юденича передавались действующим войскам теперь не телеграфом и не конными вестниками, а по радио. При этом больших помех не возникало.

На линии огромной протяженности – от Батума на черноморском побережье и до Товиза в горах Турецкой Армении – работало одновременно до 30 полевых радиостанций. Они обеспечивали днем и ночью надежное управление дивизиями, бригадами и отдельными отрядами.

Подобная схема организации радиосвязи в Первой мировой войне применялась впервые. И вообще, организация такого масштабного контрнаступления на горном театре аналогов в военной истории еще не знала.

Сарыкамышская операция имела полный успех. Новый 1915 год Кавказская армия встретила в наступлении. К 5 января она повсеместно перешла государственную границу. Открывались благоприятные возможности для развития наступления вглубь Турецкой Армении. Но, углубившись на вражескую территорию на 30-40 верст, Н.Н. Юденич приказал прекратить преследование отступавших турок.

Турецкая 3-я армия была наголову разгромлена. Из его 90-тысячного состава у командующего Энвер-паши уцелела едва седьмая часть – 12 400 полностью деморализованных бойцов. Продолжавшаяся почти месяц на фронте более чем в сто километров Сарыкамышская операция завершилась убедительной победой русского оружия. Противник потерял 78 тыс. человек, из которых 15 тыс. попали в плен, а остальные были убиты или замерзли в горах.

Победителям достались богатые трофеи: около 70 горных и полевых орудий, многочисленные обозы с вьючными верблюдами и лошадьми. Количество трофейного оружия и ра-

личного военного имущества подсчету не поддавалось. Но запасов провианта было взять немного[1].

3-я турецкая армия до 1918 года, до самого окончания Первой мировой войны, пребывала на Кавказском фронте против России. Но, несмотря на все значительные пополнения в людях и технике, она больше никогда не достигла той численности, которую имела перед началом наступательной операции на российский Сарыкамыш. Стамбул оказался не в состоянии укомплектовать ее до прежней численности.

Блистательная победа для русских войск на Кавказе далась дорогой ценой, хотя и с меньшими людскими потерями. Кавказская армия лишилась 26 тыс. своих бойцов убитыми, ранеными и обмороженными. Последних набиралось 6 тыс. человек. Число погибших могло быть заметно больше, но многие тяжелораненые воины были спасены в полевых госпиталях, некоторые из которых героически работали под вражеским огнем в почти окруженном Сарыкамыше. Всего же в Сарыкамышской наступательной операции участвовало 45 тыс. русских войск[2].

Военный министр Турции Энвер-паша, сложивший с себя обязанности командующего разгромленной 3-й султанской армией, прибыл в Эрзерум. По словам турецкого мемуариста – отставного полковника Шериф-бей-Кепрелю, бывшего начальника штаба 9-го турецкого корпуса – Энвер-паша отбыл из Эрзерума в Сивас, «проклинаемый бывшими соратниками как наемник германского императора, похоронивший в снегах Анатолийскую армию и обвинявший всех командиров в трусости».

Чтобы оправдать себя в Константинополе перед лицом партии «Единение и прогресс», он, искажая события и факты, распространял лживую версию и клеветал на тех, кто доблестно сложил свои головы под его водительством.

---

[1] Шишов А.В. Юденич. Генерал суворовской школы. – С. 190.
[2] Шишов А.В. Юденич. – С. 191.

Такова была цена попытки Энвера овладеть районом Карс и Ардаган, пропагандировать панисламизм и реализовать мечты пантуранизма»[1].

Общепризнанным в мировой военной истории является то, что Сарыкамышская победа русского оружия имела сильный резонанс в начавшейся полгода назад Великой войне. О победе русской армии на Кавказе много писалось в газетах прежде всего стран Антанты.

Император Николай II, высшее командование не поскупились на награды победителям. Более тысячи солдат, казаков, ополченцев и офицеров было представлено к Георгиевским наградам – Георгиевским крестам и Золотому оружию.

Командующий Отдельной Кавказской армией Николай Николаевич Юденич, принявший бразды правления в критические «сарыкамышские» дни, сумел продемонстрировать истинное полководческое искусство. Его заслуги были оценены высоко: званием генерала от инфантерии и орденом Святого Георгия 4-й степени «за Сарыкамыш».

За Сарыкамыш последовали не только награды, но и наказания. От своих командных должностей были отстранены генералы Мышлаевский и Берхман. В прошедших событиях они продемонстрировали несостоятельность командования вверенными им войсками. Первый – армией, второй – 1-м Кавказским армейским корпусом. Было указано, что оба они в сложной обстановке утратили боевой дух и твердость в принимаемых решениях, проявив в критические моменты известные колебания. Именно они хотели отступить от Сарыкамыша и отдать его неприятелю.

Союзники России по Антанте не остались в стороне от событий на Кавказе. В Великобритании и особенно во Франции отметили блестящую победу русского оружия. 6 января 1915 года посол Франции в Петрограде М. Палеолог с известной долей восторга записал в дневнике: «Русские нанесли пора-

[1] Цит по: Шишов А.В. Юденич. Генерал суворовской школы. – С. 191.

жение туркам вблизи Сарыкамыша, по дороге из Кареа в Эрзерум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же никаких дорог и весь край опустошен. Кавказская армия русских совершает там каждый день изумительные подвиги»[1].

По мнению исследователей Первой мировой войны, значение Сарыкамышской наступательной операции состояло в том, что теперь государственная граница России на Кавказе была надежно защищена. После провала плана Энвер-паши союзник Германии и Австро-Венгрии Турция больше не помышляла о вторжении в Закавказье и дальше за Большой Кавказский хребет, будучи вынужденной защищать собственную территорию от русской армии.

[1] Цит. по: Шишков А.В. Юденич. Генерал суворовской школы. С. 192.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Боевые итоги 1914 года

Если в целом оценивать итоги кампании 1914 года на Восточном фронте, то следует подчеркнуть, что основным стал крах германского блиц-крига – краеугольного камня плана Шлиффена. Наступательными действиями русских в Восточной Пруссии и в Галиции были сорваны планы противника на молниеносную победоносную войну. Немцы и на Востоке, и на Западе завязли всерьез и надолго. Случилось то, чего больше всего боялись германские штабисты – Германский рейх теперь вынужден был вести войну на истощение, шансы выиграть которую у него были минимальными.

Западный и Восточный были главными фронтами Первой мировой – именно на них были сосредоточены основные людские и материальные силы противников. Именно на севере Франции и на западе Российской империи решалась судьба будущей Европы. Тем не менее, кровавые сражения между Антантой и противостоящей ей коалицией во главе с Германией происходили в самых различных уголках мира[1].

Из всех воюющих держав Россия в 1914 году добилась самых впечатляющих успехов. Была фактически разгромлена Австро-Венгрия и Турция, нанесены серьезные поражения немцам, занята Галиция, в то время как западные союзники отдали Бельгию и часть Франции. Престиж нашей страны поднялся очень высоко. Перед ней уже стали заискивать, спешили заручиться обещаниями, чтобы она и дальше помогала своим партнерам. Россия не отказывала, но считала себя вправе выдвигать проекты послевоенного переустройства мира.

В ноябре 1914 года император Николай II изложил эти проекты в беседе с французским послом Палеологом. Главным он считал «обеспечить на долгое время спокойствие в мире», иначе «наше дело не будет правым перед Богом и историей»[1]. Он указывал, что агрессоры должны быть наказаны территориальными утратами. Франции следовало вернуть Эльзас и Лотарингию, отдать некоторые районы Бельгии в компенсацию за принесенный ущерб. Германские колонии Николай II предполагал поделить англичанам и французам по их усмотрению. К России должна была отойти Галиция. Царь предлагал восстановить автономную Польшу, присоединив к ней германскую и австрийскую части. Из австрийских владений выделить независимую Хорватию и автономную Черногорию. Сербии отдать Боснию, Герцеговину, Далмацию и северную Албанию. Турецким армянам самим решить свою судьбу, войти в состав России или же создать автономную Армению.

Проблема черноморских проливов стояла особо. Русские политические деятели из числа оппозиции (лидер партии кадетов и др.) объявляли, что историческая судьба России – овладеть Константинополем (Стамбулом), «поднять крест над св. Софией». Однако Генштаб и правительство выступали против такой идеи. Они доказывали, что Стамбул является перекрестком международных противоречий и присоединение проливов вызовет против Росси гнев всей Европы, но никакой практической выгоды не даст: проливы в любой момент можно блокировать со стороны Средиземного моря. Другой вопрос – добиться их открытия для русских судов. Во время балканских войн, когда Турция перекрыла проливы, Россия понесла колоссальные убытки. Николай II выдвинул компромиссное предложение – предоставить Стамбулу статус «свободного города» со свободным проходом судов через проливы.

Но войну еще предстояло победоносно завершить. А она оказалась для всех участников совершенно не такой, как они ожидали. Применение нового вооружения, техники изменило

[1] Шацилло В.К. Последняя война царской России. – С. 127

[1] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 227

характер боевых действий. Испытанные приемы не срабатывали, а новые решения приносили неожиданный успех. Крепости, которые должны были держаться годами, брались в считанные дни. Зато обычные окопы и траншеи взять не получалось. Все без исключения державы планировали скоротечную войну. Но война стала затяжной. Потери получались такими, что их не могли предвидеть крайние пессимисты.

Во всех армиях были выбиты кадровые части, которые начинали войну. Французы, надеявшиеся вообще обойтись без резервистов, теперь были рады и запасникам, но их не хватало. Стали набирать солдат в Африке, Вьетнаме. В Англии вербовали добровольцев, и их было много, англичане до того момента считали войну чуть ли не видом спорта. Но у них не существовало срочной службы, новобранцы были абсолютно необученными. А колониальные британские части отвлекли турки, их стали направлять не в Европу, а для прикрытия своих владений в Египте, Кувейте, нефтяных концессий в Иране. Дополнительные призывы проводили и немцы, австрийцы, турки.

Эта проблема также коснулась России. Призывали запасников, которые забыли службу, учились по старым наставлениям и методикам. А ратники ополчения вообще впервые становились в строй. Когда пополнения прибывали в кадровые части, солдаты довольно быстро подтягивались к опытным товарищам. Но новые полки и дивизии, второочередные и ополченские, были гораздо слабее кадровых. Со временем, конечно, учились, приобретали навыки и опыт, начинали действовать успешно. Но это со временем, а вначале воевали хуже и потери несли более значительные, чем умелые бойцы.

Остро сказывались потери офицеров, не обязательно убитыми. В русской армии за всю войну погибло 8,3 % офицеров и выбыло по ранению или болезни около 20 %[1]. Но ведь и тех, кто выбыл из строя на время, был ранен, требовалось заме-

[1] Шамбаров В. Великие войны России XX века. – С. 228.

нить. Офицеры нужны были и для вновь формирующихся частей. Призывали офицеров запаса, в лучшем случае старшего возраста, в худшем – уволенных из армии из-за их непригодности или неумелых интеллигентов, получивших офицерский чин с дипломом без обучения военному делу. Но и таких остро не хватало. В декабре 1914 года мобилизовали некоторые категории студентов. Их и отличившихся в боях солдат, имевших необходимое образование (4 класса гимназии, реального училища или семинарии), направляли на ускоренные курсы училищ, в школы прапорщиков. А с унтер-офицерами военным министерством был допущен грубый просчет. Их учет в запасе вели скопом, вместе с рядовыми. В начале войны их и призвали скопом, как «нижних чинов». В войсках они оказались в избытке, многие как рядовые солдаты. А потом их стало не хватать. Поэтому пришлось срочным порядком создавать унтер-офицерские школы и курсы.

Возникли существенные трудности и со снаряжением. В боях и походах рвалось и изнашивалось обмундирование, сапоги. Добавилось легкомыслие новобранцев, среди которых пошло настоящее поветрие – пока эшелоны тащились до фронта, они продавали или меняли на спиртное сапоги, шинели. Рассчитывали, что на фронте выдадут новые, босиком в бой не пошлют. Но новых уже не хватало. Председатель Государственной думы Родзянко, узнав об этой проблеме, предложил привлечь к снабжению войск земства – они могли организовать на местах мастерские, привлечь кустарей. Верховный главнокомандующий Николай Николаевич легко согласился. Действительно, с помощью земств кризис с обувью и одеждой был быстро преодолен.

Но во всех странах, участвовавших в войне, обозначился другой, куда более опасный кризис. К затяжной войне не готовился никто: ни немцы, ни французы, ни русские. А война требовала оружия, боеприпасов. Создать заранее безграничные запасы снарядов было вообще невозможно. Артиллерийские пороха и запальные трубки не подлежали длительному

хранению. Заготовить излишки боеприпасов могли только те государства, которые заведомо готовились воевать летом 1914 года. Немцы и в самом деле попытались это сделать. За основу они взяли цифры расхода боеприпасов в русско-японской войне и к 1914 году заготовили по 1500 снарядов на орудие (у французов – 1300, у русских – 1000-1200). А патронов по 3 тыс. на винтовку (у русских – 1 тыс.). Однако когда начались бои, все военные ведомства с ужасом обнаружили, что расход боеприпасов гораздо выше, чем они рассчитывали.

Во Франции острый дефицит выявился уже в сентябре 1914 года. Военный министр Мильеран вызвал промышленника Рено и поставил ему задачу – срочно наладить широкий выпуск снарядов. Французам и англичанам помогло то, что они уже торговали оружием по всему миру, и у них было налажено военное производство.

Правительства привлекли промышленников, те охотно согласились наращивать производство, ибо это сулило им большие доходы. Начали перепрофилировать заводы, выпускающие другую продукцию. Дополнительно размещали заказы в США и других нейтральных странах.

Труднее всего приходилось немцам. Хотя они и заготовили больше других военных припасов, но уже в сентябре в боях на Эне в войсках не стало хватать патронов. А в октябре из-за отсутствия снарядов прекратили штурм Вердена. Тяжелые орудия «Толстая Берта» решено было временно не использовать, ибо они требовали большого количества дефицитного пороха. Нитратов, необходимых для его производства, запасли всего на 6 месяцев. Они завозились из Латинской Америки. Англичане же пресекли атлантические морские коммуникации, и пороховые заводы Германии встали. У немцев плохо обстояло дело и с винтовками. Для новых соединений их изымали у флота, тыловых частей, вооружали солдат трофейными винтовками французскими, бельгийскими, русскими. В дивизиях скапливалось по тысяче и больше безоружных новобранцев, ожидавших когда убьют или ранят товарища.

Чтобы спасти положение, Германия предприняла экстренные меры. Со Швецией договорились о поставках высококачественной железной руды для производства оружия. Другие виды сырья закупали через Швейцарию, Италию, Румынию. При военном министерстве был создан «отдел военного сырья». Он стал штабом, в который вошли крупные промышленники. С порохом спас флот, он отдал все свои запасы – около 2 тысяч тонн. Германский флот предусмотрел еще до войны длительную борьбу с Англией на морских коммуникациях. Заводы, осуществлявшие поставки для флота, были обязаны подготовиться увеличить выпуск продукции во время войны. Эти заводы и стали базой для развертывания остальной промышленности. А немецкие ученые совершили открытие – они нашли способ получать азот из воздуха. Теперь порох можно было производить без импортных нитратов. Но ситуация выправлялась далеко не сразу. Полученного от флота пороха сухопутной армии хватило лишь на два месяца. В декабре в германской армии выделялось по 30-50 артиллерийских выстрелов в день на дивизию. А в январе 1915 года из-за нехватки снарядов немцы вообще не могли отвечать на огонь противника.

Перед русскими встали подобные же проблемы. Фронт ежедневно расходовал 45 тыс. снарядов, а заводы производили лишь 13 тыс. Требовалось в месяц 60 тыс. винтовок, а производилось только 10 тыс. Уже в сентябре пошли приказы об экономии боеприпасов. С винтовками стало особенно напряженно после того, как в Сербию отправили 150 тыс. винтовок. Так же как и немцы, стали изымать винтовки у флота, тыловых и запасных частей. Новобранцев обучали на ружьях старых образцов. С этими трудностями во многом справлялись благодаря тому, что в ходе наступления нашим войскам доставались хорошие трофеи. Целые дивизии переводились на австрийские винтовки «манлихер», пулеметы «шварцлозе». А инженерные части русской армии были централизованно перевооружены германскими винтовками «маузер».

Но нечем было заменить подбитые или испорченные орудия, число которых сократилось на 25 %. Артиллерии производилось мало. Чтобы укомплектовать пушками новые соединения, начали формировать батареи в 6 орудий вместо 8-орудийных. Но и для оставшихся пушек было мало снарядов, все чаще случались перебои. Правда, положение у нас было лучше, чем в Германии. Немцы применяли массированный огонь, требовавший огромное количество снарядов. Наши артиллеристы предпочитали бить прицельно. Меткостью они значительно превосходили противника. Германские военачальники по опыту боев даже выработали неофициальное соотношение: чтобы уравнять возможность, на 1 русское орудие выставлять 3. А расход боеприпасов у русских получался меньше. Тем не менее запасы иссякли.

Однако военное министерство не особо озадачивалось. Даже имеющиеся оборонные заводы медленно выполняли заказы, нарушали сроки. А расширением производства министерство всерьез не занималось. Вокруг военного министра Сухомлинова было, как сейчас принято говорить, «все схвачено». Подрядчики и посредники прекрасно знали, с какой стороны подъехать к министру, с какими суммами, какие знаки внимания оказать его очаровательной молодой жене, чтобы на сорванные графики поставок не обратили внимания, чтобы заказы распределились нужным образом. Позднее, во время следствия по «делу Сухомлинова», гардероб мадам Сухомлиновой, шубки, вечерние туалеты, груды парижского белья оценили. Оказалось, что стоимость только этих тряпок втрое превышала все заработки мужа-министра. А в итоге вместо мобилизации отечественной промышленности министр пошел по старому, испытанному пути, который, кстати, нередко используют и в наше время. Нехватку оружия и боеприпасов решили ликвидировать закупками за границей.

Но для этих закупок требовалась валюта. Обратились к союзникам. И вот тут-то англичане и французы отыгрались по полной программе. На фронтах войны их достижения были

достаточно сомнительными, но когда речь зашла о деньгах, они увидели возможность поставить этих русских «на место». Валюты на закупки не давали. Оплаченную артиллерию французы нам не отдали, а отдали ее своей армии. Стали ломаться, увязали в обсуждениях, на какие русские заказы стоило бы выделить кредиты, а на какие нет.

Свой голос подала и так называемая финансово-политическая «закулиса». В США банкир Яков Шифф точно так же, как в японскую войну, развернул усиленную агитацию против предоставления кредитов России, призывал бойкотировать русские ценные бумаги. Когда в западной прессе начались публикации о немецких зверствах в Бельгии, Шифф объявил, что это сущая мелочь по сравнению с «жестоким обращением царя с еврейским населением». Англии и Франции для закупок вооружения в США тоже требовались кредиты. Шифф соглашался выделить их лишь в том случае, если Лондон и Париж дадут письменное обязательство: ни копейки из этих сумм не давать русским.

Российский министр финансов Барк трижды вел переговоры с англичанами и сумел достичь соглашения. Но на чудовищных условиях. Запрашивали 100 млн. рублей, а Англия выделила лишь 40 млн. под 6 % годовых. При этом банкиры Лондонского Сити и британский министр финансов Ллойд Джордж потребовали обеспечить кредит русским золотом. И золото надо было доставить в Англию. Русские пытались возражать, объясняли, что золото перевозить по морю рискованно, предлагали отложить расчеты до конца войны. Однако англичане отказались и настояли на своем. Фактически получились не займы, а сногсшибательная спекулятивная сделка. Россия покупала вооружение за собственное золото, по заниженному, навязанному ей курсу. Да с нее еще сдирали проценты и наворачивали ряд дополнительных условий. Зато российское военное министерство получило возможность выправить кризис. В британской компании «Армстронг и Виккерс» оно разместило заказ на 5 млн. снарядов, были подписаны

контракты на поставку 1 тыс. аэропланов, 250 тяжелых орудий, 27 тыс. пулеметов, 1 млн. винтовок, 1 млрд. патронов, 8 млн. гранат, 200 тыс. тонн взрывчатки. Заказали и оборудование, чтобы довести отечественное производство снарядов до 40 тыс. в день. Заказ приняли, по самым важным пунктам продукцию должны были отгрузить уже к весне 1915 года. Сухомлинов заверил царя и Государственную думу, что в марте нехватку боеприпасов и оружия удастся преодолеть. Не преодолели. Об этом пойдет речь в следующей книге.

Двадцать первого декабря 1914 года военный атташе Британии прислал секретный доклад с оценкой военной ситуации в России. В нем говорилось об устрашающей нехватке военного снаряжения, о генералах, которые, не имея военного опыта, вступили в командование фронтами, о 800 тыс. рекрутах, готовых отплыть на Западный фронт – во Францию, но не имеющих винтовок, о нехватке умения, об искаженном понимании в Петрограде военной ситуации. Атташе докладывал, что в России «солдаты живут только тем, что могут собрать в пределах досягаемости в своем регионе. Они собирают часть урожая, но они не могут обеспечить себя военным снаряжением – оно не растет на полях»[1]. Доклад производил впечатление, и боязнь того, что Россия потерпит поражение, стала среди британских министров почти всеобщей. Премьер-министр Асквит стал возлагать основные надежды на вступление в войну Италии и Румынии: их присоединение к Антанте может «положить конец сопротивления Австрии».

Но было бы преждевременно полагать, что Запад потерял веру в своего восточного союзника. Один из авторитетных британских политиков писал 24 декабря 1914 года: «Меня не смутили события в России. Хотя ее наступление отложено и она страдает от анемии в некоторых частях своего организма, эта болезнь не фатальна, и я еще верю, что она сыграет свою роль к нашему удовлетворению. Мы должны быть готовы к

[1] Цит. по: Уткин А.И. Первая Мировая война. – С. 142.

неожиданностям в этой великой войне, где нам противостоит такой мощный противник. Что касается духа русского народа, то у меня нет на этот счет сомнений». Такое умонастроение поддерживала и телеграмма главного военного эксперта в России. Нокс в своих сообщениях с Восточного фронта в конце декабря 1914 года высоко оценил боевой дух и опыт русской армии. По мнению Нокса, в уходящем году «русская армия проявила себя настолько хорошо, насколько все, кто знал ее, мог надеяться. Ее недостатки и встреченные ею трудности можно было предусмотреть»[1].

Благодаря самоотверженности русских Англия и Франция были спасены от неминуемого поражения. Позднее маршал Фош с почтением признавал: «Если Франция не была стерта с лица Европы, то этим прежде всего мы обязаны России»[2]. Россия же вправе была ожидать от своих союзников аналогичной помощи в трудное для себя время.

[1] Цит. по: Уткин А.А. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. – С. 115.

[2] Цит. по: Новейшая отечественная история. XX век. Кн. 1. – С. 120.

Научно-популярное издание
Титков Евгений Павлович
Подрепный Евгений Ильич
РУССКИЙ НАБАТ 1914 ГОДА

Печатается в авторской редакции
Технический редактор С.П. Никонов
Набор: С.В. Щенникова, А.М. Ефимович
Верстка: А.М. Ефимович
Корректоры: А.В. Пряников, О.В. Никифорова, М.В. Аникина.

Подписано в печать 05.11.2014. Формат 60 x 84/16.
Усл. печ. листов 15,7. Тираж 125 экз. Заказ № 771

Издательство Арзамасского филиала ННГУ
607220 г. Арзамас, Нижегородской обл., ул. К. Маркса, 36
Отпечатано в ООО «Интерконтакт»
607190 г. Саров Нижегородской обл., ул. Герцена, 16

ISBN 978-5-9905848-9-1